

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

НИЖЕГОРОДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ - ФИЛИАЛ

На правах рукописи

Сергеева Элла Александровна

**ИДЕОЛОГИЯ В СТРУКТУРЕ ПРОТИВОБОРСТВА ИНФОРМАЦИОННЫХ
ВЛИЯНИЙ НА СОЦИАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ**

Специальность 5.7.7. Социальная и политическая философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор
Андрей Васильевич Дахин

Нижегород - 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАКТИК ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ	31
1.1. Социальная реальность как объект влияния в свете европейской классической социально-философской мысли.....	31
1.2. Социально-философские подходы к практикам влияния на социальную реальность в информационном обществе.....	48
2. ИДЕОЛОГИЯ В ПОЛЕ ДИАЛЕКТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ И СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ.....	70
2.1. Социально-философский анализ актуальных идеологических практик.....	70
2.2. Идеология в мире технологий информационного влияния.....	94
3. ИДЕОЛОГИЯ В ОБЩЕСТВЕ СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ.....	119
3.1. Понятие «общая идеология государства»: концептуализация и операционализация в структуре информационных влияний.....	119
3.2. Идеологическое измерение социальных процессов в современной России.....	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	175

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы исследования

Технологии информационного влияния, которые распространены в современном обществе повсеместно, вступили в состояние глобального противоборства, на одной стороне которого находятся центры политического и информационного влияния Запада (США и их государства – союзники), а на другой - Россия. Несмотря на то, что центрами информационно-политического влияния являются также Китай, Индия, арабские государства Центральной Азии, наиболее острым, локально (для России) и глобально значимым, наиболее показательным и содержательно глубоким является противоборство Запада и СССР/ России, которое благодаря отсутствию языкового барьера формировалось, содержательно наполнялось на протяжении нескольких столетий. Состояние современного информационно-идеологического противоборства Запада и России содержит в своём багаже принятие на Руси православия (а не католицизма), противостояние ливонскому нашествию на Чудском озере, дилемму «западничества» и «славянофильства» и многое другое. В отношениях со странами Восточной и Центральной Азии, во многом из-за «высокого» языкового барьера и иных цивилизационных отличий, такой глубины и такого накала идеологического противоборства не сложилось. Структуры информационного противоборства по линии Запад – Россия вовлекают в сферу своего действия самые разнородные ценностные, мировоззренческие установки, знания, образы, которые, в конечном счёте, перерабатываются в разнообразные идеологии. Эмпирические исследования показывают, что идеологический фактор достаточно сильно влияет на содержание социальных запросов и на формы социального поведения человека¹. Внимание к идеологическому фактору усиливается. В настоящее время в мире наблюдается

¹ Аникин В.А. Запросы россиян на содействие государства: социальное инвестирование или социальная поддержка? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 345-366.

своеобразный идеологический ренессанс². Многочисленные практики использования партийно-политических идеологий показывают, что идеологическое разнообразие может вести к обострению внутригосударственных противоречий, к социальному расколу, что может приводить к упадку или распаду государств. Современные примеры дают «цветные революции», в ходе которых также генерируется такое политико-идеологическое разнообразие, которое приводит к разрушительным для общества и государства последствиям (Югославия, Ирак, Ливия, Украина и др.). Эти обстоятельства позволяют заключить, что принцип разнообразия партийно-политических идеологий, может работать как во благо устойчивого суверенного государственного развития, так и во вред ему. В свете этой проблемы первым источником актуальности выбранной темы является вопрос о социально-функциональной значимости партийно-политического разнообразия, а именно – о той социальной функции идеологии, которая обеспечивает солидарность общества, сохраняет устойчивое социально-политическое партнёрство внутри страны. Таким образом, обостряется вопрос о том, в какой мере идеология может обеспечивать национальную консолидацию, общегосударственное сплочение граждан внутри своей страны, в какой мере идеологическое влияние, усиленное возможностями информационных технологий, может работать на задачи консолидации государствообразующих сообществ разных стран. Эта проблема особенно актуальна для России, где на протяжении последних трёх десятилетий активно использовались партийно-идеологические системы для обеспечения политического разнообразия и многопартийности, а в настоящее время актуальной становится перспектива использования идеологии для формирования общегражданской системы ценностей, обеспечивающей общегосударственную консолидацию России в целом.

Консолидирующая, объединительная функция идеологии используются не только для решения задач, возникающих «здесь и теперь». Исследователи наблюдают своеобразный «рынок» идеологических моделей будущего. Вариантов таких

² Никонов В.А. Современный мир и его истоки. М.: Издательство Московского университета, 2015. С.121-122.

идеологий немало. Например, С. Хантингтон³, считая западную цивилизацию достигшей высот своего развития, ставит и по-своему решает вопрос о единой универсальной цивилизации. Эта проблема актуальна и для России, поскольку этно-национальное разнообразие внутри страны и цивилизационное разнообразие вдоль её государственных границ содержит риски появления конфликтных отношений. Приемлема ли для России идеология «столкновения цивилизаций»? – это частный случай вопроса о значимости консолидирующего идеологического сопровождения российской геополитической стратегии. Во внутренней публичной политике также проявляется запрос на идеологическое оснащение «государства Путина» и «путинизма»⁴, имеют место дискуссии по проблеме «традиционных российских ценностей»⁵, предлагается концепция «четвёртой идеологии»⁶. Эти и многие другие конкретные ситуации позволяют увидеть ещё одну дилемму идеологии: политико-идеологические практики, предлагая различные образы и символы будущего для России, разобщают граждан страны, что актуализирует проблематику идеологии, консолидирующей российское общество по отношению к представлениям об образе будущего. В свете этой дилеммы идеологический контент обнаруживает связь с глубинными философскими вопросами о структуре организации человеческой деятельности и социального развития⁷.

Второй источник актуальности выбранной темы связан с тем, что последнее столетие стало периодом небывалой по охвату информационно-технологической революции, последствия которой противоречивы в отношении статуса человека в си-

³Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ. 2016. 571 с.

⁴ Сурков В. Нужна ли России национальная идея и как ее сформулировать [Электронный ресурс] <http://www.iarex.ru/interviews/37362.html>. Сурков, В. Долгое государство Путина [Электронный ресурс] http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html.

⁵Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809 [Электронный ресурс] <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>.

⁶ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: ТИД Амфора. 2009. - 351 с.

⁷Лепский В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр. 2015. 107 с.

стеме социальной реальности, представлений о сущности общества, о природе и значимости знания и познавательной деятельности человека⁸. Актуальные практики влияния человека на социальную реальность становятся всё более разнообразными, технологизированными и противоречивыми. Если представления о мощности таких влияний уже давно сопоставлены с «геологическими силами природы» (В.И. Вернадский), то разнообразие и технологические формы, в которых реализуются механизмы влияния на социальную реальность, требуют детального исследования, прежде всего потому, что непосредственно затрагивают Россию⁹. Последствия информационно-технологической революции порождают новые глубокие противоречия и дилеммы современной социальной реальности, где взаимодействие людей, объединенных принципами свободы и ответственности, интересами и ценностями, коллективной памятью и коллективной идентичностью, начинает конкурировать и противоборствовать с реальностью «информационного общества» (Э. Тоффлер), где действуют «абстрактные системы»¹⁰, «паттерны», «аутопойэзис»¹¹ и пр. В частности, возникают технологии влияния, которые могут радикально менять образ социальной реальности (тенденция господства «пост-правда»), трансформировать и выхолащивать языковую и понятийную ткань (тенденция господства «пустых означающих»), менять практики коллективной рефлексии, порождая формы информационно-идеологической активности, генерирующие атмосферу публичного агностицизма¹², который начинает противоборство с традиционной человекомерной познавательной деятельностью общества (тенденция к господству программ типа чат JPT). Это актуализирует, с одной стороны, философскую работу, направленную на раскрытие форм информационного противоборства, порождённых информационно-технологической революцией. С другой стороны, актуализируется значимость философской работы, нацеленной на отбор приоритетных и перспективных понятий и

⁸ Трахтенберг А.Д. Информационная революция и информационный раскол: что происходит в России? [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-revoljutsiya-i-informatsionnyyraskol-chto-proishodit-v-rossii>.

⁹ Кутырёв В.А. Время Mortido. СПб.: Алетейя, 2012. 336 с.

¹⁰ Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность. 1994. № 5. С.127-128.

¹¹ Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2011. С.85.

¹² Дахин А.В. Парниковый эффект -2. Антропологический след рекламной-информационной мегамашины // Свободная мысль – XXI. 2003. № 9. С.70-81.

концепций, позволяющих рассмотреть альтернативные философские основания форм современного информационного противоборства, определить те из них, на которые может опираться идеологический и информационно-технологический выбор России. В частности, изучение места технологий информационного влияния на общество в общем поле механизмов влияния, их связи с базовыми философскими теориями, лежащими в основе проектирования современных социальных технологий, становится актуальной социально-политической задачей.

Применительно к России изучение технологий влияния на социальную реальность особенно актуально, поскольку в новых социальных условиях воздействие на выбор целей, задач развития и средств их достижения является сферой столкновения альтернативных идеологий, по-разному определяющих формы социального взаимодействия, утверждающих то или иное соотношение статусов человека, технологии и информации в обществе. Доминирование влияния тех или иных идейных течений может либо сохранять за человеком возможность проявлять свою субъектную самоидентичность (идентичность), творческую самореализацию, коллективно-личностную самоорганизацию, либо может разрушать, блокировать их. Влияния идей и технологий 1980 – 1990-х гг., которое привело к разрушению многонациональной социальной реальности, долгие годы входившей в состав одного государства (СССР), требуют не только основательного исследования, но ставят задачи поиска альтернативных мировоззренческих ресурсов и технологий влияния, идейные предпосылки которых могут ориентировать на приоритеты созидания, всестороннего развития человека, общества, государства в России.

Третий источник актуальности темы диссертации видится в том, что исследование человеческой деятельности, которая в социальной философии является одной из магистральных тем и рассматривается основным источником влияний на социальную реальность¹³, проблематизируется от того, что всё большей популярностью пользуются теории, закрепляющие доминирующее значение в обществе «институ-

¹³ Зеленов Л.А. Философия. Н.Новгород, 2006. 168 с.

тов», «технологий», «информации». При этом значимость человека как субъекта деятельности растворяется. Человеко-машинные, институциональные, ИТ-организованные и др. социальные практики стимулируют появление новых идей и идеологий, обосновывающих радикальные прикладные концепции, замещающие субъектную миссию человека иными конструктами¹⁴, которые отрываются от каждодневной действительности человеческого бытия или абстрагируются от нее. Основная актуальность связана с вопросом о философских основаниях целостного понимания природы человека как субъекта деятельности, которые могут рассматриваться в качестве приоритетной основы для перспективы интегративных, в т.ч. идеологических влияний на социальную реальность личности, общества, государства.

Объектом исследования данной диссертации является место, роль идеологии в системе механизмов влияния на социальную реальность, особенности проявления в современном информационном обществе.

Предметом исследования является идеологическая деятельность, действующая в формате общей идеологии государства, её значение для России в ситуации современного глобального информационно-идеологического противоборства. В части привлечённого эмпирического материала предметная область исследования охватывает поле информационного противоборства Запада и СССР /России. Хронологические рамки привлечённого эмпирического материала охватывают период 20 века и первое двадцатилетие 21 века.

Цель исследования – определить социально значимый формат идеологии, как консолидирующего общество и государство механизма влияния на социальную реальность, действующего в ситуации глобального информационного противоборства, участником которого является Россия.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

1. проанализировать базовые подходы к описанию механизмов влияния на общество в их взаимосвязи с философскими представлениями о природе социальной

¹⁴ Хэмилтон М. Интегральный город: Эволюционные интеллекты человеческого улья. М.: ООО «Ориенталия». 2013. 685 с.

реальности, рассмотреть генезис представлений о человеке, как источнике и социальном субъекте влияния на общество, представлений о технологиях такого влияния, в т.ч. связанных с особенностями современного информационного общества;

2. дать критический анализ концептуальных представлений о механизмах влияния на социальную реальность, исключаящих человека, как социального субъекта, в т. ч. критический анализ концепций современных технологий информационного влияния,

3. на примере отношений Запада и СССР/ России проанализировать базовые философские основания идеологических различий в поле современного противоборства информационных влияний, направленных на преобразование социальной реальности, определить специфику формата, в котором идеология выступает в этом противоборстве;

4. разработать концептуальное представление об общегосударственной консолидирующей роли идеологии в её связи с фактором государственного суверенитета, с платформенными философскими системами, на которые она опирается, в контексте информационного противоборства Запада и СССР/ России, определить особенности основных форм такой идеологии в 20 – начале 21 вв.;

5. разработать концептуальное представление об общегосударственной консолидирующей роли идеологии в её связи с механизмами влияния на социальную реальность, сформулировать социально-философские основания для типологического анализа режимов действия идеологии формата общегосударственной консолидации.

6. обосновать возможность применения понятия об общегосударственной консолидирующей роли идеологии в качестве инструмента для прикладных исследований особенностей связи идеологии с технологиями информационного влияния на социальную реальность современного информационного общества, для прикладных исследований российской идеологической ситуации:

7. в свете разработанных в исследовании подходов к понятию об общегосударственной консолидирующей роли идеологии проанализировать особенность идеологической ситуации в России, платформенные философские основания актуальной

идеологической активности, определить приоритеты идеологического выбора России в перспективе 21 века.

Степень разработанности проблемы

Изучение степени разработанности проблемы охватывает области гуманитарных наук, изучающих разнообразие механизмов влияния на социальную реальность современного общества, в том числе исторические аспекты, поскольку они позволяют охарактеризовать состояние объекта исследования. Для характеристики научных достижений, связанных с предметом исследований мы проанализировали работы, рассмотревшие идеологию как специфический контент, действующий в структуре противоборства информационных влияний на социальную реальность современного общества, в т. ч. России.

В специализированных исследованиях политических идеологий, представленных в диссертационных работах А.В. Жукоцкой, В.С. Малицкого, В.А. Жилиной, Н.Н. Равочкина, А.В. Ступкиной, Е.В. Смирновой, Ю.В. Беридзе, Е.В. Литягина, А.В. Одинцова, М.В. Гринь, Р.А.Троско, С.М. Соловьева¹⁵ и др. рассматриваются проблемы содержания отдельных идеологических систем, вопросы идеологического

¹⁵ Жукоцкая А.В. Проблема идеологии: Социально-философский анализ: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. - Москва, 1998. - 380 с., Малицкий В.С. Идеология: сущность, структура, исторические типы: Социально-философский анализ: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. - Ростов-на-Дону, 2006. - 390 с., Соловьев, С.М. Идеология: контroversы теоретической проблематизации в XX веке: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Москва, 2004. - 140 с., Жилина В.А. Идеология как атрибут социального бытия: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. - Челябинск, 2010. - 333 с., Беридзе Ю.В. Трансформация идеологии в современном российском обществе: социально-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Краснодар, 2007. - 29 с., Гринь М.В. Трансформация идеологического пространства в условиях глобализации: проблемы и перспективы: автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.11. - Краснодар, 2018. - 70 с., Литягин Е.В. Идеология как необходимый фактор жизни современного общества: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Горно-Алтайск, 2004. - 197 с., Одинцов А.В. Сетевые технологии конструирования современных идеологий в информационном обществе: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Ставрополь, 2017. - 27 с., Равочкин Н.Н. Идеология как фактор трансформации современной общественной жизни: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Красноярск, 2016. - 125 с., Смирнова Е.В. Концепт идеологии в социально-философской мысли: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Москва, 2016. - 147 с., Ступкина А.В. Идеологические и прагматические детерминанты развития современного общества: философский анализ /Дисс... кандидата философских наук. – Ставрополь, 2009. -162с., Троско Р.А. Содержание, структура и функции научной идеологии: особенности анализа в современной социальной философии: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Барнаул, 2006. - 175 с.

разнообразия как атрибута современного социального бытия, описываются исторические типы, трансформация дифференцированного идеологического пространства и др. аспекты. При этом потенциал идеологии как основания интегративного влияния на социальную реальность государства в целом или на международное сообщество в них специально не исследуется.

Дополнительно необходимо отметить работы, посвящённые изучению механизмов, технологий влияния¹⁶, а также работы отечественных авторов, интерпретирующих проблематику «мегамашины», «технического объекта», «гуманитарной инженерии» в контексте изучения современного общества¹⁷. Исследования позволяют заключить, что представления о механизмах влияния на социальную реальность сводятся к трем основным парадигмам: социальному реализму, социальному номинализму и социальному конструктивизму¹⁸, которые, не дают решения дилеммы приоритетности технологий влияния в аспекте идеологической интеграции или идеологической дифференциации. Несмотря на высокую насыщенность исследований вопрос связи представлений о природе общества с представлениями том, как и что влияет на общество, при каких обстоятельствах человек рассматривается в качестве источника, центра интеграционного или дифференцирующего влияния на общество, рассмотрен слабо. Между тем, именно здесь лежат глубинные основания современного противоборства в поле технологий информационного влияния, основания представлений о том, как люди могут влиять, а как не могут и не должны влиять на общество, в котором они живут. Изучение этого вопроса необходимо как для целостного осмысления роли технологий информационного влияния, так и для целостного осмысления роли идеологии в перспективе выбора России. Диссертационные исследования В.И. Пржиленского, А.В. Качалкиной, Т.Г. Даниловой, Е.Л. Сердюковой,

¹⁶ Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: Логос. 2001. 416 с.

¹⁷ Дахин А.В. Щуров В.А. Апокалипсис технического объекта (монография). Н.Новгород, ННГУ. 1992. 95 с.

¹⁸ Спекторский Е. Номинализм и реализм в общественных науках / Е.Спекторский // Юридический вестник. М., 1915. кн.9. С.20-34, Тощенко Ж.Т. Парадигмы, структура и уровни социологического анализа // Социологические исследования. 2007. №9. С.5-16, Глазерсфельд Э. Конструктивистский подход к обучению // Философия и социальные науки: Научный журнал. 2009. №3. С.54, Столярова, О.Е. Социальный конструктивизм: онтологический поворот (послесловие к статье Б.Латура) // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2003. № 3. С.39-51.

С.В. Козлова, И.А. Лукичевой, Т.В. Фаненштиль, Р.Ф. Шариповой, Б.С. Шалютина, И.А. Терентьева, Г.М. Никитина¹⁹ и др. отражают различные аспекты этого вопроса, однако, целостного содержательного раскрытия роли идеологии как источника интегративного механизма влияния на социальную реальность конкретного государства они не дают. Актуальность проблемы связи государства и идеологии особенно остро проявляется в связи с дискуссией о Ст.13 Конституции РФ²⁰.

Ряд аспектов интегративного влияния людей на социальную реальность отражены в работах, авторы которых изучают различные аспекты, подходы к пониманию массового характера идеологического воздействия. Философия рассматривает идеологическое воздействие в русле влияния на массовые социальные процессы (Ортега-и-Гассет Х.²¹), на общественное сознание (М. Ковальзон, В. Келле²²). В качестве источника массового влияния рассматривается политическая идеология как таковая

¹⁹ Данилова Т.Г. Конструирование социальной реальности в дискурсе информационного общества: коммуникативный аспект: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Томск, 2011. - 135 с., Пржиленский В.И. Онтологический статус социальной реальности: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. - Ставрополь, 1999. - 251 с., Сердюкова Е.Л. Прогнозирование социальной реальности как метод философского анализа: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Краснодар, 2015. - 154 с., Никитин, Г.М. Онтогносеологические модели социальной реальности в неклассической социальной философии: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Екатеринбург, 2006. - 174 с., Качалкина А.В. Социальная реальность как объект философского анализа: вероятностный аспект / Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Ставрополь.: СГТУ, 1999. – 21с., Козлов С.В. Проблема легитимации в конституировании социальной реальности: социально-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Тверь, 2008. - 22 с., Лукичева И.А. Проблематика искусственной общественной реальности в социальной философии нового времени. / автореферат дис. ... канд. филос. наук. – Мурманск.: МГТУ, 2001. – 25с., Терентьев И.А. Социальная реальность как объект социально-философского анализа: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Краснодар, 2007. - 25 с., Шалютин Б.С. Субъективная реальность. / Дисс. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 1998. – 237с., Шарипова Р.Ф. Социальная реальность: философский анализ понятия: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.01. - Уфа, 2001. - 162 с., Фаненштиль Т.В. Повседневное взаимодействие социальной реальности и субъекта (социально-философский анализ) / Дисс. ... кандидата философских наук. – Чита, 2017. – 190с.

²⁰ Дахин, А. В. Россия как демократическое государство: философия, идеология, Конституция. // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. - № 1(61). - 2023. - С.165-169.

²¹ Ортега-и-Гасет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. №3. С.119-154.

²² Келле В.Ж. Исторический материализм. М.: Высшая школа, 1962. 479 с.

(К. Мангейм²³), «суперидеология» (Э. Тоффлер²⁴), идеология будущего (Ф. Фукуяма²⁵, С. Хантингтон²⁶ и др.). Отечественные исследования отдельных массовых идейных влияний на приоритеты социальной реальности в настоящем и будущем отражены в трудах таких авторов, как академик РАН В.С. Стёпина, проф. В.Е. Лепского, проф. В.А. Кутырёва, проф. А.В. Дахина и др. Изучены противоречия между идейными позициями социального конструктивизма и исторического детерминизма (между «контекстуальным» и «историческим» по терминологии А.В. Дахина²⁷), идейные аспекты процессов глобализации²⁸, расчеловечивания и роботизации²⁹ и др.

Более фундаментальные аспекты исследования влияний, направленных на преобразование общества, раскрываются через представления о целостной, интегративной природе социальной реальности, которые составляют содержание как отечественной, так и зарубежной научно-философской традиции. Философские идеи о сущностной интегративной природе общества отражены в трудах древнегреческих философов (Платон, Аристотель), рассматривавших бытие общества по законам природного космоса³⁰, в трудах мыслителей средневековья (Фома Аквинский, Аврелий Августин³¹ и др.), разрабатывавших представления о целостности общества, где «сущностное» отождествляется с «Божественным»³², в работах философов Нового времени и Просвещения (Ж.Ж. Руссо, Б. Спиноза, Л. Фейербах и Г.В.Ф. Гегель

²³ Мангейм К. Идеология и утопия. М.: Юрист. 1994. С.89.

²⁴ Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ». 2004. С.279.

²⁵ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак. 2005. С. 84-85; Фукуяма, Ф. Великий разрыв. М.: ООО Издательство АСТ: ЗАО НПП Ермак, 2004. 474 с.

²⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2016. 571 с.

²⁷ Дахин А.В. Соотношение этнической и национальной идентичности. Россия, Южная Корея, Канада. // Философские науки. 2003. № 9. С.5-23.

²⁸ Дахин А.В. Альтернативные метафоры глобализации // Космополис. № 3. 2003. С.148-158. С.148-158.

²⁹ Столяров А. М. Розовое и голубое // Постчеловек. От неандертальца до киборга. М.: Алгоритм, 2008. С. 8-52.

³⁰ Платон. Государство [Электронный ресурс]

<http://www.http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/26gos01.htm>.

³¹ Фома Аквинский. Сумма теологии. М.: Изд-во РАГС, 2006. с.181, Августин Блаженный Аврелий. Время и жизнь. М.: «Проспект», 1997. с.395.

³² Кузанский Н. О предположениях. М.: Мысль, 1979. С.265.

и др.), которые стали рассматривать природу общества сквозь призму интегративных государственных и политических процессов³³. Идея общества, как целостного организма, подчинённого действию новых факторов предстает в трудах О. Конта³⁴, Э. Дюркгейма³⁵, учитывается у А. Бергсона³⁶, У. Джеймса³⁷ и др. Концептуализация роли человека как субъекта целостного социально-исторического процесса, дана К.Марксом в рамках теории социальной революции.

Среди приоритетов исследовательских практик современной философии достаточно весомой является тенденция, направленная на опровержение или отрицание целостности социальной реальности. Таковы философия «открытого общества»³⁸, феноменология Э. Гуссерля³⁹, теории А. Шюца⁴⁰, Т. Лукмана и П. Бергера⁴¹, Г. Гарфинкеля⁴², М. Спектора и Дж. Китсьюза⁴³, а также М. Вебера, Э. Гидденса, Н. Лумана и др. Тенденция растворения значимости таких интегративных понятий, как «бытие», «сущность», «объективные законы» в системах современного мировоззрения отражают концепты «смерти автора»⁴⁴ и «смерти субъекта»⁴⁵. В структуре этого мировоззрения усиливается внимание к анонимным, обезличенным «абстрактным системам» (Э. Гидденс), «аутопойэзису» (Н. Луман), «точкам бифуркации»⁴⁶ и пр.

³³ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. с.207.

³⁴ Конт О. Общий обзор позитивизма. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. С.55.

³⁵ Дюркгейм Э. Социология и социальные науки. М.: Канон., 1995. С.270.

³⁶ Бергсон А. Собрание сочинений в четырёх томах. Том 1. М.: «Московский Клуб». С.167.

³⁷ W. James. Principles of Psychology. N-Y, 1890. Vol. 2. Ch. 21. p.p.283-322.

³⁸ Поппер, К. Открытое общество и его враги. М.: Изд-во: Международный фонд «Культурная инициатива». 1992. 427 с.

³⁹ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология (введение в феноменологическую философию)//Вопросы философии. 1992. №7. С.136-176.

⁴⁰ Шюц А. Структура повседневного мышления//Социологические исследования. 1988. №2. С.30.

⁴¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. С.12.

⁴² Гарфинкель Г. Что такое этнометодология? // Социологическое обозрение. 2003. –Т. 3, №4. С.1-35.

⁴³ Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности – II. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск.ун-та. 2001. С.160-163.

⁴⁴ Барт Р. Смерть автора. М.: Прогресс. 1989. С. 384-391.

⁴⁵ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сad, 1994. 406 с.

⁴⁶ Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

На этом фоне необходимо показать, что в отечественной философской традиции приоритетным было осмысление фундаментальных оснований внутренней целостности природы общества, в т.ч. российского, который вели мыслители «серебряного века» философии, предлагавшие своё видение с позиций «западничества», «славянофильства», всеединства, космизма, интуитивизма, марксизма и др. Наиболее значимыми для нашего исследования являются идеи философии всеединства В.С. Соловьева, идеи христианского социализма С.Н. Булгакова, идеи философии имени А.Ф. Лосева, в которых идея интегративного восприятия человеком своего мира бытия и существования выражена наиболее рельефно. В отечественной науке традицию целостного восприятия социальных процессов продолжают Л.Н. Гумилев, Н.Д. Кондратьева, С.А. Кузьмин, Ю. Лотман, В.И. Маевский, К.Х. Момджян, П.А. Сорокин⁴⁷ и др. Социально-философская мысль советского периода рассматривала природу социальной реальности и человеческой деятельности на интегративной, но догматизированной материалистической мировоззренческой платформе. Эпизодами обновления этой платформы, которые приоткрывали новые перспективы понимания интегративной природы деятельности человека, были дискуссия Н. Вавилов – Т. Лысенко⁴⁸ и дискуссия Э. Ильенков – Д. Дубровский⁴⁹. В обоих случаях основной философский смысл сводился к тому, что и Н. Вавилов, и Э. Ильенков предприняли попытки утвердить идеи приоритетности научного знания вопреки приоритетам официальной идеологии. Это выявило существенную дилемму в совет-

⁴⁷ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.; Луман, Н. Понятие общества. СПб., 1994. С. 25-42; Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экспресс, 1993. 544 с.; Кондратьев Н.Д. Основные учения о законах развития общественной жизни // Новые идеи в экономике. Пг., 1914. С.1-53.; Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. 523 с.; Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Прогресс, 1992. 544 с.; Кузьмин С.А. Социальные системы: опыт структурного анализа. М.: Наука, 1996. 191 с.

⁴⁸ Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и наука о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат. 1991. С.103-162.

⁴⁹ Плеханов И.А. Д.И. Дубровский и Э.В. Ильенков: неоконченный спор о природе психики и идеальном. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1 (6). с. 153–162.

ских практиках целостного, интегративного влияния на бытие и существование социального субъекта в современном обществе⁵⁰. В 1960-70-х гг. с разработкой понятий «общественные отношения», «социальные отношения», «социальная форма материи» продолжается проблематизация вопроса об основаниях целостности природы социальной реальности и влияния на неё. В работах И.В.Бойченко, А.В. Дроздова, С.А. Кислова, В.И. Куценко, М.В. Лашиной, В.П. Рожина⁵¹ и др. социальная реальность, как правило, ассоциировалась со взаимодействием социальных субъектов – социальных общностей (класс, нация, народность, род, племя, семья). В поле этих представлений развивается философская теория деятельности, которая рассматривается в качестве фундаментального механизма интегративного влияния человека на социальную действительность, на социально-исторический процесс⁵². В 1990-е -2000 е гг. интерес отечественных исследований переключается на проблематику социальной реальности в аспекте социальных коммуникаций, институтов, социально-политического транзита, в т.ч. «перестройки», «демократизации», последующих процессов, связанных с «суверенной демократией» (М.Ю. Говорухина⁵³, Е.А. Наймушин⁵⁴, А.С. Соколов⁵⁵, Ж.А. Тихонова⁵⁶, В.Г. Федотова⁵⁷ и др.), в рамках

⁵⁰ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984. 320 с.

⁵¹ Куценко В.И. Общественные отношения (социально-философский анализ). Киев: Наук, думка, 1991. 288 с.; Дроздов А.В. Человек и общественные отношения. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1966. 124 с.; Лашина М.В. Проблемы социальных отношений в марксистском общественном знании // Философские науки. 1974. № 5. С. 3-11; Рожин В.П. Введение в марксистскую социологию. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. 160 с.

⁵² Зеленов Л.А. Антропология. // Зеленов Л.А. Собрание соч. в 4-х т., Т. 3. Н.Новгород: Гладкова О.В. 2006. 244 с., Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. / Ред.-составители: А.А.Пископел, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. М.: Шк.Культ.Политики. 1997. 656 с.

⁵³ Говорухина, М.Ю. Социальное конструирование реальности: правила или нормы? // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. 2007. №32. Т.11. С.66-70.

⁵⁴ Наймушин Е.А. Социально-философские и методологические основания современного социологизма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. 2008. №67. С.188-192.

⁵⁵ Соколов А.С. Проблема социальной реальности в классической и марксистской философии. Петрозаводск: ПГУ, 2002. 110 с.

⁵⁶ Тихонов Ж.А. Социальные общности и социальный порядок: детерминизм или конструктивизм// Теория и практика общественного развития. Краснодар.: ООО Издательский дом «ХОРС». 2010. №2. С. 21-26.

⁵⁷ Федотова В. Г. Социальные знания и социальные изменения. М.: 2001. 303 с.

которых интегративные формы влияния на общество подвергаются критике (как проявления «авторитаризма» и пр.) и деконструкции, а вместо них разрабатываются идеи социально-политической дифференциации, многопартийности, идеологического плюрализма. Таким образом, представления о природе социальной реальности менялись на протяжении всей истории западной и российской философии. Они привели к пониманию того, что бытие и существование социума связаны с деятельностью человека, в ходе которой происходит влияние человека на общество, которое обеспечивает социально-интегративный эффект (русская философия, советский марксизм и пр.), или которое обеспечивает эффект социальной дифференциации (западная феноменология, шюцианство, западная философия постмодернизма).

Таким образом, анализ степени разработанности исследуемой проблемы свидетельствует о достаточно детальной проработке таких аспектов, как влияние различных идей на общество и общественное развитие, где даются различные определения природы разнообразия политических идеологий, анализируются различные проявления идеологии, как источника дифференцирующего влияния на общество, при этом учитываются исторические стадии общественного развития, в т.ч. индустриальная и постиндустриальная. Однако вопросы связи представлений об интегративной сущности общества с интегративным потенциалом идеологического контента и с технологиями влияния на общество в формате государства в целом или в формате межгосударственном, а также вопросы целостного представления о потенциале идеологии, как специфического компонента в структуре противоборства механизмов информационного влияния на социальную реальность, в т.ч. во взаимосвязи с проблемой российского идеологического выбора в этих исследовательских полях рассмотрены слабо.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Выявлены социально-онтологические истоки и специфические формы влияния деятельности человека на социальную реальность, их связь с формами мышления (мыследеятельности) и с соответствующими представлениями о механизмах влияния на общество, отражением которых являются идеологии; показано, что идеологии, действующие в формате широкой социально-политической консолидации,

ведут своё происхождение из доиндустриального периода в индустриальный и сохраняют присутствие в современной социальной реальности информационного общества; идеологии этого формата действия определены понятием «общая идеология», таким образом, обосновано фундаментальное значение широкой социальной консолидирующей роли идеологии в общей системе механизмов влияния на социальную реальность.

2. В результате критического анализа философских представлений 20 века о месте и роли человека в социальных механизмах влияния на современное общество выявлены основные противоборствующие платформенные философские системы, одна из которых определена как социально-антропологический детерминизм, а другая как социально-технократический конструктивизм; они построены на альтернативных онтологических основаниях, но обе обладают потенциалом обеспечивать содержательный контент идеологической деятельности государств в формате общей идеологии; определены основные критерии значимости платформенной философской системы для перспективы идеологической деятельности в России.

3. Дан сопоставительный анализ проявлений общей идеологии в контексте информационного противостояния Запада и СССР в период «холодной войны», в контексте которого выявлены особенности связи общей идеологии государства с механизмами «мягкой силы»; в этом аспекте характеризуется проблема идеологического паритета и идеологического диспаритета Запада и СССР/России в поле глобального информационного противоборства, а также даётся уточнение актуальности проблемы отсутствия в России идеологии, осуществляющей общегосударственную консолидирующую функцию.

4. Раскрыто содержательно дополненное автором понятие «общая идеология государства», дано его определение, выявлены его связь с государственным суверенитетом, внутреннее структурное строение этого специфического формата идеологической деятельности, его значимость для интеграции общества внутри страны, для интеграционных процессов во внешнем политическом пространстве страны.

5. Обоснован вывод о том, что общая идеология действует в четырёх различных режимах влияния на общество (режимы «потребительского эмпиризма», «плутовства», «пропаганды», «партисипаторный»), представлены основания этой типологии (характер субъектности идеологической деятельности, характер её платформенной философии, характер интеграции отдельного человека в общество), особенности механизмов трансляции идеологически выверенного контента в массовую аудиторию, дана характеристика нескольких форматов дескриптивного анализа механизмов информационного влияния в современном обществе, которые могут быть использованы для целостного исследования идеологической ситуации в России.

6. Обоснована возможность использования понятия «общая идеология государства» в качестве инструмента для исследования особенностей идеологической ситуации в России, рассмотрены особенности процессов деидеологизации и реидеологизации в России в формате общей идеологии, в контексте фактора государственного суверенитета определены основные характеристики состояния актуальной государственной идеологической деятельности в России в формате общей идеологии.

7. В результате применения понятия «общая идеология государства» для исследования идеологической ситуации в России обосновано значение формирования этого формата идеологической деятельности, определён приоритетный режим влияния общей идеологии на общество, диалектика участия государства и общества в действии общей идеологии в России, определены очертания приоритетной платформенной философии, которая сможет обеспечить содержательное наполнение и обновление контента общей идеологии государства в нашей стране.

Теоретическая и практическая значимость работы

Полученные в ходе диссертационного исследования теоретические, методологические положения, выводы содержат раскрытие социально-философских положений об особенностях социального бытия и существования идеологии в структуре противоборства информационных технологий влияния на современную социальную реальность, содержат обоснование значимости связи идеологической деятельности с функцией государственного суверенитета, а сам текстовый материал может быть использован при решении ряда научно-исследовательских и педагогических задач,

связанных с разработкой концептуальных оснований формирования приоритетных основ общей идеологии в перспективе идеологического выбора России. Теоретическая значимость исследования заключается в углублении представлений о сущностной природе многоукладности современной социальной реальности, о специфике отдельных её слагаемых.

Практическая значимость связана с результатами дескриптивно-типологического анализа механизмов информационно-идеологического влияния на социальную реальность современных государств, в частности, связана с возможностью дальнейшей инструментализации представленных дескриптивных моделей действия общей идеологии применительно к особенностям социологических, политических, психологических, исторических наук, а также с новыми возможностями исследования различных контентов общей идеологии в качестве источника интегративного влияния на современное общество России, учитывающего особенности российской идеологической ситуации и связанного с обоснованием значимости интегративно влияющей общей идеологии для суверенитета России. Материалы текста диссертации могут быть включены в образовательные, просветительские программы при подготовке и чтении лекций по социальной философии, социологии, обществознанию, публичной политике, при разработке планов семинарских занятий по образовательным курсам, затрагивающим вопросы идеологической деятельности в России.

Положения, выносимые на защиту:

1. Механизмы влияния на общество восходят к представлениям об источниках целостного, консолидирующего влияния на социальную реальность социальных сообществ людей, политических образований (античный полис, феодальное или национальное государство). Идейное оформление такого целостного влияния было связано с особым форматом идеологии, который определяется понятием «общая идеология». Дано определение понятию «общая идеология»: это форма идейного влияния на общество, в основе которого лежала мировоззренчески оформленная картина мира конкретного территориально и политически суверенного социального сообще-

ства, содержащая актуальные коллективно-образующие идеи этого социального общества, которые раскрывали природу первопричин влияний на его социальную реальность и массовое распространение которых способствовало его внутренней социальной солидарности в конкретных условиях исторической эпохи. В исторических проявлениях действия общей идеологии выявлена социально-онтологическая основа альтернативности техник влияния на общество, одни из которых обеспечивали про-из-ведение сущностных оснований социального бытия в поле наличных условий существования человека, а другие - игнорировали сущностную интегральность природы человека и общества и были источником разрыва связи сферы существования человека с основаниями его социального бытия.

2. В поле социальной реальности индустриального мира распространяются идеи о человеке как единственном первоисточнике целесообразного влияния на социальную реальность. На протяжении 20 века антропоцентризм в понимании причин и механизмов влияния на общество приобретает формы противоборствующих философских систем, которые опираются на альтернативные социально-онтологические основания, но обе обладают потенциалом обеспечивать содержательный контент идеологической деятельности государств в формате общей идеологии. Определены философские основания, на которых строится эта альтернативность: одно направление, определённое как философия социально-антропологического детерминизма, базируется на утверждении интегративной природы человека и его сущностных сил, которые реализуются через теорию и социально-историческую деятельность, субъектной в своей основе и направленной на обеспечение диалектического единства сферы каждодневного существования человека и сущностных оснований его социально-исторического бытия; второе направление, определенное как философия социально-антропологического конструктивизма, базируется на фундаментальной критике представлений об интегративной социальной природе человека и общества, обосновывает идеи бессубъектного влияния на социальную реальность, редуцирует диалектику социального существования и социально-исторического бытия к повседневности отчуждённого от коллективной социальности индивида. По-

казано, что в эпоху информационного общества философия социально-антропологического конструктивизма трансформируется в философию социально-технократического конструктивизма. Это разделение философских подходов образует мировоззренческую основу противоборства информационных технологий влияния на социальную реальность, участниками которой являются Запад и СССР/ Россия. Обоснован вывод о том, что для успешного противоборства с философскими идеями социально-антропологического и социально-технократического конструктивизма России необходимо развивать систему философии социально-антропологического детерминизма.

3. Анализ содержательных составляющих информационного противостояния Запада и СССР/ России в период «холодной войны» и в настоящее время, позволил уточнить характерные особенности общей идеологии, действующей с помощью механизмов «мягкой силы»; в этом аспекте противоборство Запада и СССР определяется как идеологический паритет, поскольку общей идеологии «западнизма» (термин А. Зиновьева) противостояла общая советская коммунистическая идеология. Противоборство Запада и современной России определяется как идеологический диспаритет, поскольку общей идеологии «западнизма» и её современной трансформации в виде общей идеологии «новой перезагрузки» (К. Шваба) современная Россия только в последнее время заявляет о собственном формате общей идеологии, во многом альтернативной общей идеологии "западнизма".. Последнее обстоятельство рассматривается как фактор, ослабляющий позиции России в системе глобального многополярного влияния и информационного противоборства и остро проблематизирующий ситуацию отсутствия в России идеологической деятельности в формате общей идеологии.

4. Дано определение понятия «общая идеология государства», отражающее особенности современного мира суверенных государств. Общая идеология государства - это мировоззренчески фундированная априорная система государствообразующих ценностей, элитарный информационный контент которой распространяется в государстве в режимах максимальной публичной информационной открытости в

формах идеологически выверенных информационных технологий влияния, механизм которых может иметь различные режимы активности и которые нацелены на интеграцию отдельного человека (гражданина) в систему государствообразующего сообщества суверенной страны. Раскрыто содержание дилеммы об информационных технологиях массового распространения идеологически выверенного контента в современном информационном обществе, которая характеризуется как модель «познавательско-просветительская» и модель «агностицистская». В первом случае информационные технологии нацеливаются на осознанное восприятие и понимание человеком предоставленного идеологического контента и на сознательную активность в качестве субъекта деятельности по воспринятым ценностным ориентирам. Во втором случае информационные технологии нацелены на формирование поверхностно мыслящего индивида («fast thinker» по П. Бурдые) и на получение его реакции сигнала в форме «аутопойезиса».

5. В результате типологического анализа обосновано выделение четырёх дескриптивных полей исследования роли общей идеологии в структуре технологий информационного влияния на общество, а также дано описание четырёх режимов открытости общей идеологии государства в современном обществе: 1) режим «потребительского эмпиризма», для которого характерна «бессубъектность» механизмов влияния, где идеи общей идеологии распространяются посредством использования информационных технологий, которые обеспечивают раскрытие потенциала индивидуального, эгоистического начала человека в сфере его повседневного социального существования, опираются на содержательные основания философии социально-антропологического конструктивизма и нацелены на социальную интеграцию отдельного человека в качестве отчуждённого от других людей носителя эгоистических интересов; 2) режим «плутовства», для которого характерна «бессубъектность» механизмов влияния, где идеи общей идеологии распространяются с помощью использования IT-информационных технологий, которые блокируют живые социальные отношения повседневности, преобразуя их в отношения анонимных «аватаров» и IT-программ, которые построены на философских основаниях социально-технократического конструктивизма и генерируют интеграцию отдельного человека в

виртуальную цифровую реальность; 3) режим «пропаганды», для которого характерно утверждение субъектной формы влияния на общество, когда для существования и распространения идей общей идеологии используется монопольный ресурс государства, государственные технологии информационного влияния, которые раскрывают силы государственного влияния в сфере каждодневного существования и социально-исторического бытия человека, в СССР были содержательно построены на основаниях философии исторического материализма, были нацелены на интеграцию отдельного человека в «советское общество»; 4) «партисипаторный» режим, для которого характерна субъектная форма влияния на общество, когда субъектами общей идеологии являются как институционально авторизованное представительство государства, так и институционально авторизованное представительство гражданского общества; для его массового распространения используются информационные технологии, основанные на философии социально-антропологического детерминизма, обеспечивающие целостное раскрытие диалектики социального существования отдельного человека в обществе и его же коллективного социально-исторического бытия, а также нацеленные на интеграцию отдельного человека в живое государствообразующее сообщество страны.

б.Инструментализация понятия «общая идеология государства» позволяет выделить следующие рамочные факторы, которые раскрывают связь этого формата идеологической деятельности страны с функцией государственного суверенитета и обеспечивают целостность прикладных исследований современных практик действия общегосударственных консолидирующих идеологий в ситуации противоборства информационных влияний на социальную реальность: а) фактор центров суверенной власти, концентрирующих волевые усилия для создания элитарного идеологического контента, их пространственная дислокация; б) фактор априорных государствообразующих ценностей, в отношении которых реализуются механизмы максимальной публичной открытости; в) фактор механизмов интеграции отдельного человека в систему государствообразующего сообщества страны. Этот подход позволил апробировать потенциал понятия «общая идеология государства» примени-

тельно к анализу современной идеологической ситуации в России. Результаты привели к выводу о том, что российская идеологическая ситуация 1990-х гг. может быть охарактеризована как переход от режима «пропаганды», обеспечивавшего распространение советских коммунистических идей (на основе философии исторического материализма) к режиму «потребительского эмпиризма», обеспечивавшему распространение идей «западнизма» (на основе философии социально-антропологического конструктивизма). Идеологическая ситуация 2000 – 2022 гг. может быть охарактеризована тенденцией новой реидеологизации, которая демонстрирует признаки появления новых, пока разрозненных априорных государствообразующих ценностей и признаки перехода к «партиципаторному» режиму информационно-идеологического их влияния на российское общество.

7. На примере анализа посланий президента РФ Федеральному собранию РФ и ряда других нормативных документов раскрыто содержание процесса государственного участия в формировании и функционировании формата новой общей идеологии в России, логическим завершением которого является установление конституционного статуса государствообразующей идеи/ ценности (понятие «брак»). На примере проекта «ДНК России» раскрыто содержание процесса общественного участия в формировании и функционировании государствообразующей идеи/ценности (представление о государстве, как традиционной ценности нашего общества), логическим завершением которого стало всеобщее признание значимости дисциплины «Основы российской государственности» и её содержательного контента. В целом эти примеры раскрывают специфику «партиципаторного» режима действия общей идеологии государства внутри страны. К категории новых априорных государствообразующих идей/ценностей также отнесены: патриотизм, память о Великой Победе, понятие брака, как союза мужчины и женщины и др. Их совокупность не имеет целостной системной организации, но их присутствие позволяет сделать вывод о начале тенденции новой отечественной реидеологизации. Анализ конкретных составляемых новой общей идеологии государства в России позволяет сделать вывод о том, что восстановление и развитие этого формата идеологической деятельности де-

факто не противоречит правомерности существования в стране разнообразных групповых, партийно-политических идеологий, зафиксированной в Ст.13 Конституции РФ. Поэтому перспектива оснащения России собственной общей идеологией государства является безальтернативной. Приоритетный идеологический выбор России необходимо ориентировать на априорные ценности, содержательно опирающиеся на философскую платформу социально-антропологического детерминизма, на «партиципаторный» режим действия общей идеологии в системе живых общественных отношений и на модель массового распространения идеологически выверенного контента, относящуюся к категории «познавательных-просветительских».

Теоретико-методологическая основа диссертационной работы обусловлена целью и задачам диссертации, особенностям исследуемого материала.

Социально-философский анализ идеологии как специфического компонента механизмов влияния на социальную реальность основан на использовании философских методов исследования: диалектики в изучении различных аспектов объекта исследования, историзма при изучении традиций, долгосрочных тенденций и ситуативных обстоятельств, принципов деятельности и системности при изучении практик идеологической активности, принципа дополнительности при изучении различных подходов к предмету и объекту исследования, а также методов научной типологизации при исследовании дескриптивных полей идеологической активности, научного анализа и синтеза при проработке понятия идеологии в информационном измерении, обобщения и конкретизации при исследовании конкретно-исторических эпизодов идеологической деятельности, критического анализа ряда западных и отечественных концепций, проблематизации и концептуализации при проработке определения идеологии как информационного элемента технологий влияния на социальную реальность.

Представления о механизмах влияния исследуются в их взаимосвязи с представлениями философов о «существовании живых человеческих личностях», как онтологической предпосылке светско-философского понимания истории⁵⁸, об интегральной социальной природе деятельности⁵⁹, о философии социальной интегративной связи человека с окружающим миром А.Ф. Лосева⁶⁰, с учётом аспектов реабилитации «щекотливого субъекта» С. Жижека⁶¹, «социальной объективности» А.В. Дахина⁶², критически переосмысливающих западные идеи деонтологизации философского знания и идей «отмены» сущностной интегративности природы человека и общества (Н. Лумана). Также используются отдельные методологические подходы М. Хайдеггера к изменениям в социальных исследованиях, которые проявились в процессе перехода от классической традиции познания социальной реальности к неклассической⁶³. Критический анализ предпринимается при содержательном анализе концепций феноменологии (Э. Гуссерля), повседневности (А. Шюца), «симметрического» подхода Б. Латуре⁶⁴, социального конструктивизма⁶⁵, концепта «общества общества» Н. Лумана. В целом критический анализ опирается на работы и идеи «антропоконсерватизма» проф. В.А. Кутырёва⁶⁶.

Теоретической базой исследования явились также работы зарубежных и российских философов, социологов (Абросимовой И.А., Атмачева С.В., Вольтера О.В.,

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице различных его пророков. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2. В 30 т. Т. 4. М.: Партийное издательство. 1933. С.10.

⁵⁹ Зеленов Л.А. Сумма методологии. Н.Новгород: Гладкова О.В., 2007. 147 с.; Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Шк.Культ.Политики. 1997. 656 с.

⁶⁰ Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Изд-во Моск. университета. 1990. 269 с.

⁶¹ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. Перевод с английского С. Шукиной. М.: ИД ДЕЛО. 2014. –528 с.

⁶² Дахин А.В. Постмодернистское текстование и проблема социальной объективности// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». Вып. 1(3). Н.Новгород: ННГУ. 2004. С. 382-392.

⁶³ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления. 1993. С.221-238.

⁶⁴ Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2003. № 3. С.20-39.

⁶⁵ Столярова О.Е. Социальный конструктивизм: онтологический поворот (послесловие к статье Б.Латура) // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 2003. № 3. С.39-51.

⁶⁶ Кутырёв В.А. Время Mortido. СПб.: Алетейя, 2012. 336 с.; Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб: Алетейя, 2015. 312 с.

Алимарина С.И., Антоновского А.Ю., Дахина А.В., Дубровского Д.И., Зиновьева А., Кузубовой Т.С., Кутырева В.А., Лосева А.Ф., Рачкова В.П., Тощенко Ж.Т., Федотовой В.Г., Хабермаса Ю., Хайдеггера М., Щербина В.В. и др.⁶⁷), которые позволяют инструментализировать интегральные философские концепты «имени» (А.Ф. Лосева), «по-става» и «технэ» (М.Хайдеггера), «человека как традиции» (В.А. Кутырёва), что необходимо для анализа отечественных и зарубежных практик информационно-идеологического влияния на современное общество, в т.ч. в России.

При анализе эмпирического контента, относящегося к периоду информационного противоборства Запада и СССР/ России в 20- начале 21 вв. в качестве основных были выбраны работы, в которых даны аналитически обобщённые данные, наиболее адаптированные для философского анализа (А. Зиновьев, А. Дугин, В. Никонов и др.).

Структура диссертации

⁶⁷ Абросимова И.А. Информационный подход в стратегиях формирования нового типа социальной реальности. – Саранск: ЮрЭксПрактик, 2019. 118с, Атмачев С.В. Государственная идеология или идеология государственности // Вестник СевКавГТИ. 2015. Т. 1. № 3 (22). С. 102-105, Вольтер О.В. Проблема соотношения национальной идеи, национальной идеологии и государственной идеологии в современной России // Экономика и социум. 2011. -№1 (1). С. 85-90, Алимарин С.И. Социальная реальность. - М.: Вест-Консалтинг. 2011. 48 с., Антоновский А.Ю. Социоэпистемология: о пространственно-временных и личностных измерениях общества. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2011. 400 с, Дахин А.В. Парниковый эффект – 2. Антропологический след рекламно-информационной мегамшины. // Свободная мысль – XXI век. 2003. № 9. С. 70-81, Дахин А.В. Социальные последствия рекламных стратегий: проблематизация российской рекламно-информационной политики. // Российское лицо PR. Материалы научно-практической конференции. 28 февраля – 1 марта 2003 г. Н.Новгород: НГТУ. 2003. С.18-29, Дахин А.В. Правовая норма, идейная позиция государства и мировоззренческий выбор в современном социальном контексте // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Изд. Ниж.Академия МВД. 2018. № 1(41). С.286-288, Дахин А.В. Идея социального и светского государства: феноменология конституирования в России // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1(45). 2019. С.274-278, Дахин А.В., Сергеева Э.А. Идейная позиция государства в современном социальном контексте // Социальное время. 2019. № 2(18) С.96-104, Зиновьев, А. Хочу рассказать вам о Западе (август 1990) [Электронный ресурс]/ А.Зиновьев // Комсомольская правда. - 03.08.1990. – <http://zinoviev.info/wps/archives/73>, Дубровский, Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. - М.: «Канон +». 2002. 368с, Кузубова Т.С. Философские проблемы социально-гуманитарных наук: введение. УрФУ, 2012. 81с, Кутырёв, В.А. Последнее целование Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. - 312с, Рачков В.П. Человек в современном технизированном обществе: проблемы безопасности развития. –М.: ИФ РАН. 1998. 194 с, Тощенко Ж.Т. Парадигмы, структура и уровни социологического анализа / Социологические исследования, №9, 2007. – С.5-16; Федотова В. Г. Хорошее общество. Прогресс-Традиция. 2005. 544 с, Щербина В.В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // Социологические исследования. 2014. №7. С.113-124.

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения и списка использованной литературы.

Соответствие паспорту специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия:

6. Социально-философская теория деятельности. Деятельность как субстанциональная основа общественной жизни людей. Современные концепции «социального действия» в их философской интерпретации

9. Проблемы современной философии сознания в их социально- философской трактовке. Сознательное и бессознательное в деятельности людей. Феномен свободы воли, моральной и юридической ответственности. Роль сознания в прагматическом отношении человека к миру. Общественное и массовое сознание.

43. Социально-философские проблемы развития информационных технологий и обществ. Перспективы постинформационного общества.

46. Соотношение познания и практики как социально-философская проблема.

47. Влияние массовых коммуникаций на социальные процессы. Социально-коммуникативные теории и практики.

60. Политическое сознание, политические идеологии и политические коммуникации.

Апробация

Результаты исследования изложены соискателем в 18 научных публикациях общим объемом 23,3 п.л., в том числе в пяти реферируемых журналах, рекомендованном ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов докторских и кандидатских диссертаций и в одной монографии, изданной за рубежом.

Основные положения диссертационной работы были представлены в докладах и сообщениях на научно-практических, международных, межрегиональных конференциях: «Государство и общество: философия, экономика, культура» (г.Москва, РГБ, ИФРАН, 2005); «Человеческий потенциал модернизации России: стратегия опережающего развития -2006» (г.Москва, РАН, ИНИОН РАН, ИЭРАН, РГБ, 2006); «1917-2007: Уроки СССР и будущее России (ресурсно-энергетические, экономико-

политические и социо-культурные параметры» (г.Москва, РАН, Фонд Ф.Эберта, 2007); «Управление: история, наука, культура» (г.Петрозаводск, КФ СЗАГС, 2007); «Актуальные проблемы современных наук» (Польша, Наука и образование, 2012); «Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства» (XIV Международный симпозиум, г.Нижний Новгород, НИУ РАНХиГС, 2017), «Россия как светское и социальное государство: диалог мировоззрений в сравнительной цивилизационной перспективе» (XV Симпозиум, г.Нижний Новгород, НИУ РАНХиГС, 2019), «Историческая ответственность: мемориальные практики и теоретические модели» (VIII Всероссийская научная конференция, г.Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского, 2021), «Антропный принцип развития, социальное государство, урбанизация: Диалог мировоззрений» (XVI Международный симпозиум, г.Нижний Новгород, НИУ РАНХиГС, 2021), «Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск» (Всероссийская конференция Российской ассоциации политической науки с международным участием, г.Москва, РАПН, РУД, МГИМО МИД России, 2023).

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАКТИК ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Глава содержательно раскрывает положение о том, что современные технологии влияния на социальную реальность формировались на протяжении нескольких столетий. Показано, что современные философские представления о влиянии на социальную реальность развиваются из представлений об интегральной сущностной природе общества, из представлений о причинно-следственных отношениях, которые обеспечивают интегральное влияние на общество. Концептуальные изменения определялись переменами философских взглядов на природу человека и мира человека, которые меняли и его «мыследеятельность» по терминологии Г.П. Щедровицкого⁶⁸. В главе анализируются философские работы, в которых отражены наиболее фундированные подходы к пониманию природы социальной реальности, которые привели философию к вопросам о возможностях, способностях человека осуществлять интегральное влияние на свою социальную реальность. Они образуют обширный массив текстов, который рассматривается нами в свете вопроса о предпосылках формирования современных философских представлений относительно роли идеологии в практиках целостного, интегративного преобразования социальной реальности посредством использования различных технологий влияния.

1.1 Социальная реальность как объект влияния в свете европейской классической социально-философской мысли

Представления о социальной реальности в истории социально-философской мысли тесно связаны с анализом общественных отношений, социальной среды, де-

⁶⁸ Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Шк.Культ.Политики. 1997. С.562.

тельности человека и сообществ в мире людей. Поэтому, исследуя социальную реальность, основной акцент мы делаем на принципе исторического анализа, раскрывающего ретроспективу традиции диалектики бытия и существования человека и общества (Ф. Энгельса⁶⁹). Актуализация ретроспективного анализа обусловлена ростом плюрализма философских подходов к моделям социального жизнеустройства⁷⁰.

Постижение природы мира человека продвигалось в направлении от непосредственного подтверждения несомненной реальности природных вещей, в т.ч. человека, к пониманию того, что реальность может и не иметь вещной, предметной формы проявления⁷¹. Идеи философов античной классики (Платон, Аристотель) содержат устойчивую онтологическую фундированность интегративной природы общества и человека, связанной с понятием духовной субстанции (эйдос/морфэ), с природой знания, «направленного на бытие»,⁷² с пониманием индивидуальных особенностей человека⁷³, а также с осознанием важности представлений о всеохватывающих добродетели, справедливости и гармонии в системе государства⁷⁴. «Материально-чувственный космологизм» и «объективизм» античной философии, по А.Ф. Лосеву⁷⁵, мыслит общественные практики в свете альтернативы между тем, когда государство опирается на интегративное знание истины и поэтому дает всеобщее благо и общественное совершенство, и тем, когда оно довольствуется неведением или заблуждениями, - то есть отходит от интегративно-сущностного, - и ввергает

⁶⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1986. с.28-178.

⁷⁰ Гаджиев К.С. Имидж государства в конфликте идеологий. М. 2007. С.3.

⁷¹ Дахин А.В. Формационное самоопределение универсума. Ч.1. Природный мир. Н.Новгород: НАСИ. 1992. С.21

⁷² Платон. Государство. Книга V. с.478.

⁷³ Платон. Государство. Книга IV. с.433.

⁷⁴ Лосев А.Ф. История Античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2-х кн. Кн 2. М.: ООО «Издательство АСТ». 2000. (Вершины человеческой мысли). С. 50-51.

⁷⁵ Лосев А.Ф. История Античной эстетики. Ранняя классика. Изд. 2-е, исправленное, доп. М.: ЛАДОМИР. 1994. С.31, 33.

общество в несовершенный «общественный порядок»⁷⁶, то есть в состояние дезинтеграции. А.Ф. Лосев анализировал эту диалектику совершенного-несовершенного в аспекте «науки о выразительных формах, в которой изучается выражение внутреннего через внешнее»⁷⁷. В более резком социально-философском ключе изучал их М. Хайдеггер, который применительно к ситуациям близким к «совершенному», говорил о «технэ», имея в виду механизм «выведения из потаённости» глубинно интегративных, сущностных начал⁷⁸. Применительно к случаю «несовершенного» он говорил о «по-ставе», определяя этим термином выбор в пользу дезинтегрированных частных, которые называл «состоящим-в-наличии»⁷⁹ и связывал с ними отказ от глубинной интегральности, от миссии «выведения из потаённости». Можно заключить, что для античной философской культуры было характерно понимание того, что истинное, благое и добродетельное связывалось с интегральной сущностной природой античного космоса и общества. Чтобы добиться всеобщего общественного блага люди должны следовать логосу античного космоса, то есть ввести в своей деятельности эту сущностную интегральность. В противном случае – обществу грозит гибель. Альтернатива техник влияния на общество античного полиса может быть определена понятием «технэ», отражающим практику влияния, которая обеспечивает «про-из-ведение» сущностных оснований социального бытия в поле наличных условий существования человека, и понятием «по-став», когда практика влияния игнорирует сущностную интегральность природы и «поставляет» в сферу существования человека исключительно фрагментарные, дезинтегрированные действия. Применительно к техникам античного познания структура «технэ» связана

⁷⁶ Понятие «общественный порядок» исследовано в интересующем нас плане в: Ханзина Е.Г. Проблема общественного порядка в истории философии (V в. до н.э – начало XIX в.). Диссертация, представленная на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история философии. Мурманск, 2019. 211 с.

⁷⁷ Лосев А.Ф. История Античной эстетики. Ранняя классика. Изд. 2-е, исправленное, доп. М.: ЛАДОМИР. 1994. С.80.

⁷⁸ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления. 1993. С.221-238. С.225.

⁷⁹ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления. 1993. С.229.

логикой «наук о чистом смысле» (А.Ф. Лосев⁸⁰). «По-став» связан с кажущимся знанием, с «мнением», с «методом инобытийного осмысления»⁸¹ по А.Ф. Лосеву.

На этой основе базируется фундаментальная взаимосвязь мировоззренческой культуры и ремесленных практик западноевропейской эпохи рабовладения⁸². Миф сопровождает всю эту эпоху, лишь частично уступая место античной философии⁸³. Всеохватное влияние античного мифа на общество А.Ф. Лосев прослеживал через исследование текстов Гомера⁸⁴, выявлял во всяком ремесле признаки принадлежности к «героическому веку»⁸⁵. Развивая этот подход, А.В. Дахин отмечает, что предмет утрачивает своё функциональное содержание, если теряет связь с глубинной интегральностью природы, - качество быть «родственником» для членов сообщества⁸⁶. В то же время связь человека с глубинной интегративной сущностью природы опредмечивается также и в форме инженерных, технических социальных механизмов влияния – в форме «мегамашин» древнейших цивилизаций (по Л. Мамфорду⁸⁷). В свете этого подхода, который выявляет связь представлений о сущностной интегративной природе общества с интегративной природой деятельности людей, у А.Ф. Лосева появляется возможность поставить вопрос о том, какова же «общая идеология» античного рабовладельческого общества⁸⁸? Ответ, который был дан Алексеем Фёдоровичем состоит в том, что «общей идеологией рабовладельческой

⁸⁰ Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Изд-во Моск. университета. 1990. С.187.

⁸¹ Там же, с.189.

⁸² Там же, с.109.

⁸³ Дахин А.В. Формационное самоопределение универсума. Ч.1. Природный мир. Н.Новгород: НАСИ. 1992. С.17.

⁸⁴ Лосев А.Ф. История Античной эстетики. Ранняя классика. Изд. 2-е, исправленное, доп. М.: ЛАДОМИР. 1994. С.165-179.

⁸⁵ Там же, с.180.

⁸⁶ Дахин А.В., Щуров В.А. Гуманитарные основы инженерной деятельности. Н.Новгород: ННГУ. 1993. – С.20.

⁸⁷ Там же. С.119.

⁸⁸ Лосев А.Ф. История Античной эстетики. Ранняя классика. Изд. 2-е, исправленное, доп. М.: ЛАДОМИР. 1994. С. 92.

формации является противопоставление мыслящего субъекта и объективного, абсолютного мифа...»⁸⁹. Контекст цитированной работы показывает, что термином «общая идеология» проф. А.Ф. Лосев принципиально отделяет предмет своего анализа от разнообразных групповых, «партийных» идеологий. Термин «общая идеология» указывает не на взгляды отдельной группы политически организованных граждан античного полиса, но высвечивает онтологическую подоснову, на которой строятся взгляды и отдельных групп политически организованных граждан, и философов с философскими школами, и скульпторов, и деятелей театра, медицины, архитектуры, скульптуры, истории, поэзии и пр., то есть взгляды античного полиса (государства) в целом. Обобщая характеристику античных представлений о механизмах преобразований в мире людей, можно заключить, что: а) общественные практики были фундаментально связаны с мифо-философскими представлениями об интегративной сущностной природе античного мироздания; б) представления о причинно-следственных отношениях в мире людей связаны с восприятием античного природного космоса и его логоса, как первопричины влияний на общество; в) послушное следование «нитям судьбы» переживалось в форме внутренне интегративных мифо-ритуальных практик («себя-танцевание»⁹⁰), результатом которых считалось регулярное (ежедневное, ежегодное и т.п.) интегрально-сущностное зановорождение «того же самого» сущностно-интегрального логоса античного космоса; г) в целом эти практики представляли собой многочисленные материально-пластические формы интегративной выразительности, сущностная природа которых позволяет отнести их к категории «технэ». По А.Ф. Лосеву «общая идеология», в глубинной своей основе содержала алгоритм мыследеятельности подражающего мышления (от слова «mimēsis»⁹¹), которое доминировало в восприятии греческого античного социума (полиса). Ключевая особенность этого способа восприятия социальной реальности

⁸⁹ Лосев А.Ф. История Античной эстетики. Ранняя классика. Изд. 2-е, исправленное, доп. М.: ЛАДОМИР. 1994. С. 93.

⁹⁰ Дахин А.В. Феноменология универсальности в культуре. Н.Новгород: ННГУ. 1995. С.95.

⁹¹ Лосев А.Ф. История Античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. В 2-х кн. Кн 2. М.: ООО «Издательство АСТ». 2000. С.89.

в том, что в качестве основного источника, центра влияний на социальные преобразования являются силы античного природного космоса, а человек – лишь подражает им. В качестве самодостаточного источника, центра влияния на социальную реальность человек не мыслится.

Анализ исследований А.Ф. Лосева позволяет заключить, что античное мифо-философское мировоззрение, образующее смысловую основу общей идеологии античного мира раскрыта им в качестве: а) публичной, повсеместно распространённой картины сущностно-интегративной социальной реальности античного социума как территориально и политически суверенного сообщества; б) комплекса представлений о первопричине влияний на общество; в) комплекса мировоззренческих образов, оказывающих интегративное идейное влияние на всех людей в рамках суверенного сообщества античного полиса. Эта конкретно-историческая форма общей идеологии греческого полиса обеспечивала формирование общегосударственного коллективного представления о сущностном единстве всех граждан полиса.

С опорой на этот подход можно заключить, что общая идеология эпохи Античного полиса содержит публично данную картину сущностно-интегративного мифо-философского восприятия мира территориально и политически суверенного социального сообщества (античного полиса). В качестве первопричины влияний на полис воспринимается античный природный космос, логос которого предопределяет «нити судьбы», следование за которыми ведёт человека к достижению всеобщего блага, требует ритуального круговорота полис-образующих идей, смыслы которых обеспечивают устойчивость внутренней солидарности внутри сообщества полиса и отражают особенности исторической эпохи.

Европейское средневековье культивирует новую мировоззренческую картину мира. «До творения твоего ничего не было, кроме тебя, и... все существующее зависит от твоего бытия»⁹², - так определяется новое мировоззренческое значение индивидуальной личности, которого не знала античная культура и философия⁹³. Идея

⁹² Августин Блаженный Аврелий. Время и жизнь. М.: «Проспект», 1997. с.395.

⁹³ Лосев А.Ф. История Античной эстетики. Ранняя классика. Изд. 2-е, исправленное, доп. М.: ЛАДОМИР. 1994. С.95.

христианского Бога занимает место аристотелевской «сущности»: «Бог оказывается выраженным в бытии как сущность»⁹⁴. Причинно-следственные связи исходят от Бога: «Бог есть первопричина всех вещей как их образец»⁹⁵. Существование человека и общества причащается к этому образцу, который необходим для определения правильности и праведности существования общественного порядка⁹⁶. Система коллективной мыследеятельности меняется: на место античного «подражающего» разума приходит «разум причащающегося»⁹⁷. Постигание сущностного единства мира является априорной максимой, которая реализуется в практиках причащения к мудрости Творца, в т. ч. в тех, что осуществляются через усмотрение проявлений мудрости в конкретных предметах окружающего мира⁹⁸. Понимание причинно-следственных связей в реальности мира людей сводится к идее «единства Бога, акта творения и бытия творений»⁹⁹, которая раскрывается через возможность человека быть причащённым к божественному процессу бытия творений.

В свете альтернативы «технэ» – «по-став», причащённость человека к процессу бытия творений соответствует принципу «выведения из потаённости». Как «про-из-ведение» этот процесс наиболее ярко раскрылся в период Ренессанса в искусстве титанов итальянского, немецкого Возрождения¹⁰⁰. Человек рассматривался центральным посредником между высшими и низшими мирами¹⁰¹. Художник творит, «воспроизводя реальные вещи»¹⁰², но любое творческое действие человек осуществляет благодаря наличию бессмертной души. Аналогичные идеи исповедовал художник германского Возрождения А. Дюрер¹⁰³: «...чем больше мы знаем, тем

⁹⁴ Дахин А.В. Формационное самоопределение универсума. Ч.1. Природный мир. Н.Новгород: НАСИ. 1992. 107 с. С.21.

⁹⁵ Аквинский Ф. Сумма теологии. М.: Изд-во РАГС. 2006. с.181.

⁹⁶ Ханзина Е.Г. Проблема общественного порядка в истории философии (V в. до н.э – начало XIX в.)». Дисс. ... кандидата философских наук: 09.00.03. - Мурманск, 2019. 211 с.

⁹⁷ Библиер В.С. Кант – Галилей – Кант. Разум нового времени о парадоксах самообоснования. М.: Мысль. 1991. С.16.

⁹⁸ Кузанский Н. Об учёном незнании. М.: Мысль. 1979. С.120.

⁹⁹ Там же, с.101.

¹⁰⁰ Баткин Л.М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М.: Искусство. 1990. С. 42.

¹⁰¹ Там же, с. 268.

¹⁰² Там же, с. 290.

¹⁰³ Дюрер А. Трактаты. Дневники. Письма. Пер. Ц. Нессельштраус. СПб.: Азбука. 2000. С.94.

больше уподобляемся мы Богу, которому известны все вещи»¹⁰⁴. Механизмы влияния, относимые к категории «по-става» расчеловечивают личность, предоставляя её в-наличие в качестве «еретика», «вероотступника», «ведьмы».

На смену мифо-ритуальной системы мировоззрения античности приходит религиозная система (в Европе - на мировоззренческой основе католичества, в России – на мировоззренческой основе православия, на Ближнем Востоке – на мировоззренческой основе ислама и пр.). Основная особенность этого типа вос-приятия социальной реальности в том, что причинно-следственные отношения человека с окружающим миром, в т.ч. с миром людей, – это практическое выражение в мыследеятельности феномена *причащённости* человека к духовной божественной мудрости, где фундаментально определённым центром, источником влияния на общество является Бог. Сам по себе человек не влияет и не может влиять на общество, он может лишь причащаться к влиятельному могуществу Бога. Весь спектр проявлений этого понимания механизмов влияния на окружающую реальность средневековых городов или феодальных поместий такова, что общество понимается как сущностно-интегрированное в Боге, а представления о первопричине влияния на средневековое городское сообщество или на сообщества феодальных владений осмыслены как причащение человека к Богу, обеспечивающее сущностную интеграцию всего городского / феодального сообщества (в Боге).

Ещё одна сторона религиозного идейного влияния на социальную реальность развивалась на периферии сферы ремесла и искусств, где стремление познать сущность предметов природы и человека приводило к сомнению в истинности библейских откровений и к поиску иных сущностных оснований всеобщего единства. Первые умозрительные инженерные (как, например, чертежи Л. да Винчи) и простейшие научные эксперименты и наблюдения (Р. Бэкон и др.) вполне могут быть отнесены к примерам устремлённости к иным основаниям сущностной интегративности, которые, однако, оставались маргинальной частью единой картины религиозного мира. Можно заключить, что, признавая Бога в качестве первопричины влияний на

¹⁰⁴ Там же, с. 105.

социальную реальность и первопричины всех причинно-следственных влияний в обществе, участие человека представлялось лишь в формах причащённого участия в бытии Его творений. Эти идеи образуют общую идеологию мира Средних веков, в которой имело место противопоставление верующей и мыслящей личности, с одной стороны, и, с другой стороны, догматизированной, стремящейся к абсолютному господству веры, последовательное причащение к которой через искусство, философию (богословие, теология), ремесло и науку осуществляется средствами сообществ верующих и средствами индивидуального сознания человека. Причащающаяся мыследеятельность человека посредством средневековых социальных мегамашин (церковь, феодальные отношения, инквизиция и пр.) генерирует массовое сущностно-интегративное переживание реальности-Бога во всех взаимодействиях человека в мире людей и в мире природы. Отдельно взятая человеческая личность воспринимается находящейся в эсхатологическом походе к поворотному событию священной истории – к событию «страшного суда». Одновременно, в качестве источника расщепления, дезинтеграции этого единства воспринимается личность еретика или «ведьмы». Непрерывно проходя сквозь индивидуальность человека, религиозная вера может подвергаться расщеплению, отрицанию божественной сущностной интегративности бытия, которое, вместе с тем, оборачивается стремлением найти иную формацию сущностного единства бытия.

Общая идеология периода Средних веков - это публично данная картина сущностно-интегративного, Богом созданного мира территориально и политически суверенного средневекового социального сообщества (государства католической Европы, православная Россия, государства исламского Ближнего Востока и пр.), в качестве первопричины интегративных влияний на которое воспринимается Бог, заветы которого (Библия, Коран, Тора и др.) лежат в основе государство-образующих идей, смыслы которых обеспечивают устойчивость внутренней солидарности внутри религиозного сообщества и отражают особенности исторической эпохи.

В эпоху Нового времени и Просвещения мир людей рассматривается на основе мыследеятельности «познающего разума»¹⁰⁵. Он приходит на смену «разуму причащающегося», а взгляды на общество и человека приобретают рациональный характер, апеллирующий к разумной способности человека. Человек знающий – это новый, ключевой элемент социальной реальности. Второй ключевой элемент – это национальное государство, которое становится доминирующей формой социального бытия и существования больших сообществ людей. Третий элемент – это деньги, ставшие фундаментом экономического социального порядка. Представления о Боге так же сохраняются в качестве основы восприятия сущностного основания реальности, однако в мире людей идеи о его доминирующем интегративном влиянии на общество начинают оспариваться со стороны «разума человека». Происходит выделение новых форм мыследеятельности. Философски ясно и наглядно это сформулировал Р. Декарт: верующим – вера в Бога, неверующим – философия (доказательство Бога)¹⁰⁶. Он же учил, что цель его наставлений в том, чтобы научить направлять свой ум на то, чтобы он открывал истинные знания обо всех предметах¹⁰⁷, обеспечивал «достоверные и несомненные познания»¹⁰⁸. В свете развивающейся познавательной деятельности человека Бог становится предметом познания, рядоположенным с предметами природы. Позже И. Кант поставил разум ещё на более высокий философский пьедестал.

Понимаемый в качестве интегративной сущностной силы человека, разум рассматривается как генератор, создаваемой исключительно человеком реальности, которая осознаётся, прежде всего, в форме знания и познания. По содержанию – это знание о единых глубинных природных силах и явлениях в области физики, математики, геометрии и др. естественных науках. Особенность ситуации в том, что «знание» рассматривается как результат сущностного обнаружения того интегративного

¹⁰⁵ Библер В.С. Кант – Галилей – Кант. Разум нового времени о парадоксах самообоснования. М.: Мысль. 1991 – 320 с. с. 15.

¹⁰⁶ Декарт Р. Метафизические размышления // Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 321.

¹⁰⁷ Там же, с. 79.

¹⁰⁸ Там же, с. 81.

начала, что скрыто в природе, а также в том, что исключительной способностью постижения и целенаправленного создания социальной реальности обладает именно человек.

Представление о социальной реальности Нового времени, таким образом, удваивается. В ней есть поле религиозного восприятия реальности Бога, воплощённого в бытии его творений. Но сфера существования мира людей на платформенном уровне воспринимается как реальность истинно-познаваемых человеком единичных тайн природы, как реальность знаний, единую картину которых исключительно образом генерируют разум и целесообразная деятельность человека. Существование в одном историческом пространстве-времени двух систем восприятия реальности сопровождается конфликтами и противоречиями. Одним из ранних литературных выражений такого конфликта был образ Дон Кихота, воюющего с ветряной мельницей.

Научное знание образует первый фундаментальный компонент социальной реальности Нового времени. Источником бытия и существования научного знания является человек, - это его собственная, только ему подвластная реальность. На фундаменте «знания» строится ещё один компонент социальной реальности новой эпохи – техника¹⁰⁹. На примере этапов становления такого технического объекта, как паровой двигатель, А.В. Дахин раскрыл социальное содержание данного направления внутреннего структурирования социальной реальности¹¹⁰. Пример показывает, как новая социальная реальность-знание конвертируется в другую ипостась, - в социальную реальность-технику.

Пока технические объекты создаются в форме единичных опытных образцов, они сохраняют непосредственную связь с социальной реальностью-знанием, остаются её непосредственным овеществлённым продолжением (в т.ч., телескоп, микроскоп и пр.). Мануфактурная формация производства техники представляет собой новый механизм причинно-следственных отношений, который принимает форму ма-

¹⁰⁹ Дахин А.В. Феноменология универсальности в культуре. Н.Новгород: ННГУ. 1995. С.120.

¹¹⁰ Дахин А.В. Феноменология универсальности в культуре. Н.Новгород: ННГУ. 1995. С.122-123.

териального *производства* социальной реальности как таковой. В нём также происходит выведение из потаённости скрытых сущностно-интегративных сил природы, выявление единосущных сил природного мира и мира человека («водяное колесо» и пр).

Оснащённый новой реальностью-знанием, человек по-новому видится и в контексте процессов влияния на общественную жизнь. Разум усиливает самостоятельное, свободное, индивидуалистическое начало мыследеятельности человека, так что возникает необходимость по-новому объяснить природу власти государства¹¹¹, общественного договора¹¹² и пр. Теория общественного договора формирует политическую производную реальности-знания - это государство Нового времени: «Итак, обществом должно править, руководясь единственно этим общим интересом»¹¹³ - интересом людей. Разумное устройство государства, создаваемого людьми, становится частью социальной реальности Нового времени. Как и в случае с инженерно-техническими чертежами и техническими изобретениями, проекты разумного государственного устройства выводятся из неких естественных сущностно-интегративных предпосылок бытия (законов) и обосновываются методами естественных наук (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо и др.). Характерным примером логики нововременного рационализма выступает система знаний об обществе О. Конта¹¹⁴, при этом «сверхчувственные сущности» он отрицает полностью¹¹⁵. В этих теориях индивидуальный разум делегирует свою рациональность, коллективному социальному субъекту, – государству, что знаменует собой переход представлений о государстве из религиозно мировоззренческой системы в философскую, которая стремится последовательно сблизить его с сущностными силами человека, глубинным интегративным качеством которых видится «разум». «Познающее мышление», как нововремен-

¹¹¹ Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права. Трактаты /пер. с фр. –М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле».1998. с.207.

¹¹²Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права. Трактаты /пер. с фр. –М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле».1998. с.208.

¹¹³ Там же, с.216.

¹¹⁴ Конт О. Общий обзор позитивизма. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. С.55.

¹¹⁵ Кузубова Т.С. Философские проблемы социально-гуманитарных наук: введение. с.17.

ной уклад мыследеятельности человека, соединяясь с потенциалом социальных мегамашин, генерирует публичные форматы реальности-знания, реальности-техники, реальности-государства, реальности-общества.

Переход мира людей Нового времени в индустриальное состояние 19 века многократно усиливает мощность социальных мегамашин и процессов генерации всех компонентов социальной реальности, конечной причиной которых является человек. Формируется системная светская мировоззренческая картина социальной реальности, которая концептуально оформляется в работах К. Маркса¹¹⁶. Общественный прогресс базируется на том, что рациональность «познающего разума» человека получает развитие в специфическую сферу финансовой рациональности, в которой она соединяется со специфическим механизмом исчисления товаров, – с денежной системой. Историю развития системы товарно-денежного обращения в Западной Европе изучал К. Маркс. Он концептуально определил взаимосвязь сущностной силы человека («труд») с разнообразием форм товарного обмена, в котором действуют «стоимости» товаров, выраженные в форме денег¹¹⁷. В результате весь мир индустриальной социальной реальности структурируется вокруг этой разновидности мыследеятельности. Возникают публичные финансы и рыночное хозяйство, куда втягивается всё, что обладает «стоимостью» и потенциалом «спроса» или «предложения». Потребительский потенциал реальности-техники, попадая в зону товарно-денежных отношений быстро преобразуется в формы «предложения» или «спроса». Новое социальное состояние техники, таково, что на второй-третий план уходит восприятие техники, как про-из-ведённой из потаённости глубинно интегративной силы природы, представленной благодаря разуму человека в виде инженерной конструкции («технэ»). Теперь на первый план выходит то, что это представленный в наличии «свободный от предрассудков» предмет потребления, непосредственно до-

¹¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице различных его пророков. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2. В 30 т. Т. 4. М.: Партийное издательство. 1933. С. 2-584.

¹¹⁷ Маркс К. Капитал. Кн.1. Процесс производства капитала. 1970. с. С.56-80.

ступный благодаря финансовой рациональности рынка. «Стоимость», как новое массовое социальное свойство вещи, «отключает» внимание от сущности предмета, свободный рынок «отключает» внимание от социальной интегративности, выдвигая на первый план ситуативность момента покупки, как точечного влияния отдельного индивида-покупателя на отдельного индивида-продавца.

В представлениях о механизмах влияния на социальную реальность обозначается новое направление трансформации: влияние человека на социальную реальность может быть не связано с сущностными основаниями предметов, оно воспринимается как дифференцированное, расщеплённое на множество индивидуализированных продаж-покупок воздействие. Традиционным интегративным механизмам влияния человека на социальную реальность начинают противостоять новые механизмы антропоцентрического влияния, блокирующие интегративные режимы влияния и направленные на обеспечение социальной дифференциации и «атомизации» (характерна для общества потребления¹¹⁸), социальную дезинтеграцию (характерна для рыночного общества конкуренции всех со всеми¹¹⁹), социальную деконструкцию, расщепление человека (характерно для идей общества трансгуманизма¹²⁰). Распространение этих изменений в строении новых механизмов влияния на общество (блокировка интегративных причинно-следственных отношений и эмансипация дезинтегрирующих отношений) порождает последствия, известные как «цветные революции», «локальные конфликты», «гибридные войны».

От реальности-знания исходят ещё несколько трансформаций, прежде всего, своеобразная субъективизация (А. Бергсон¹²¹), психологизация (У. Джеймс¹²²) и объективизация (Э. Дюркгейм¹²³) социальной реальности индустриального века. Социальные законы характеризуются как некая автономная сила, а личность человека

¹¹⁸ Хренков В.В. Коммерческая реклама в обществе потребления как фактор ограничения субъектности. // Социальное время. 2020. № 1. С.53-65.

¹¹⁹ Шаповалов В.Ф. «Восстание масс» по-русски / Свободная мысль. 1993. №12. С.33-34.

¹²⁰ Кутырёв В.А. Время Mortido. СПб.: Алетейя, 2012. С.223-231.

¹²¹ Бергсон А. Собрание сочинений в четырёх томах. М.: «Московский Клуб». с.167.

¹²² W. James. Principles of Psychology. N-Y, 1890. Vol. 2. Ch. 21. p.p.283-322

¹²³ Дюркгейм Э. Социология и социальные науки. М.: Канон. 1995. С.270; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Западно-европейская социология XIX - начала XX веков. М., 1996. С. 256-309; Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль .1994. С.184.

рассматривается как то, с чем «надо считаться»¹²⁴ в конкретной ситуации. Э. Дюркгейм концептуально утверждает идею общества в качестве самодостаточной социальной реальности. В результате появляются представления о народной правде жизни, которые составляют альтернативу государственным интересам и государственным представлениям об общественном благе и жизни общества.

Альтернатива между индивидуальным (дезинтеграцией) и коллективным (интегративным), в т.ч. «народным» и «государственным», теоретически зафиксировал и проработал К. Маркс в своей теории революционной смены общественно-экономических формаций. Он интегрировал все разрозненные компоненты индустриальной социальной реальности в философскую картину мира людей, представил теорию развития общества как естественно-исторического процесса смены социально-экономических формаций посредством социальных революций, движущими силами которых являются особые социально интегрированные сообщества (социальные классы). Понятие общественно-экономической формации описывает системообразующие элементы индустриальной социальной реальности: знания, технику и технологию с индустриальным её воспроизводством, государство, товарно-денежные отношения, общество (социальные классы): «...Мы считаем, что экономические условия, в конечном счете, обуславливают историческое развитие...»¹²⁵. Изучив этот процесс, К. Маркс пришел к выводу о том, что «материальная жизнь индивидов, отнюдь не зависит просто от их «воли»»¹²⁶, но определяется социальными законами.

Формулируя одиннадцатый тезис о Фейербахе¹²⁷, К. Маркс переопределяет соотношение «знания» и «действия» через теорию о целесообразном человеческом влиянии на социальное бытие и существование человечества в целом. В теории общественно-экономических формаций концентрированным выражением сути социальной реальности становится теория целесообразной исторической деятельности

¹²⁴ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. С.20.

¹²⁵ Там же, с. 304.

¹²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 3. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы., 1955. с.322.

¹²⁷ Маркс К. Сочинения. Том 3. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы., 1955. С.1.

социального класса, при этом «законы истории» рассматриваются как сущностное интегративное начало всечеловеческого бытия деятельностной классовой солидарности, которая не знает государственных границ. Марксизм предпринял попытку преобразовать философское знание законов общественного устройства и развития в общую идеологию деятельности социального класса (пролетариата), который посредством интегративного влияния на конкретно-историческую реальность (социальная революция) может преобразовать реальность «старого мира» в новое сущностно-интегрированное, гуманное и процветающее сообщество истинно свободных людей¹²⁸ (коммунизм).

Сформированный в работах К. Маркса антропоцентрический смысл выражения «влияние на общество» является основой современной социальной и политической философии как на Западе, так и в СССР/ России. Различие состоит в том, что у советских последователей марксизма (направление «исторического материализма») антропоцентрический смысл выражения «влияние на общество» определяет сущностную миссию человека через социальную революцию и идеалы построения социализма и коммунизма: человек находится в поле действия «объективных законов» развития общества, должен следовать этим законам через коллективное «волевое», целесообразное интегративное воздействие на ход исторического развития советского общества, которое понимается как осознанная необходимость. В западной же философии, под воздействием критического отношения к теории социальной революции и к СССР, антропоцентрический смысл выражения «влияние на общество» отражает приоритетность индивидуального успеха и благополучия в повседневной жизни: человек находится в поле рыночных отношений и конкуренции всех со всеми и волен действовать свободно, в своих интересах. В пространстве отношений «Запад – СССР» двадцатого века определились основания двух противоборствующих направлений разработки философских теорий общества, создававшихся на базе антропоцентрического понимания конечных причин социальных процессов. Одно из них (марксистско-ленинский исторический материализм) стремилось сохранять

¹²⁸ Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О диалектическом и историческом материализме. М.: Политиздат, 1984. С.286.

сущностные элементы теоретического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, а другое (западное обществоведение) критически перерабатывало представления о механизмах влияния на общество, исключая из него теорию классовой борьбы, социальной революции, общественно-экономических формаций и коммунизма.

Таким образом, к началу 20 века философия антропоцентрического понимания процессов влияния на общество становится доминирующей и образует подоснову общей идеологии индустриальных стран, объединяет комплекс государствообразующих идейных установок суверенных национальных государств, в т.ч. государств Запада и СССР. Ключевой содержательной составляющей идеологии каждого такого государства является признание максимы о том, что ключевым источником целесообразных социальных влияний в мире людей является человек.

Особенности механизмов влияния на социальную реальность в современном информационном обществе будут рассмотрены в следующем разделе. А в заключение проделанного в разделе «Социальная реальность как объект влияния в свете европейской классической социально-философской мысли» анализа необходимо отметить следующее. Изменение философских представлений о сущностной природе мира и человека меняют также и представления о причинно-следственных цепочках влияния на социальную реальность, представления о месте человека в них. Во всех рассмотренных исторических формах коллективной мыследеятельности (мыследеятельность «подражания» (*mimēsis*); мыследеятельность «причащающегося разума», мыследеятельность «познающего разума») выявлены альтернативные механизмы влияния на социальную реальность, одни из которых предполагают сущностную связь с бытием и сущностно-ориентированное влияние, а другие отрицают, исключают его.

Выражение «общая идеология», использованное А.Ф. Лосевым для характеристики мыследеятельности полиса Античной Греции, показало свой эвристический потенциал. Общая идеология является атрибутом социальной реальности на всех ступенях её истории, она очерчивает контуры интегративного, консолидирующего влияния на социальную реальность в масштабе государства или иного политиче-

ского сообщества в целом и в современном мире не исчезает. В качестве мировоззренческой основы общей идеологии на разных этапах истории выступает мифо-ритуальное и религиозное мировоззрение. Применительно к современному обществу проблематика общей идеологии может быть выявлена в контексте вопросов о государственном суверенитете конкретной страны, в контексте вопросов консолидации граждан на основе государствообразующих идей, раскрывающих природу и истоки гражданской солидарности людей в государстве, в контексте вопросов восприятия гражданами природы собственной общегосударственной солидарности и первопричин влияния на общество в актуальных конкретно-исторических условиях его существования.

Философия антропоцентрического понимания процессов влияния на общество образует подоснову общей идеологии современного общества, начиная с индустриальной эпохи двадцатого века. В частности, в поле отношений «Запад – СССР» это понимание дифференцируется так, что советский формат социальной философии (исторический материализм) становится основой общей идеологии коммунизма, а западный формат социальной философии становится основой общей идеологии антикоммунизма («западнизма» по А. Зиновьеву¹²⁹).

1.2. Социально-философские подходы к практикам влияния на социальную реальность в информационном обществе

Западные социально-философские подходы двадцатого века основываются на непримиримой критике марксизма, советского марксистско-ленинского исторического материализма и утверждают идеи иной, не-классовой социальной дифференциации общества и механизмов социальных влияний на него. В частности, западный феноменологический поворот при рассмотрении социального взаимодействия живых индивидов фокусирует внимание на процессах координации поступков людей, где каждый индивид в каждом эпизоде своего существования наделяет действия

¹²⁹ Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003.

другого смыслом, типичным для его собственного индивидуального жизненного опыта, жизненного мира «мирской жизни»¹³⁰. С помощью понятия «жизненный мир» все индивиды унифицируются в обыденной заботе о собственных индивидуальных интересах, проявления которых могут быть бесконечно различны¹³¹. Поле феноменологической редукции настолько сильно, что происходит потеря «другого», который исчезает в солипсизме¹³². Сводя человека к схеме «трансцендентального ego», Э. Гуссерль рассматривал общество как совокупность монад, воспринимающих друг друга сквозь призму конституирования «интенциональных объектов» и «другого»¹³³. В ходе «достижения очевидности» каждый индивид «становится действительным» не за счёт сохранения своей связи с бытием, а за счёт «возможности» восприятия того или иного бытийного содержания¹³⁴. Это присутствие бытия в очевидности констатируется только терминологически, а методологического, деятельностного высвояния сущностных начал не происходит. Соответственно, лишь номинально «жизненный мир» можно отнести к категории систем, раскрывающих сущностные силы человека: номинальная констатация бытия в тексте присутствует, но смысл текста сводится к отказу / отрицанию сущностного познания внутреннего мира личности. Работа мыследеятельности ведётся человеком только со знанием («опытом»), присутствующем в-наличии, но не сущностно данного. Глубинные элементы «опыта» последовательно «выносятся за скобки», вычленяется то (из имеющегося в-наличии), что очевидно. Весь процесс замыкается на «то же самое» знание (в модусе «очевидного»), данного внутри монады «трансцендентального ego», блокирующего помысел о сущности. Особенность ситуации в том, что «очевидное» знание – это индивиду-

¹³⁰ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология (введение в феноменологическую философию) // Вопросы философии. 1992. №7. С.136-176.

¹³¹ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология (введение в феноменологическую философию) // Вопросы философии. 1992. №7. С.136-176.

¹³² Сливин А.Я. Эдмунд Гуссерль и его «Картезианские размышления». СПб: Наука, Книга, 1998. С. 34.

¹³³ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб: Наука, Книга, 1998. С.77, 120, 127.

¹³⁴ Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб: Наука, Книга, 1998. С.135.

альный феномен, поэтому и блокирование внимания к сущностным началам становится индивидуализированным, перемещается из сферы внешних обстоятельств «злобы дня» во внутренний мир человека, действует внутри него.

Окружающий человека мир, – и природу, и социум, – Э. Гуссерль именовал понятием «интерсубъективный мир»¹³⁵. Гуссерлианский феноменологический эксперимент почти полностью растворяет со-стоящий в-наличии внешний мир человека, – в т.ч. многоукладную индустриальную социальную реальность, – в «трансцендентальном *его*» индивида, что лишает функцию «влияние на» (идущую от человека в сторону внешнего объекта), места для присутствия в сфере существования индивида, эта функция обесценивается. Ещё одна особенность гуссерлианской феноменологии состоит в том, что познание «другого», «внешнего предмета» с этой точки зрения становится проблематичным. Мыследеятельность находится в таком режиме, что воспроизводит лишь «то же самое», очевидное *ego*-истическое знание в форме «одно и то же»: самостоятельных, внешних предметов нет. Это обстоятельство утверждается в качестве неотъемлемого, естественного элемента современной светско-социальной реальности, а значит, что и система целесообразных манипуляций человека с состоящими в-наличии внешними предметами становится концептуально невозможной. Западная феноменология редуцирует единичного человека к состоянию, когда возможности его влияния на внешний мир в режиме раскрытия сущностных начал радикально проблематизируются вплоть до полного отрицания. Таким образом, гуссерлианская феноменология извлекает из картины социальной реальности представления об интегративных сущностных силах человека, об их присутствии в каждой отдельно взятой личности и о сущностной приспособленности человека быть на связи с социальной реальностью в режиме «влияния на» собственную историю. Концептуальное обоснование отказа *ego*-истического человека от формата исторической деятельности (от влияния на собственную историю) формулирует К. Поппер¹³⁶. Так начинает формироваться подход, который выводит анти-марксистскую западную

¹³⁵ Сливин А.Я. Эдмунд Гуссерль и его «Картезианские размышления». СПб: Наука, Книга, 1998. С. 41-42.

¹³⁶ Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х томах. М.: Феникс, Международный фонд культурная инициатива. 1992. – 448 + 528 с.

философию антропоцентрического понимания процессов влияния на общество в формат описания социальной реальности, который можно определить понятием «философия социально-антропологического конструктивизма».

Отечественная альтернатива гуссерлианской феноменологии формируется за рамками догматического исторического материализма, хотя и не порывает своей исторической связи с ним. Она заложена работой «Философия имени» А.Ф. Лосева. Содержательно эта феноменология связана «со всеми основными направлениями русского философского ренессанса»¹³⁷, но также и с философией марксизма. Заявляя альтернативность своей позиции по отношению к феноменологии Э. Гуссерля¹³⁸, А.Ф. Лосев определяет свою методологию как «диалектику»¹³⁹, которая «есть единственный метод, способный охватить живую действительность в целом»¹⁴⁰. Содержательную связь теории общественно-экономических формаций К. Маркса с исследованиями А.Ф. Лосева актуализировал проф. А.В. Дахин, показав, что работы А.Ф. Лосева выходят за догматические рамки советского исторического материализма, «раскрывают микрокосм живого человеческого духа...»¹⁴¹. На этих философско-методологических основаниях проработан альтернативный феноменологический подход к человеку и к технике¹⁴², в свете которого «разумное отношение к жизни», – это целостный процесс раскрытия сущностных сил человека и его влияний на предметный мир людей. Этот подход выводит отечественную философию антропоцентрического понимания процессов влияния на общество за догматические рамки исторического материализма, намечая новый формат социально-философского понимания социальной реальности, который можно определить понятием «социально-антропологический детерминизм».

¹³⁷ Доброхотов А.Л. «Философия имени» на историко-философской карте XX века. М., 1990. С.6.

¹³⁸ Лосев А.Ф. Философия имени. - М.: Изд-во Моск. университета. 1990. С.20.

¹³⁹ Там же, с.30.

¹⁴⁰ Там же, с.20.

¹⁴¹ Дахин А.В. Формационное самоопределение универсума. Н.Новгород: НАСИ, 1992. С.8.

¹⁴² Дахин А.В. Феноменология универсальности в культуре. Н.Новгород: ННГУ, 1993. 95 с.

Западные исследователи разрабатывают философию антропоцентрического понимания процессов влияния на общество в совершенно ином ключе. Вслед за гуссерлианским феноменологическим поворотом следует теория повседневности А. Шюца. Она претендует на то, чтобы заместить собой социальную реальность «общественно-экономической формации» на «повседневность». Работы А. Шюца продолжают методологическую логику Э. Гуссерля о «пределах трансцендентально-редуцированной сферы» существования индивида¹⁴³, о предметах внутреннего опыта и их «когитации»¹⁴⁴. Они переопределяют идею интерсубъективности жизненного мира взрослого человека¹⁴⁵ и акцентируют внимание на множестве индивидуальных конструкций реальности¹⁴⁶, критически ослабляя картезианский императив рациональности сознания¹⁴⁷, сводя его к «опыту обыденного сознания людей»¹⁴⁸ и к ориентированности на «субъективную точку зрения действующего»¹⁴⁹. Соответственно, понимание функции «влияния на» социальную реальность сводится к «атомарному» воздействию одного индивида на других индивидов, происходящему в поле повседневности и на основе самоочевидного знания. Для каждого участника это «то же самое» знание, находящееся в-наличии, которое присутствует без всякой связи с сущностными основаниями его бытия. Таким образом, теория повседневности полностью блокирует представления о связи людей с поворотными событиями социальной истории: концептуально люди закрываются в створе повседневного «опыта обыденного сознания», которое не знает и не может знать ни своей истории, ни своей сущности. Функция человека, как субъекта исторического процесса, живущего поворотными историческими событиями, этой теорией полностью блокируется.

Философия социально-антропологического детерминизма, намеченная в работах А.Ф. Лосева, выводит к иному пониманию каждодневности бытия и существования человека. Наполнение «абстрактной диалектики» А.Ф. Лосева содержанием

¹⁴³Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С.168.

¹⁴⁴Там же, с.171.

¹⁴⁵Шюц А. Структура повседневного мышления. С.30.

¹⁴⁶Шюц А. Структура повседневного мышления. С.31.

¹⁴⁷Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С.30.

¹⁴⁸Там же, с. 485.

¹⁴⁹Там же, с.110.

социальной реальности, как показал проф. А.В. Дахин, отчасти реализуется в концепции системной теории деятельности проф. Л.А. Зеленова¹⁵⁰, которая так же как и философия А.Ф. Лосева разрабатывалась «факультативно», за пределами догматического исторического материализма и воспринималась в 1980-е гг. как нечто маргинальное. «Система деятельности, её материальные компоненты выступают, таким образом, оправой, в которой фонтанирует духовная субстанция человека»¹⁵¹. Критически относясь к западной феноменологии¹⁵², с опорой на работы П.В. Копнина, Э.В. Ильенкова, А.П. Шептулина, Ф.А. Селиванова, В.Н. Сагаовского, Б.М. Кедрова, В.В. Орлова и др., проф. Л.А. Зеленов излагает своё понимание диалектической методологии исследования общества¹⁵³, в центре которого стоит деятельность человека. Система человеческой деятельности рассматривается им как элементарная универсальная «клетка» мета-системы «человек – мир», а «принцип деятельности» – в качестве одного из главных методологических ресурсов социальной философии¹⁵⁴. Связь деятельности и мышления была проработана в работах другого маргинального философа советского времени – в философии мыследеятельности Г.П. Щедровицкого: «...есть такая реальность мышления, и это особая субстанция. Есть реальность и особая субстанция деятельности, или мыследеятельности. И есть то, что мы в этот момент понимаем.»¹⁵⁵. В свете теории деятельности человек – «это универсальное деятельное существо». Вопрос о сущности человека сохраняет свою актуальность, принцип деятельности «позволяет по-новому взглянуть на традиционную проблему сущности человека, родовых сущностных сил человека»¹⁵⁶. Сущность определяется как многоуровневая структура, позволяющая выделять сущность первого, второго и пр. порядка¹⁵⁷. Система деятельности включает восемь

¹⁵⁰ Дахин А.В. Формационное самоопределение универсума. Н.Новгород: НАСИ, 1992. С.6.

¹⁵¹ Дахин А.В., Щуров, В.А. Апокалипсис технического объекта (монография). -Н.Новгород, ННГУ, 1992. С.43.

¹⁵² Зеленов Л.А. Сумма методологии. -Н.Новгород: Гладкова О.В., 2007. С.8.

¹⁵³ Там же, с.25.

¹⁵⁴ Там же, с.46.

¹⁵⁵ Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Шк.Культ.Политики. 1997. С.562.

¹⁵⁶ Зеленов Л.А. Сумма методологии. - Н.Новгород: Гладкова О.В., 2007. С.47.

¹⁵⁷ Там же, с .48-49.

постоянных компонентов: субъект деятельности, объект деятельности, средства деятельности, результат деятельности, процесс деятельности, условия, система деятельности в целом, внешняя среда деятельности¹⁵⁸. Эта модель применима как к описанию каждодневной деятельности отдельного человека, так и к исторической деятельности сообществ людей и государств в целом. Человек реализует свои сущностные силы, прежде всего, в качестве субъекта деятельности, при этом предполагается, что в каждом отдельном виде деятельности человек самореализуется лишь частично. Целостная самореализация человека осуществляется в форме самодеятельности¹⁵⁹, через совокупность восьми «родовых» видов деятельности: экономической, экологической, педагогической, управленческой, медицинской (в т.ч. репродуктивная функция), физкультурной, художественной, научной¹⁶⁰. Применительно к мета-системе «человек – мир» Л.А. Зеленов формулирует этот подход в качестве методологического «принципа универсальности»¹⁶¹. В этом процессе происходит сущностная самореализация человека-субъекта деятельности, равно как и реализация сущностных сил иных компонентов системы деятельности, поэтому данный механизм мы относим к категории систем, раскрывающих интегративные сущностные силы человека и общества.

В отличие от подходов, разработанных в теории деятельности и мыследеятельности Л.А. Зеленова и Г.П. Шедровицкого, западные теории социальной реальности 1960-х – 1980-х гг. стояли на позициях непримиримой критики К. Маркса и советского исторического материализма. Их внимание замыкается на понятие «действия»¹⁶², которое прорабатывалось, в частности, в русле этнометодологии. В этом направлении Г. Гарфинкель, как и П. Бергер, и Т. Лукман, продолжили работу с идеями А. Шюца. Г. Гарфинкель конституирует социальную реальность, в которой мыследеятельность человека смещается от формул «для-того-чтобы» и «потому-что» (А. Шюц) в

¹⁵⁸ Зеленов Л.А. Введение в общую методологию. - Н.Новгород: Гладкова О.В., 2002. С.11-14.

¹⁵⁹ Зеленов Л.А. Философия самодеятельности. -Н.Новгород: Общероссийская академия человековедения; Нижегородский философский клуб, 2014. 121 с.

¹⁶⁰ Там же. - С.80-111.

¹⁶¹ Зеленов Л.А. Введение в общую методологию. Н.Новгород: Гладкова О.В., 2002. С.52-56.

¹⁶² Гарфинкель Г. Что такое этнометодология? // Социологическое обозрение. Том 3. №4. 2003. С.9.

сторону вопроса о «правилах», которые присутствуют в-наличии и которые указывают «как делать». «Действие» базируется на том, что члены общества используют совместный запас знаний, «которые знает каждый».

В этом мире повседневности понятие «государство» растворяется в понятии «общество». Используя метафору П. Бергера, можно представить взаимоотношения человека и такого «общества» более наглядно. С точки зрения нового позитивизма, считает П. Бергер¹⁶³, общество – это гигантская система социального контроля, «театр марионеток с ширмой, за которой скрыты струны...»¹⁶⁴. Человек становится объектом манипулирования и социального принуждения, он обязан следовать нормам «общества», - закулисного генератора норм порядка и контроля, - которое кажется человеку «социально заданным результатом общественного действия и опыта, накопленного обществом»¹⁶⁵. «Общество» предлагает образцы, «которые кажутся независимыми» от понимания индивида и которые «налагаются на него»¹⁶⁶.

Произведённая западной феноменологией трансформация вос-приятия социальной реальности полностью погружает мир людей в пространство отказа от собственной сущности (наиболее наглядно это проявляется в западной политике, навязывающей человеку отказ от сущностного гендерно-полового диморфизма), подчиняет его «обществу» и заключает его в створ повседневного существования, концептуально отрезанного от пространства исторических событий.

Путь переработки марксистского антропоцентризма в вос-приятии механизмов влияния на социальную реальность строится в западной философии так, что на смену доминирующего повседневного знания о «трансцендентальном его» (Э. Гуссерль) приходит сначала повседневное знание «для-того-чтобы» и «потому-что»

¹⁶³ Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. – М.: Аспект-пресс, 1996. С.113.

¹⁶⁴ Там же. – С.113.

¹⁶⁵ Хайнц А. Интеракция, идентификация, презентация. СПб.: Алетейя, 2000. С. 82.

¹⁶⁶ Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. С.168.

(А. Шюц¹⁶⁷), которое, затем сменяет доминанта повседневного знания об «общественных» нормах («как делать») и порядках для поведения индивида¹⁶⁸. Во всех случаях – это знание без «знания сущности». В этой ситуации механизмы воздействия на общество также преобразуются. Влияние личности на общество в целом концептуально блокируется. Теперь главным вос-принимается влияние «общества» на повседневность индивида. На этом базируется главный механизм «влияния на» – со стороны государства, спрятанного за ширмой «общества», – это механизм социального конструирования материальной реальности, в арсенале которого практики хабиитуализации¹⁶⁹, типизации и институционализации¹⁷⁰, легитимации¹⁷¹ и пр. Общая идеология таких практик – это мысле-действие, генерирующее материальный, чувственно-переживаемый отказ индивида от собственной человеческой сущности и перенос его жизни в сферу эго-истического повседневного существования в чистом виде. Концептуально вырисовывается и утверждается уклад мыследеятельности, который отрывает человека и все социальные материальные объекты влияния от их сущностного бытия, манипулирует ими как нечто, лишённым сущностных начал. Поэтому появляется понятие «конструкт», - новое наименование для предметов влияния, которые становятся предметами (или «каналами», по Дж. Келли¹⁷²) «социального конструирования»¹⁷³. Понятие «конструкт» является способом переопределения мира повседневности индивида Э.Гуссеря в сторону его безграничной податливости внешнему конструированию.

Критический анализ идей социального конструктивизма дали в 1977 г. М. Спектор и Дж. Китсьюз¹⁷⁴: они подвергли критике отдельные теоретические противоречия, обнаруженные в данных подходах¹⁷⁵, акцентировали проблему различия, между

¹⁶⁷ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. С.16.

¹⁶⁸ Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб., 1999. С.111.

¹⁶⁹ Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. С. 171.

¹⁷⁰ Там же, с.175.

¹⁷¹ Там же, с.176.

¹⁷² Келли А.Дж. Теория личности. с.77.

¹⁷³ Там же. с.28, 87.

¹⁷⁴ Spector M. Constructing Social Problems. Menlo Park CA, Cummings,1977. P.76.

¹⁷⁵ Там же, p.76.

тем, что общество или группа считает социальной проблемой и тем, где «действительная» проблема, отмеченная Р. Мертоном¹⁷⁶. Философская подоснова, которая высвечивается в этой проблематике имеет фундаментальное значение со времён Дж. Беркли и Д. Юма, которые опровергали утверждение об абсолютности существования внешнего мира¹⁷⁷. Но идеи о том, что объектами нашего познания являются конкретные приобретаемые в опыте идеи, будь то чувственные идеи, приобретаемые при помощи внешнего опыта, идеи рефлексии, приобретаемые путем внутреннего опыта и пр.¹⁷⁸, - все эти идеи теперь вполне созвучны философии социального конструирования: внешний мир существует в зависимости от сознания, которое строит «новые виды деятельности»¹⁷⁹. Эта проблематика актуализируется тем, что «знание для признания» противопоставляется «знанию для истины». Эпистемологический релятивизм не даёт однозначных логических решений этой дилеммы. Р. Рорти говорил о двух традициях философии, обусловленных различным пониманием истины: «релятивизм» (Л. Витгенштейн, Ж.-П. Сартр, М. Фуко, Ж. Деррида и др.) и традиция Платона-Канта-Гегеля¹⁸⁰. Для современного релятивизма характерна идея «вероятностного» знания о «независимом объекте»¹⁸¹, идея неопределённости грани между «действительным» и «реальным»¹⁸². Современная среда эпистемологического релятивизма размывает платформу нововременного сущностного реальности-знания.

Радикальные аргументы в пользу конструктивистов представил Э. Глазерсфельд, который задался целью провести «реконструкцию понятия знания»¹⁸³. Результаты сводятся к тому, что знание активно строится действиями индивида¹⁸⁴, оно

¹⁷⁶ Spector M. Constructing Social Problems. Menlo Park CA, Cummings, 1977. p.76.

¹⁷⁷ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого познания// Сочинения. М., 1978. С.202-205.

¹⁷⁸ Там же, с.202-205.

¹⁷⁹ Розов М.А. Теория познания как эмпирическая наука/Эпистемология: перспективы развития. С.123.

¹⁸⁰ Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. М., 1997. С. 11 - 44.

¹⁸¹ Рокмор Т. Математика, фундаментализм и герменевтика//Вопросы философии. 1997. №2.

¹⁸² Там же, с.299.

¹⁸³ Глазерсфельд Э. Радикальный конструктивизм, 1985.

¹⁸⁴ Глазерсфельд Э. Конструктивистский подход к обучению. С.54.

организует собственный опыт индивида¹⁸⁵, и оно является истинным, если поддерживает жизнеспособность организма¹⁸⁶. Радикальный конструктивизм – одна из форм натуралистического подхода к познанию, действие которого связывается с деятельностью мозга¹⁸⁷, который занимает место классического «субъекта познания»¹⁸⁸.

Отечественные подходы, выходявшие за границы догматического исторического материализма намечают очертания философии социально-антропологического детерминизма в исследованиях механизмов влияния на общество. Деятельностная теория социума проф. Л.А. Зеленова определяет, что влияние человека на общество осуществляется в форме системы деятельности¹⁸⁹, в онтологии которой видится индивидуальное-и-коллективное бытие человека. Особенность деятельностного подхода состоит в том, что влияние субъекта деятельности на объект деятельности, с одной стороны, предполагает обработку присутствующих в-наличии свойств субъекта с помощью присутствующих в-наличии свойств, принадлежащих средствам, условиям и другим компонентам деятельности, а одним из продуктов этого механизма деятельности является каждодневное знание, каждодневное действие, предмет каждодневного потребления (результаты деятельности). С другой стороны, в этом же процессе происходит про-из-ведение из-потаённости бытия интегративных сущностных начал всех компонентов деятельности, одной из форм явленности которых выступает сущностное знание¹⁹⁰, культурная традиция, инженерная инновация, новый этап развития общества. Если обыденное знание связано с каждодневной субъектной детерминацией объекта деятельности, то сущностное знание содержит связь с глубинной исторической детерминацией. В целом это со-

¹⁸⁵ Глазерсфельд Э. Конструктивистский подход к обучению. С.54.

¹⁸⁶ Там же, с.55.

¹⁸⁷ Рот Г. Реальность и действительность. // Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Мюнхен, 2000. С.304.

¹⁸⁸ Там же, с.298.

¹⁸⁹ Дахин А.В. Системный анализ основных типов взаимодействия в материальном мире. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук: 09.00.01. - Иваново, 1998. С.17.

¹⁹⁰ Зеленов Л.А. Введение в общую методологию. - Н.Новгород: Гладкова О.В., 2002.

храняет в поле вос-приятия диалектику существования и бытия знания, которое образует один из элементов готовности человека к деятельности («информационная готовность» по Л.А. Зеленову), диалектику бытия и существования человека как социального субъекта.

Субъектное влияние человека на познание предметов осознаётся также и в аспекте «субъективности» социального отношения. Так, Г.П. Щедровицкий писал: «Ошибочным является тезис, ...что-де теория познания и логика являются наукой о деятельности и процессах познания, а не о мире. Это противопоставление неправомерно: она является наукой о деятельности познания и тем самым о мире, включенном и включаемом в нее»¹⁹¹. Таким образом, по мнению Г.П. Щедровицкого, неправомерно противопоставлять субъективность «деятельности» изучению «объективного» мира, поскольку мир включен в деятельность. Можно заключить, что в рамках философии социально-антропологического детерминизма фундаментальное понимание антропоцентрического смысла выражения «влияние на общество» вложено в понятие «деятельность», которое сохраняет в т.ч. и фундаментальное утверждение о бытии сущностных сил человека и общества, которые раскрываются в деятельности. Понятие «конструкт», в отличие от этого, исключает познание в смысле «познание истины». Номинальная связь с классической традицией мышления-в-бытии в контентах теорий А. Шюца, Т. Лукмана и П. Бергера и др. осуществляется только благодаря термину «знание», однако, его связь с сущностными основаниями (с нововременной «реальностью-знанием») предельно ослаблена. Эта слабая связь окончательно обрывается с появлением понятия «информация», которое становится визитной карточкой информационного общества начала двадцать первого века.

Антропоцентрический смысл выражения «влияние на общество» в западной проработке 20 века приводит к замене концепции «социальной революции» на концепцию «повседневности», концепции человека как «субъекта истории» на концепцию «конструкта», концепции сущностного знания (знания «законов развития общества») на концепцию обыденного («вероятностного») знания. Это подготовило

¹⁹¹ Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С.164.

следующую концептуальную замену. Замена понятия «знание» на понятие «информация» произошла в русле западной философии, которая переопределяет «постиндустриальное общество» в «информационное общество» и где происходит «вырождение *быть* в *иметь*»¹⁹². Соответственно, «знать» превращается в «иметь информацию». Понятие «знание» переопределяется: «...у нас в голове, - писал Э. Тоффлер, - существует как бы склад образов»¹⁹³. «Нас настигает всё новая информация, и мы вынуждены постоянно пересматривать картотеку образов»¹⁹⁴, элементы «социокультурной таблицы» (А.Моль¹⁹⁵). Частью повседневности становятся «информация» (вместо «знания»), постоянно ускоряющиеся «информационные потоки» (средств массовой информации), которые «трансформируют глубинную структуру информации, от которой зависят наши ежедневные действия»¹⁹⁶. Констатируется тенденция сдвига в сторону разнообразия печатной продукции и др. источников информации, приспособленных для индивидуального потребления (кабельное ТВ, видеоигры и т.д.)¹⁹⁷. Растущее число многочисленных и разнообразных источников массовой информации (СМИ) образуют инфосферу, влияние которой нацелено на повседневного индивида. Инфосфера традиционных СМИ стремится воздействовать на индивида 24 часа в сутки и 7 дней в неделю. В результате формируется ещё новая форма социальной реальности – информационная реальность, которая отделяет индивида как от «объектов» (от «объективного» как такового¹⁹⁸), так и от ма-

¹⁹² Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос (Радек), 2000. С.26.

¹⁹³ Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С.263.

¹⁹⁴ Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С.265.

¹⁹⁵ Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973. С. 56.

¹⁹⁶ Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С.266.

¹⁹⁷ Там же, с.266-277.

¹⁹⁸ Дахин А.В. Постмодернистское текстование и проблема социальной объективности / А.В.Дахин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». Вып. 1(3). Н.Новгород: ННГУ. 2004. С. 382-392.

териальных «конструктов». А.В. Дахин говорит о «парниковом эффекте -2», об эффекте агностицизма¹⁹⁹. Частью информационной социальной реальности становятся компьютеры, дающие новое «сочетание памяти с программами»²⁰⁰. Принципиальная важность этого вопроса обусловлена тем, что структуры антропной памяти образуют сущностную связь человека с историей мира людей²⁰¹. Ослабление структур антропной памяти усиливает отрыв человека от реальности-традиции, реальности-знания, радикально дискриминирует «знание», резко эмансипирует практику «владения информацией». Это редуцирует механизмы познания к практикам манипуляции (получения и передачи) информацией, которые оформляются в теории доминирования искусственного интеллекта (Д. Деннет²⁰²). Сущностный антропоцентризм представлений о влиянии на социальную реальность постепенно растворяется по линии отношений «материальное – информационное» (диджитализация), так что происходит «сползание *иметь* в казаться»²⁰³, переход от «всё есть слово» к «всё есть цифра»²⁰⁴. Таким образом, в поле западных теорий информационного общества утверждается систематически обоснованная тенденция обобщения ранее проведённых исследований информации в пользу концептуального отказа от антропоцентризма в понимании конечных причин влияния на социальную реальность, в пользу концептуального признания доминирующей роли «искусственного интеллекта» (У. Эшби²⁰⁵, Д. Белл, Ж. Бодрийар, М. Кастельс, Э. Гидденс, Ю. Хабермас и др.²⁰⁶, Э. Тоффлер, Д. Деннет и пр.), в свете которого поддерживается

¹⁹⁹ Дахин А.В. Парниковый эффект -2. Антропологический след рекламно-информационной мегамашины. Свободная мысль – XXI. 2003. № 9. С.70-81.

²⁰⁰ Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С.281.

²⁰¹ Дахин А.В. Память, история, вселенная: на пути к новой онтологии реальности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». Вып. 1(3). Н.Новгород: ННГУ. 2012. С. 19-34.

²⁰² Деннет Д.К. Разум от начала до конца. Новый взгляд на эволюцию сознания от ведущего мыслителя современности. Пер. с англ. Соколовой М.С. / Ред., предисловие Фортунатов А.Н. М.: Бомбора, Эксмо. 2021. – 670 с.

²⁰³ Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос (Радек), 2000. С.26.

²⁰⁴ Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. Алетейя: 2015. С.207-223.

²⁰⁵ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. Пер. с англ. Д.Г. Лахути. / Ред. В.А. Успенский. Предисловие А.Н. Колмогорова. М.: Издательство иностранной литературы. 1959 – 249 с.;

²⁰⁶ Вольфсон Ю.Р., Вольчина А.Е. Проблема классификации теорий информационного общества. // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т.8. № 3. С.80-110.

тенденцию ослабления связи человека с «антропными структурами памяти» и усиления зависимости от «кибер-памяти»²⁰⁷. В совокупности это позволяет сделать вывод о том, что на рубеже 21 века происходит преобразование западной платформенной философии социально-антропологического конструктивизма в философию социально-технократического конструктивизма.

Альтернативный подход к восприятию механизмов влияния в эпоху информационного общества, подход, базирующийся на платформе социально-антропологического детерминизма, проработан не столь системно и многопланово. Тем не менее, в работах Л.А. Зеленова разрабатывается важная диалектика «человека», «знания» и «информации»: «Информационные (гносеологические, мыслительные, интеллектуальные, когнитивные) способности [человека – Э.А.], как Знания, выступают в разных носителях: ощущения, восприятия, представления, понятия, суждения, планы, модели, проекты»²⁰⁸. Становление отечественной философии социально-антропологического детерминизма в аспекте вопроса о соотношении «человека», «знания» и «информации» связано преимущественно с критикой западного цифрового инновационизма (антропоконсерватизм В.А. Кутырёва²⁰⁹). Рамки философии социально-антропологического детерминизма охватывают и целый ряд новых нормативно-правовых тенденций, одна из которых ориентирована на вопросы сохранности и защиты исторической правды и коллективной исторической памяти²¹⁰, а другая – на сохранение и развитие традиционных духовно-нравственных

²⁰⁷ Вольфсон Ю.Р., Вольчина А.Е. Проблема классификации теорий информационного общества. // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т.8. № 3. С.297.

²⁰⁸ Зеленов Л.А. Философия самодеятельности. -Н.Новгород: Общероссийская академия человековедения; Нижегородский философский клуб, 2014. С.66, 67.

²⁰⁹ Тарасов А.А. Метаморфозы. Новая история философии. СПб.: Алетейя. 2023. – 464 с. С. 375-381.

²¹⁰ Указ Президента РФ от 15.05.2009 N 549 (ред. от 08.09.2010) "О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России" (вместе с "Положением о комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России"; О противодействии попыткам фальсификации истории народов в ущерб интересам России. Сб.материалов. Елизаров В.Г. – сост. М.: Издательский отдел Совета федерации РФ. 2013. – 95 с. Противодействие попыткам фальсификации истории России: научные и законодательные аспекты. М.: Издание Государственной Думы. 2020. – 160 с.; и др.

ценностей России²¹¹. Этим новым, практико-ориентированным элементам восприятия современных социальных процессов добавляются описывающие их концепции коллективной социально-исторической памяти²¹² и духовных основ России-цивилизации²¹³. Отечественная альтернатива западным теориям, будучи представленной в наличии лишь несколькими принципиально важными чертами, требует целостного концептуального, системного, междисциплинарного развития. Это необходимо для утверждения представлений о механизмах влияния на общество, адекватных вызовам информационно-цифровой эпохи 21 века, для сохранения антропомерного приоритета при совершенствовании социальных и информационных технологий ответственного информирования, воспитания, просвещения и духовно-нравственного развития гражданина России.

Подводя итоги данного параграфа исследования, необходимо отметить следующее. Антропоцентрический смысл выражения «влияние на общество», сформулированный К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии», стал базовой метафизической основой социальной философии как в СССР, так и на Западе. В СССР на этой основе была сформирована платформенная философия исторического материализма, которая отражала реалии индустриального общества 20 века, но избыточно консервативно воспринимала марксистскую теорию общественно-экономических формаций, теорию социалистической революции, теории социализма и коммунизма. Результатом такого консервативного существования стало то, что её представители стали отказываться от её «развития»: «Что-либо делать с этим невозможно»²¹⁴. В силу этого обстоятельства отечественная философия исторического

²¹¹ Указ президента РФ от 09.11.2022. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

²¹² Дахин А.В. Социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории. // Уровень жизни регионов России. 2024. Т.20. № 1. С.105-118.; Дахин А.В., Сундуков Р.В. Объемлющий строй коллективной социальной памяти: философские основания мемо-политики в России. // Социальное время. 2023. № 2. С.28-33.; и др

²¹³ Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография (коллектив авторов; под ред. А.В. Иванова) — Барнаул: Новый формат, 2022. – 368 с. и др.

²¹⁴ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура». 1992. - 414 с. С.78.

материализма отстала от исторического времени и осталась за порогом эпохи информационного общества 21 века.

Геополитическое и информационное противоборство периода «холодной войны» отозвалось в науках об обществе тем, что западная социальная философия 20 века, приняв по умолчанию антропологический смысл механизмов влияния на общество, генерировала свои контенты в качестве непримиримой альтернативы марксизму и советскому историческому материализму. Поэтому диалектика социального бытия и существования человека и общества редуцируется западной наукой к теориям повседневного существования индивида, концептуально блокирующим восприятие его связи с сущностными основами социально-исторического бытия человека индустриальной эпохи. Эта мировоззренческая платформа опирается на теории Э. Гуссерля, К. Поппера, А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, Д. Белла и др., и определяется как философия социально-антропологического конструктивизма. Она проработана достаточно системно и интегрирована в структуру западных прикладных наук об обществе и человеке, а также создала задел для разработки платформенной философии информационного общества 21 века.

Преобразование философии социально-антропологического конструктивизма в контексте информационного общества 21 века состоит в том, что на место человека, как конечной причины социальных процессов, выдвигается «искусственный интеллект», так что «знание» заменяется «информацией», «слово» заменяется «цифрой», «сознание» заменяется «искусственным интеллектом». Данная трансформация позволила сделать вывод о тенденции преобразовании платформенной философии социально-антропологического конструктивизма в философию социально-технократического конструктивизма, которая отражает западное видение социальных механизмов влияния на общество.

В начале 21 века в контексте геополитического и информационного противоборства Запада и России возникает отечественный запрос на социально-философскую альтернативу, которая может фундировать суверенную политику и геополитику России. Философия советского исторического материализма, как готовое це-

лое, не отвечает запросам нового времени, однако заложенная в ней антропологическая основа понимания общества и механизмов влияния на общество может стать исходной для разработки современной отечественной социальной философии эпохи информационного общества - платформенной философии социально-антропологического детерминизма, отдельные элементы которой были разработаны «на обочине» исторического материализма. Было показано, что в отечественной философской культуре советского времени в качестве «маргинальных» концепций, состоявшихся за рамками догматического исторического материализма, но не разрывавшего своей исторической связи с положениями социальной онтологии К. Маркса, появились феноменология А.Ф. Лосева, теория деятельности Л.А. Зеленова и теория мыследеятельности Г.П. Щедровицкого, концепция антропоконсерватизма В.А. Кутырёва и др. Новыми, практико-ориентированными элементами, которые встраиваются в контур философии социально-антропологического детерминизма, являются нормы правовой поддержки приоритетов духовно-нравственного развития России, нормы правовой защиты исторической правды, а также описывающие их концепции коллективной социально-исторической памяти и др. В отличие от догматического советского исторического материализма, начало этой новой социально-философской системы смещает своё внимание с материальных факторов общественного развития на духовные факторы (А.Ф. Лосев), с «социальной революции» на вопросы всестороннего развития человека и общества (Л.А. Зеленов), с «классового сознания» на коллективную мыследеятельность (Г.П. Щедровицкий), с «классовых противоречий» на противоречия «естественного и искусственного» (В.А. Кутырёв), с «борьбы с пережитками прошлого» на разработку целостной философской теории коллективной памяти и др. В отличие от западной философии социально-технократического конструктивизма платформа социально-антропологического детерминизма утверждает фундаментальную значимость раскрытия диалектики сущностного социально-исторического бытия и существования человека во всех применяемых им механизмах влияния на общество. Другая особенность платформы социально-антропологического детерминизма состоит в том, что на текущий момент она не имеет системной, междисциплинарной проработанности,

представляет собой группу исторически взаимосвязанных концепций, внутренний потенциал и содержательная взаимосвязанность которых нуждается в философской и междисциплинарной научной проработке.

Механизмы информационного влияния на социальную реальность в обществе начала 21 века оформляются в самостоятельную область информационных технологий, которая становится неотъемлемым элементом влияния человека на современное общество. В этом контексте возникают новые концептуальные альтернативы, связанные с фундаментальными вопросами диалектики социального бытия и существования человека и информационного общества: дилеммы «предметная реальность – информационная реальность», «знание – информация», «владение знаниями – владение информацией», «познавательная деятельность – манипуляция информацией» и др.

Подводя итоги первой главы диссертации в целом, необходимо выделить следующие основные результаты.

1. Понятие «общая идеология» содержит эвристический потенциал для анализа идейных предпосылок действия механизмов влияния на общество. Исследование позволяет заключить, что общая идеология имеет в своей основе мировоззренчески оформленную коллективную картину мира конкретного территориально и политически суверенного социального сообщества. Она содержит актуальные коллективно-образующие идеи этого социального сообщества, смыслы которых отражают восприятие природы внутренней солидарности сообщества, первопричин влияния на него в тех или иных конкретно-исторических условиях. Сфера общей идеологии сущностно связана с диалектикой бытия и существования территориально и политически суверенных социальных субъектов. В разные периоды истории меняются формы такого социального субъекта (античный полис, католический мир, мир России московской, национальное государство и др.). Влияние общей идеологии связано с альтернативными механизмами влияния на общество, одни из которых обеспечивают раскрытие интегративных сущностных сил человека в сфере социального существования, а другие - могут блокировать связи человека с его интегративными сущностными началами бытия в сфере социального существования.

2. Социальная реальность имеет многоукладное строение, связанное с различными формами коллективной мыследеятельности при восприятии сущностной природы, источников и причинно-следственных цепочек влияния на общество. Современные представления о целесообразном влиянии на общество воспринимает деятельность человека в качестве исключительного и конечного источника таких влияний. Первое комплексное описание социальной реальности, в основе которой лежит антропоцентрическое понимание смысла и механизмов влияния на общество, было дано в форме теории общественно-экономических формаций К. Маркса. В контексте отношений «Запад – Россия/ СССР» на дистанции 20 – начала 21 века антропоцентрическое понимание механизмов влияния на общество прорабатывается в четырёх форматах.

А). Наиболее системно и догматично марксистская теория общественно-экономических формаций прорабатывается в СССР, где она приняла форму исторического материализма, который predetermined общую идеологию в СССР;

Б) Наиболее системно и радикально критически марксово антропоцентрическое понимание механизмов влияния на общество прорабатывается в западной социальной философии 20 века, где оно приобретает форму социально-антропологического конструктивизма, который predetermined в 20 веке общую идеологию Запада.

В) В начале 21 века социально-антропологический конструктивизм вошёл в тенденцию преобразования в форму социально-технократического конструктивизма, который становится философско-мировоззренческой основой общей идеологии западного информационного общества.

Г) «На обочине» советской философии и в практико-ориентированных научных и нормативно-правовых разработках первых трёх десятилетий 21 века в России проявляются контуры платформенной философии социально-антропологического детерминизма, содержание которой может стать основой новой общей идеологии России эпохи информационного общества 21 века.

3. Анализ философских оснований противостояния социальных теорий Запада и России в области представлений о социальной реальности на рубеже 21 в. приводит к выводу о противоборстве двух основных конкурирующих идейно-философских подходов, которые определены нами как философия социально-технократического конструктивизма и философия социально-антропологического детерминизма. Проблема состоит в том, что отечественная философия социально-антропологического детерминизма не обладает системной целостностью и проработанностью, что ослабляет позиции России в мировоззренческом противоборстве с Западом.

4. Общество начала 21 века отличает широкое присутствие информационной реальности. Антропоцентричная структура влияния на общество реализуется здесь через механизмы информационного влияния, которые оформляются в самостоятельную область социальных информационных технологий и становятся неотъемлемым новым элементом современного общества. Анализ философских оснований актуальных теорий информационного общества позволяет заключить, что в рамках философии социально-технократического конструктивизма технологии информационного влияния укореняются на основе идей, утверждающих замену понятия «знание» на понятие «информация», понятия «познавательная деятельность» – на «обработку информации», понятия «сознание» на понятие «искусственный интеллект» и пр., что концептуально дискриминирует роль живых человеческих личностей в обществе «современности», закладывает основы практик «пост-правды», «фейк-ньюз» и др. в сфере влияний на социальную реальность. В рамках философии социально-антропологического детерминизма технологии информационного влияния рассматриваются на основе диалектики «человека», «знания» и «информации», где человеческое «знание», «познавательная деятельность» человека фундаментально первичны, субстанциальны, а «информация», «обработка информации» вторичны и атрибутивны; это закладывает основы практик просвещения, ответственного информирования и пр. в сфере влияний на социальную реальность. Проблема состоит в том, что философия влияний в информационном обществе на началах социально-антропологического детерминизма не имеет системной, межотраслевой

научной и философской проработанности. Это обстоятельство ослабляет технологический суверенитет России в поле информационного противоборства с Западом.

2. ИДЕОЛОГИЯ В ПОЛЕ ДИАЛЕКТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ И СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Во второй главе представлено исследование понятия «общая идеология» в контексте её связи с идеологическим влиянием на общество и, в частности, особенности этого влияния в контексте информационной реальности современного социума. Дается сравнительный анализ основных философских концепций о роли идеологий в современном мире. Исследование осуществляется с опорой на диалектику конструктивистского и детерминистского подходов, что позволит выявить целостное поле социальных альтернатив, которые раскрывают роль государственного суверенитета в этих процессах, раскрывают потенциал действия общей идеологии в её взаимосвязи с информационными механизмами влияния на социальную реальность.

2.1 Социально-философский анализ актуальных идеологических практик.

Появившись в 18 веке, понятие идеология воспринималась в качестве, с одной стороны, как «наука об идеях» (А.Д. де Траси), а с другой – как доктринёрство, «туманная метафизика» (Наполеон)²¹⁵. Существо этой диалектики сводится к тому, что в первом случае речь идёт о сильной связи идеологии с наукой, а во втором – о сильной связи идеологии с доступностью содержания идеологии для широкой аудитории. Это же диалектическое представление сохранилось и теперь: под идеологией обычно имеется в виду «какие-то идеи и учения», «состояние сознания» и «идеологический механизм», включающий практики влияния на общество²¹⁶. В свете этой диалектики необходимо выявить, какие альтернативные учения лежали в основе

²¹⁵ Козырев М.С. Понятие «идеология» в общественных науках: теоретический анализ. // Социальная политика и социология. 2013. Том 1. № 2. С.130-143. С.132-133.

²¹⁶ Зиновьев А. Запад. Феномен западнизм. М.: Эксмо, 2003. С.266.

идеологий, действовавших и действующих в сфере информационного противодействия Запада и СССР/ России в 20- начале 21 вв.? С другой стороны, необходимо выявить какие альтернативные социальные технологии обеспечивают возможность «овладеть массами»²¹⁷ в контексте этих же процессов информационного противодействия.

Пример Запада, который изучал А. Зиновьев, отражает практику идеологической деятельности, где бытует «убеждение, будто никакой особой западной идеологии вообще не существует», хотя это «противоречит как истории становления западного общества, так и его современному состоянию»²¹⁸. Создаётся впечатление, что идеологии нет, но отсутствие официально заявленной «общей государственной идеологии и государственного идеологического аппарата еще не означает отсутствие в этой стране всякой идеологии и всяких средств идеологической обработки населения»²¹⁹. «Идеологическая сфера западнизма»²²⁰, - как показывает А.Зиновьев, - якобы, формировалась «естественным путем». У него нет конкретного авторства и прямой связи с интересами конкретной социально-политической группы или социально-политического сообщества. Однако, вклад тех или иных авторских идей может быть определён. Например, проф. Бостонского университета У. Клеменс в связи с распадом СССР в 1991 г. писал, что «западные общества нашли равновесие между императивами индивидуальной свободы и требованиями благосостояния общества. Адам Смит и Джон Локк, удачно соединённые с Генри Фордом и Джоном Кейнсом, совершили победу над Марксом и Лениным»²²¹.

У К. Маркса термин «идеология», характеризовавший состояние современных ему немецких умонастроений, сопровождался словами «иллюзорность»²²², «ложные

²¹⁷ Маркс К. К критике гегелевской философии права. М.: Политиздат, 1957. С.57.

²¹⁸ Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003. С.268.

²¹⁹ Там же, с. 268.

²²⁰ Там же, с. 269.

²²¹ Clemens W. Bultic independence and Russian empire. – L.; Basingstoke: Macmillan. 1991. – XVII, 346 p. P.XVII.

²²² Баллаев А.Б. Проблема “преобразующей критики” в “Немецкой идеологии” К.Маркса и Ф.Энгельса. Минск, 1991. С.54.

представления»²²³ и т.п. Для критических текстов К. Маркса характерно противопоставление господствовавших общественных «иллюзий» и «реальности» или «действительности» общественной жизни, опровержение общей веры «что реальный мир есть продукт мира идей...»²²⁴. Эту исторически сложившуюся ситуацию соотношения мысли и социальной реальности он определяет как «перевернутость», в которой общество «поставлено с ног на голову»²²⁵. Идеологии 20 века, участвующие в большом информационном противостоянии Запада и СССР, – при всём их разнообразии, – так или иначе связаны с идеологической традицией, прошедшей через научную лабораторию К. Маркса, и утверждающей идею человека как конечной причины всех социальных процессов. Кроме того, они имеют определённое сходство своих глоссариев. В частности, они называют одни и те же ценности и идеалы, как например, «свободы и братства», «равенства и справедливости», «демократии» и пр. Однако, как свидетельствует опыт конкретных стран (страны Запада, СССР, современной России), разные идеологии вкладывают в эти «одинаковые слова» разные смыслы²²⁶.

Распространённый набор названий ценностей так или иначе конкретизируется в разных идейных течениях. Так, К. Мангейм, связывая идеологию с индустриальным обществом, которое пережило длительный период нарастающей идеологизации, отмечал, что приходит время, когда надо «вырваться из оков идеологических постулатов»²²⁷. Рассмотренные им вопросы «инакомыслия» и «социальных мифов» указывают на то, что он анализировал место «идеологий» в структуре социальных противостояний. В отличие от К. Маркса, К. Мангейм раскрывал устройство идеологии, как силы, конструирующей сознание повседневного индивида. В поле кон-

²²³ Маркс К. и Ф.Энгельс. Сочинения. М.; Государственное издательство политической литературы, 1955. с.11.

²²⁴ Там же, с.12.

²²⁵ Маркс К. и Ф.Энгельс. Сочинения. М.; Государственное издательство политической литературы, 1955. С.25.

²²⁶ Дахин А.В. Правовая норма, идейная позиция государства и мировоззренческий выбор в современном социальном контексте // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1(41). С.275.

²²⁷ Мангейм К. Идеология и утопия. М.: Юрист, 1994. С.94.

структивистских идеологий складываются и влияют друг на друга идеологии либерализма, консерватизма, социализма (коммунизма), тенденции деидеологизации и реидеологизации, глобализма и антиглобализма. В частности, после распада СССР и крушения мировой системы социализма возросла популярность либеральных идей о «свободе», содержание которых казалось созвучным ситуации противостояния «нераздельной власти монархов аристократии, пап и епископов» в Европе XVII – XVIII вв.»²²⁸. Либеральная идеология обосновывала важность частной собственности в качестве фундаментального, онтологического основания прав и свободы личности. После Второй мировой войны, в развитой индустриальной Северной Америке и в Европе либерализм акцентируется на «требованиях прав и свобод», но отходит от фундаментальной компоненты с отстаиванием «права на владение и управление собственностью»²²⁹. Рыночная трансформация либерализма, тенденция разнообразия потребностей (Дж. Кейнс и др.) представляет идеи плюрализма спроса и предложения в качестве основы принципов организации социальной реальности. Например, в США поддерживаются практики невмешательства родителей в расовую или гендерную социализацию собственных детей²³⁰. Конструктивистская логика либерализма глобализируется и рассматривается как вершина общественного развития²³¹. Она не хочет видеть альтернатив²³². В результате формируются практики трансформации человека, идеи которой продвигает такое течение социального конструктивизма как философия трансгуманизма²³³. Средства практической реализации принципов неолиберализма отражает транзит идей демократии от принципов «власти большинства» к принципам «власти меньшинств»²³⁴. Современное развитие идеологии либерализма (неолиберализм) переплетается с идеями, выработанными в

²²⁸ Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С.22.

²²⁹ Крауч, К. Странная не-смерть неолиберализма. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С.25.

²³⁰ Американским школьникам разрешат менять пол и расу втайне от родителей. [Электронный ресурс] // <https://russian.rt.com/inotv/2018-03-02/Fox-amerikanskim-shkolnikam-razreshat-menyat>.

²³¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. С. 84-85.

²³² Там же, с.89.

²³³ Кутырёв В.А. Время Mortido. СПб.: Алетейя, 2012. С.223-231.

²³⁴ Дугин А. Демократия как власть меньшинства [Электронный ресурс] // МАХПЕРК. 25.04.2012. <https://maxpark.com/user/556697085/content/1321502>.

рамках консерватизма²³⁵. Исследователи отмечают, что по ряду важнейших политических вопросов неоконсерватизм очень близок к либерализму²³⁶, а как идеология, имеющая исторически детерминированные черты, консерватизм сохраняет их всё более номинально и поэтому востребован в актуальной политике²³⁷. В результате и понятия «либерализм – консерватизм», «свобода – равенство», «право – справедливость», «экологизм – биоэтика», и др. утверждаются на общей платформенной философии, которая выше была определена как социально-антропологический конструктивизм. Наиболее радикальная общая государственная идеология, построенная на этой платформе социально-антропологического конструктивизма, – это идеология немецкого нацизма, осужденная Нюрнбергским трибуналом, поскольку была неотъемлемой частью нацистской диктатуры, совершившей преступления против человечества. При этом, наряду с индивидуализированным до уровня антропометрических индикаторов национального превосходства одних людей над другими, в которых выявлялись признаки патологического национального несовершенства, здесь действовал авторизованный центр государственной идеологической деятельности. «Западнизм», утвердившийся в США, представляет собой менее радикальную форму реализации платформенной философии социально-антропологического конструктивизма. В ней, наряду с эмансипацией эго-истического социально-экономического успеха, реализуется система государственного влияния, скрытая за ширмой «невидимой руки» товарного, финансового, политического, информационного и пр. рынка.

Понимание «свободы», «равенства», «права», и др. идеологических понятий в системе ценностей отечественного консерватизма, ведущего свою историю от рус-

²³⁵ Гарбузов В.Н. Консерватизм: понятие и типология: Историогр. Обзор // Полис. 1995. №4. С. 60-68.

²³⁶ Гарбузов В.Н. Консерватизм: понятие и типология: Историогр. Обзор // Полис. 1995. №4. С. 60-68.

²³⁷ Мигранян А.М. Переосмысливая консерватизм // Вопросы философии. 1990. № 11. С.114-122.

ских славянофилов 19 века, и отстаивавшего множество ценностных традиций, которые необходимы обществу и человеку²³⁸, опирались на историко-детерминистский мировоззренческий подход, связанный с крестьянской православной общиной. Ценности отечественного либерализма тех времён, представленные идеями русского западничества, опирались на просветительские теории западного либерализма и отечественного анархизма. Резкое изменение социально-политического контекста бытования этих идеологий, связанный с Октябрьской революцией 1917 г., привело к утверждению новых идеологических интерпретаций и «свободы», и «равенства», и «справедливости», которые задавались «классовым подходом». На рубеже начала 20 в. в России произошла революционная реидеологизация, в результате которой сформировалось устойчивое поле общей идеологии СССР, платформенной философской основой которой стал исторический материализм, а априорный идеологический контент которой получил название «идеология коммунизма». Идеологизация советского общества посредством повсеместного и всеохватного распространения влияния советской идеологии коммунизма и определил особенности идеологической деятельности Советского Союза и особенности информационного противоборства с США и Западом в 20 веке.

Общая идеология США и Запада в 20 веке также была связана с переменами, а именно - с процессами «деидеологизация» и «реидеологизация» в формате общей идеологии. Деидеологизация получила распространение в середине 20 века. Основные причины сводились к необходимости вытеснения идеологии наукой, которое происходило на пике популярности западного позитивизма²³⁹. Деидеологизация была нацелена на критический разгром марксизма, а также, – в плане актуальной геополитики, – на критический разгром коммунистической идеологии СССР. На

²³⁸ Перевезенцев С.В. К вопросу об идейных истоках русского консерватизма // Мир и политика. 2011. №6. С.20-28.

²³⁹ Куничкина Н.С. Концепции деидеологизации и реидеологизации общественной жизни как противоположные подходы к определению сущности роли государственной идеологии // Вестник Челябинского университета. Серия: Право. 2008. № 31(132). С.20-23.

смену марксистской терминологии «капитализм – социализм» выдвигается философия индустриального общества²⁴⁰. Социально-философский смысл перехода к теории «индустриального общества» Р. Арона²⁴¹, Д. Белла²⁴² и др. сводился к переводу социальной теории общества с платформы философского детерминизма на платформу философского конструктивизма. Когда это философское платформенное «переключение» совершилось, сторонники «деидеологизации» перешли к проработке концепции «реидеологизации», основной смысл которой состоял в том, чтобы выстроить контент идеологического влияния, представляющего для массового распространения смыслы философии повседневности и социального конструирования. Не случайно, «что теоретиками реидеологизации западного общества зачастую выступают те же философы, социологи, политологи, которые ранее разрабатывали концепции деидеологизации»²⁴³. Так Д. Белл, который, доказывая важность «деидеологизации», называл идеологию «прислугой политиканов», перейдя к обоснованию концепции «реидеологизации» стал писать о том, что «борьба идеологий возобновляется»²⁴⁴. Результатом западной реидеологизации стало доминирование «человека-массы», включившегося в бесконечную гонку за повседневными жизненными успехами «удовольствий», «благ», «власти», «богатства» и пр. конструктами; ныне «всё – от прессы до уличных экстерьеров – приобрело зримые черты массовизации»²⁴⁵.

Конструктивистская переработка идей, интересов, стиля жизни людей ведет к генерации обезличенной, бессубъектной, обезволенной человеческой массы, которая выдвигается в качестве новой социальной реальности. «Кто не такой, как все,

²⁴⁰ Куничкина Н.С. Концепции деидеологизации и реидеологизации общественной жизни как противоположные подходы к определению сущности роли государственной идеологии // Вестник Челябинского университета. Серия: Право. 2008. № 31(132). С.21.

²⁴¹ Арон Р. Опиум интеллектуалов. М.: АСТ, 2015. 480 с.

²⁴² Белл Д. Конец идеологии. Истошение политических идей в 50-х годах. М.: Социс, 2007. 512 с.

²⁴³ Козырев М.С. Понятие «идеология» в общественных науках: теоретический анализ // Социальная политика и социология. 2013. Том 1. № 2. С. 135.

²⁴⁴ Белл Д. Возникновение истории в новом столетии (предисловие к новому изданию книги «Конец идеологии») // Новый мир. 2002. № 10. С. 170.

²⁴⁵ Шаповалов В.Ф. «Восстание масс» по-русски / Свободная мысль. 1993. №12. С.33-34.

кто думает не так, как все, рискует стать изгоем. ...»²⁴⁶. Классический вариант исследований о поведении «массы» представлен работами Г. Лебона, Г. Тарда и др.²⁴⁷ Толпа определяется как «пучок заразительных влияний, оказываемых именно физическим соприкосновением входящих в нее индивидов»²⁴⁸, она «способна превратиться в простой бессознательный автомат, повинующийся внушениям»²⁴⁹. Современные особенности связаны с «новым качеством эволюции капитализма», которое возникло «по линии вовлечения масс населения в денежные операции по законам капитала...»²⁵⁰. Испытывающие дефицит сильных эмоций, зажатые социальными обязательствами люди подсознательно ищут удовлетворение через раскрепощение своей индивидуальной приязни или неприязни в составе социальной массы, «... а для этого всегда можно использовать любой повод, любое социальное требование»²⁵¹. В таких условиях происходит десубъективизация человеческой деятельности (смерть субъекта), человеческих знаний, человеческих ценностей, связанных с вечными вопросами бытия человека. В результате появляется индивид-«психотик», барахтающийся в океане повседневности, пытаюсь сознательно использовать «представления слов без представления вещей»²⁵², то есть индивид, стремящийся освоить представления о своем существовании без представлений о своём социально-историческом бытии.

На фоне западной «деидеологизации – реидеологизации» отношения к человеку и обществу, который происходил на уровне общей идеологии, обостряется вопрос о том, каков выбор России в этом поле идеологической активности? Он требует «мировоззренческого самоопределения» российского общества и государства²⁵³. В

²⁴⁶ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С.22.

²⁴⁷ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. С.163.

²⁴⁸ Тард Г. Толпа и публика // Социальные этюды. СПб., 1902. С.104.

²⁴⁹ Там же. С.269.

²⁵⁰ Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003. С.478-479.

²⁵¹ Канетти Э. Масса и власть / Человек нашего столетия. М.: Прогресс, 1990. С.396-406.

²⁵² Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: ИД ДЕЛО, 2014. С.11.

²⁵³ Дахин А.В. Идея социального и светского государства: феноменология конституирования в России // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1(45). С.276.

СССР социальный идеал человека воплощался в идее «советского человека». Однако диалектический баланс социально-исторического бытия и социального существования был нарушен в сторону усиления форм и механизмов социального существования (ослабление «классового» коллективизма, появление признаков общества потребления и пр.). Попытка восстановить этот баланс в период перестройки, попытка вернуться к «наследию В.И. Ленина» и построить «социализм с человеческим лицом» закончилась неудачей. В первое постсоветское десятилетие состоялась попытка реидеологизации: идеологическая ставка была сделана на заимствование на Западе идеи демократии и демократизации в качестве новой общей идеологии. Однако, демократическая идея была реализована как достаточно поверхностная технология обработки общественного сознания средствами массовой информации²⁵⁴. Кроме того, она вступила в противостояние со ставшей за годы советской власти традиционной «коммунистической идеей», что сулило риск масштабного идеологического раскола в обществе. Поэтому в начале 2000-х гг. предпринимаются меры «деполитизации» государственной публичной политики: в качестве государственных приоритетов выдвигаются проблемы «конкретных людей» (своевременные выплаты пенсий, зарплат и пр.), борьба с международным терроризмом и пр. вопросы повседневного и материального характера. В целом эти меры характеризуют специфику российского опыта деидеологизации 1990-х - 2000 гг. Более радикальные течения постсоветской деидеологизации стали приобретать форму «десоветизации» (пример Украины после 2004 г.), но в России они не состоялись. Российский опыт показал, что полностью деидеологизировать общественное сознание невозможно и стратегически нецелесообразно. Оказалось, что вместе с отказом от общей идеологии наступает угроза утраты важных традиций и сил коллективной социально-исторической памяти, которые питают структуры российской идентичности и их наиболее активно действующий слой – патриотизм. Необходимость обращения к ресурсам патриотизма, а затем – к ресурсам памяти о Великой Отечественной войне показали, что нужен своеобразный ренессанс общегосударственной идеологической сферы

²⁵⁴ Матвейчев О.А. Этапы становления и развития рынка политических технологий в России и его перспективы. // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 82-99.

жизни российского общества. Особенно ярко запрос на новую реидеологизацию вывила дискуссия, вызванная президентской инициативой с поправками в Конституцию РФ в январе 2020 г., а также новый виток идейно-информационного противостояния недружественных стран Запада в отношении России, начавшийся в связи со специальной военной операцией (СВО) в феврале 2022 г. Для определения приоритетов российского процесса реидеологизации необходимо более детально проанализировать особенности влияния идеологии на общество, учитывающее фактор государственного суверенитета.

В свете диалектики связи идеологии с наукой и с механизмами обеспечения доступности содержания идеологии для широкой аудитории можно отметить, что связь общей идеологии с наукой меняется очень значительно, тогда как связь идеологии с принципом доступности, понятности для широкой аудитории являлась достаточно устойчивой. В аспекте отношения «идеология – широкая публика» идеология раскрывается по трём основаниям, отражающим социальное отношение идеологического контента с конечным получателем идеологического контента: социально-ценностное, гносеологическое и субъектно-функциональное. Философский смысл состоит в том, что идеология есть сфера диалектики социально-исторического бытия сущности общества и её явленности в сфере социального существования человека. Внешние, изменчивые проявления социального бытия фиксируются сознанием людей, а то, что лежит в основании социально-исторического бытия, массовому сознанию остаётся не известным, «остаётся спящим по ту сторону сознания»²⁵⁵. Поэтому необходим процесс, который проложил бы сознанию отдельного человека ступени из сферы существования в чертоги общественно-исторического бытия и таким образом, позволил бы про-из-водить сущностное отношение личности из потаённого присутствия в-бытии до уровня раскрытия-для индивидуального осознания. Этот процесс оснащается технологиями информационного влияния, которые на дистанции 20 - 21 века меняются достаточно активно.

²⁵⁵ Гегель Г.-В.-Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2002. 448с.

В этом плане антропологическое понимание конечных причин социальных процессов в обществе (человек как высшая ценность общества), разработанное К. Марксом и Ф. Энгельсом, даёт пример сущностно наполненного научного контента, ориентированного на его связь с массовым восприятием: «Теория становится материальной силой тогда, когда она овладевает массами» (К.Маркс²⁵⁶), (В.И. Ленин²⁵⁷). В соотношении гносеологического и субъектно-функционального аспектов марксизм переключает идеологическое влияние в формат «прагматизма»: он призывает человека не только познавать, но и изменять мир. Оба аспекта прослеживаются во всём процессе дальнейшей проработки теории исторического материализма²⁵⁸. Окончательный переход идеологии, основанной на платформенной философии исторического материализма, в прагматический режим влияния произошёл в СССР, где коммунистическая идеология государственной и стала претендовать на статус общей идеологии индустриальной страны. В свете гносеологического аспекта здесь можно наблюдать определённые колебания между границами «ложного – подлинного». Наиболее известные периоды отклонения государственного идеологического контента в сторону «ложного» были связаны с последними годами жизни В.И. Ленина, с ситуацией сталинских репрессий, с ситуацией «брежневского застоя», а возвращение советской идеологии в лоно «подлинного» – с ситуациями «преодоления культа личности Сталина», «перестройки». При этом базовая философская платформа советского исторического материализма догматически сохранялась и в идеологической ситуации «борьбы с культом личности», и в идеологической ситуации «перестройки», и в общей структуре государственной советской коммунистической идеологии.

Советский процесс государственной идеологизации конца 20 в. находился в противофазе с процессом трансформации общей идеологии Запада (реидеологизации). В гносеологическом аспекте соотношение «сущность – явление» в структуре

²⁵⁶ Маркс К. К критике гегелевской философии права. М.: Политиздат, 1957. С.57.

²⁵⁷ Ленин В.И. Что делать? М.: Политиздат, 1967. С. 57.

²⁵⁸ Маркс К. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы., 1955. с.322.

научного идеологического контента переворачивается с «ног на голову». Здесь происходит дробление самой этой диалектической связки, происходит её деконструкция в сторону «деонтологизации» и редукции к «доонтологической вселенной»²⁵⁹. В субъектно-функциональном аспекте эго-истическому индивиду остаётся доступен только створ сферы существования в повседневной среде предоставленных в наличие предметов потребления и услуг, и полностью исключается его доступ к створам его социально-исторического бытия. Деонтологизация концептуально отбирает у индивида функцию социального субъекта, так что теперь внешняя повседневная среда, ведомая «невидимой рукой», изменяет, конструирует самого индивида: «...Изменяя глубинные структуры общества, мы также изменяем людей»²⁶⁰. Акцентируя внимание на задачи изменения характера поведения человека социальной средой Э. Тоффлер отмечал: «...их поведение – это не вопрос сознательного решения относительно того, следовать или нет социальной модели, а желание поступить так, как им надлежит поступать, и в то же время удовлетворенность от того, что они поступают в соответствии с требованиями культуры»²⁶¹, «под влиянием внешнего давления на людей»²⁶². Аспект отношений «идеология – публика» трансформируется в россыпь различных форм влияния на поведение индивида, со стороны «общества», «внешних потребностей», «внутренних потребностей», «культуры» и пр. Повседневному индивиду предоставляется в-наличие дисперсная среда, состоящая из разнообразных социальных конструкторов, так что сфера общей идеологии (как отдельная сфера социальной реальности) в этой «оптике» восприятия отсутствует. Именно поэтому идеологический механизм Запада «распылен в обществе, растворен в жизнедеятельности таких элементов общества, которые сами по себе идеологическими не являются. Одним словом, его как будто бы нет совсем»²⁶³.

²⁵⁹ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. Л. Щукиной. М.: Издательский Дом «Дело». 2014. С.85.

²⁶⁰ Тоффлер Э. Третья волна. С.601-602.

²⁶¹ Там же, с. 602.

²⁶² Там же, с. 602.

²⁶³ Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003. С.321.

Философия социально-антропологического конструктивизма такова, что в её логиках социальная реальность повседневности гомогенизируется посредством практик использования «представления слов без представления вещей»²⁶⁴, представления образов без представления слов, представления вещей без представления их сущностей. Структурирующими элементами этого дисперсного и атомизирующего мира остаются физическая телесность индивида, которая оставляет некоторые ориентиры распознавания «внешнего» и «внутреннего», а также становится «полезным ископаемым» для индустрии боди-билдинга, косметической пластической хирургии. Остаются также и атрибуты государственного социального порядка, также физически размечающие габариты разрешённого пространства представленных в-наличии россыпей конструкторов допустимого правового действия. Вместе с тем, от субъектных качеств человека востребована только «субъективность», о которой А. Зиновьев писал, что эта одномерная функция «чрезмерно раздувается»²⁶⁵. Из повседневного существования исчезает дилемма «ложное – подлинное». На её место приходит «пост-правда» – совершенно новое состояние человека, которое А. Зиновьев называл «антиреализм»²⁶⁶ или «религией западнизма»²⁶⁷.

Можно заключить, что в субъектно-функциональном аспекте западная реидеологизация использует технологии влияния, которые невидимы для широкой публики, в результате создаётся впечатление, что идеологии нет, хотя в действительности она присутствует в-наличии везде. «Невидимой рукой»²⁶⁸ она влияет на деятельность различных организаций, на рынок предлагаемых ими товаров и услуг, и, особенно, на информационные технологии массовых медиа. «Западнизм» незримо предвдвывает, предопределяет, причиняет априори все, что происходит в повседневности, является способом создания социального порядка в конкретной стране. Более

²⁶⁴ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: ИД ДЕЛО, 2014. С.11.

²⁶⁵ Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003. С.286.

²⁶⁶ Там же, с.317.

²⁶⁷ Там же, с.325.

²⁶⁸ Там же, с.325.

того, рассматриваемый формат общей идеологии позволяет распространять этот режим влияния, установленной внутри одной страны, на другие страны с сохранением эффекта «невидимой руки» (поэтому «западнизм» А. Зиновьева не только национальная особенность США, но особенность всего коллективного Запада, подотчётного США). На этом примере можно заключить, что в поле отношений «идеология – широкая публика» «западнизм» действует как априорная система восприятия социальной реальности, незримо влияющая на поведение отдельного человека и сообществ людей, объединённых в конкретные страны. Проникая в структуру субъективного «я» человека, она регламентирует его поведение как в формате индивидуального действия, так и в формате действия толпы.

Первая особенность «западнизма» 20 века, как формы присутствия общей идеологии, обусловлена связью его априорного контента с философией социально-антропологического конструктивизма эпохи индустриального общества, которая содержит комплекс коллективно-образующих идей на основе понятий «индивидуальное эго», «феноменологическая редукция», «повседневность», «личный мир», «конструкт», «демократизация» и пр. Эта же платформенная философская основа объясняет такие особенности применяемых информационных технологий, как пост-правда, пограничность психических состояний, «антиреализм» и условность индивидуальной телесности, «рейтинговый менталитет», «готовые идеи» и «банализация»²⁶⁹ и др., а конечный индивидуальный получатель информации превращён в «fast thinker»²⁷⁰ (поверхностно мыслящего). Вторая особенность – «западнизм» имеет статус общей идеологии для группы стран Запада. То есть публично «западнизм» действует как единственно верная картина мира для территориально и политически централизованного вокруг США, суверенного коллективного социального сообщества западных стран. Через механизмы «мягкой силы» её смыслы утверждают в конкретных странах общественные и общепринятые внутри этого сообще-

²⁶⁹ Бурдые П. О телевидении и журналистике. / Пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Марковой. Отв.ред и предисл. Н.А. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии. 2002. – 159 с. С. 42-51.

²⁷⁰ Там же. С.44-45.

ства представления о природе внутренней солидарности (в т.ч. в контексте противостояния Запада в отношении СССР) и представления об особенностях эпохи 20 века (борьба Запада за строительство однополярного мира без СССР). При этом представления о социальном субъекте идеологического влияния замалчиваются, они вынесены «за скобки» внимания широкой публики: центр государственно обусловленного влияния скрыт за ширмой западного «общества».

Общая идеология, как система деятельности публично авторизованного государственного института, находящегося в ситуации информационного противоборства с «западнизмом», может быть рассмотрена на примере СССР, где, как показал А. Зиновьев, существует «единый и централизованный идеологический аппарат», который был создан искусственно, навязан обществу «сверху». «Он составил часть системы власти и управления. Он очевидным образом отличался от других учреждений»²⁷¹. Пример СССР высвечивает многие аспекты субъектной формы идеологической деятельности в аспекте «идеология – широкая публика». Кроме отмеченной А. Зиновьевым институциональной оформленности государственного субъекта идеологической деятельности, стоит отметить также и то, что коммунистическая идеология связана с конкретным коллективным субъектом социально-исторического процесса, с пролетариатом/ классом трудящихся. Монопольным организатором идеологической работы выступала партия трудящихся, КПСС (их «ум, честь и совесть»), а на первых этапах – её персонифицируют вожди государства (В. Ленин и И. Сталин). Были и субъекты-создатели основ идеологии коммунизма, – это классики марксизма-ленинизма. В этом аспекте субъектное качество имело персонифицированное, авторизованное, визуализированное, иконическое, портретное воплощение и, более того, включало мумифицированную телесность последнего классика и первого вождя (мавзолей В.И. Ленина). Неотъемлемым элементом субъектности была также и субъективность, через которую про-из-водятся из-потаённости бытия индивидуально-личностные сущностные свойства вождя, как социального субъекта.

²⁷¹ Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003. С.320.

При всём, казалось бы, высоком уровне обобществления всего и вся, советская общая идеология вместе с подчёркнутой субъектностью политического процесса всегда предполагала и определённую субъективность. Так, в ряде известных эпизодов официально признанной истории КПСС, – например, в ситуации Брестского мира, – ясно выделялась субъективная позиция Троцкого, Ленина и др.²⁷². Громким общепартийным событием был XX съезд КПСС, который разоблачил «культ личности» И. Сталина (критика субъективного момента деятельности «вождя всех времён и народов», который искажил чистоту идеологии партии). В период «гласности» субъективные особенности личности В.И. Ленина высвечивались новыми литературными произведениями, новыми исполнителями роли В.И. Ленина в театре и в кино (актёры Ю. Каюров, М. Ульянов, К. Лавров и др.), позже – в новой режиссуре фильма о Ленине (фильм «Телец» А. Сакурова, 2001 г.). Субъективные, индивидуальные особенности внешности, речи, поведения М.С. Горбачёва в различных ситуациях стали своеобразными приметам времени «перестройки» и опыта создания идеологии «социализма с человеческим лицом». В этом многообразии проявлений субъективного начала общей идеологии ключевым для отношения «идеология – широкая публика» является статус социального субъекта, который осуществляет государственную идеологическую деятельность в стране.

В СССР субъектное качество идеологической деятельности было реализовано в достаточно строгом разделении «субъекта» и «объекта» идеологической деятельности: институты идеологического влияния пресекали, сдерживали практики редактирования концептуальных элементов исторического материализма (случай Э.В. Ильенкова и др.) и государственного идеологического контента со стороны представителей общества. В результате коммунистическая идеология приобрела статус неприкосновенной высшей ценности, настолько высокой, что простому, рядовому «человеку труда» не дано было взглянуть на неё как на объект со-авторской деятельности. Статус недоступности, невозможности доступа простого человека к редактированию контента идеологии защищался авторитетом классиков марксизма-

²⁷² Палеев А.В. Внутрипартийная борьба по вопросу о Брестском мире в РСДРП(б) - РКП(б) : автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Нижний Новгород, 1997. 25 с.

ленинизма: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно»²⁷³. Высокий образ «учителей» всего человечества, который несли на себе классики марксизма-ленинизма, был частью границы, которая отдаляла «человека труда» от помыслов присоединения к числу со-авторов «великого учения». Эпохальный и элитарный характер редактирования контента, который отчасти сохранял связь коммунистической идеологии с актуальными обстоятельствами индустриального общества (историческая роль рабочего класса и пр.), закреплялся процедурами организации съездов КПСС, на которых в торжественной, официальной обстановке происходило принятие новых редакций программы КПСС.

Поскольку объектом идеологической деятельности СССР выступал «человек труда», постольку он понимался и действовал как субъект своей трудовой активности. «Объектность» человека фиксировала его дистанцию по отношению к истокам идеологии, отражала запрет на его участие в редактировании идеологического контента. А его «субъектность» отражала, с одной стороны, непререкаемую принадлежность к «классу трудящихся», и, с другой стороны, необходимость сознательного участия в деле построения коммунизма. Поэтому информационная готовность советского человека к деятельности строилась на сочетании профессиональных знаний и идеологических знаний об идеалах коммунизма. В гносеологическом аспекте такой механизм идеологического влияния обеспечивал примат «подлинности» знания над «ложностью», а в субъектно-функциональном – достаточно гармоничное сочетание прагматизма (профессионализм) и «идеализма» (вера в коммунизм). В частности, идеал «советского человека» предполагал, что он должен быть сознательным «строителем коммунизма» и как субъект деятельности должен реализовывать свои способности не только в узко профессиональном масштабе, но и в масштабе социально-историческом. «Сознательность» подразумевала индивидуальную осознанность, собственное волевое действие человека, который понимает и предпринимает собственные усилия для продвижения к высокой цели – к построению коммунизма.

²⁷³ Ленин В.И. Три источника, три составные части марксизма. М.: Политиздат, 1973. С. 42.

Особенность советской идеологии коммунизма, как формы присутствия общей идеологии в структуре индустриального общества 20 века, обусловлена связью его априорного контента с философией исторического материализма, которая содержит комплекс коллективно-образующих идей на основе понятий «революционная сознательность», «классовая солидарность», «коммунизм», «пролетарский интернационализм», «советский человек», «демократический централизм» и пр. Эта же платформенная философская основа объясняет такие особенности применяемых информационных технологий, как «государственная цензура», «принцип партийности», «социалистический реализм», «линия партии», «идеи марксизма-ленинизма», «гласности» и «исторического познания»²⁷⁴, а конечный индивидуальный получатель информации действует в режиме «сознательности». Вторая особенность в том, что «коммунизм» имеет статус общей идеологии для группы стран социалистического сотрудничества. То есть публично «коммунизм» действует как единственно верная картина мира для территориально и политически централизованного вокруг СССР, суверенного коллективного социального сообщества стран социализма. Через механизмы «мягкой силы» её смыслы утверждают на государственном уровне общепринятые внутри этого сообщества представления о природе внутренней солидарности (в т.ч. в контексте противостояния СССР в отношении Запада) и представления об особенностях эпохи 20 века (борьба СССР против мирового империализма). При этом представления о социальном субъекте идеологического влияния является предельно верифицированным: государство победившего социализма представлено широкой публике в качестве центра идеологической деятельности и общегосударственного идеологического влияния.

Анализ идеологии «западнизма» США и идеологии коммунизма в СССР позволяет заключить, что субъектность общей идеологии (идеологической деятельности) включает в себя: 1) волевое/ властное действие государственного социального субъекта, который может быть публично авторизован (в СССР) или скрыт завесой

²⁷⁴ Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат. 1982. - 303 с.

«невидимой руки» («западнизм» в США); единое волевое начало власти присутствует как в том, так и в другом случае и отражает присутствие фактора суверенного государства в поле действия общей идеологии; наличие единого волевого начала усиливает интенсивность работы процессов влияния в формате общей идеологии, обеспечивает их воздействие на территории государства в целом; 2) ценностную ориентацию, которая является неотъемлемым элементом суверенного идеологического контента; в системе «западнизма» система ценностей фокусируется вокруг высшей значимости индивидуально-личностного успеха в контексте повседневности, тогда как в системе идеологии советского коммунизма ценности связаны с высшей значимостью коллективного общественного (классового) успеха в построении коммунизма; 3) массовое распространение, «омассовление» идеологического контента для широкой публичной аудитории на суверенной территории конкретной страны опирается на различные механизмы социального влияния (на основе принципа партийности и цензуры, принципа «социалистического реализма» в СССР, на основе коммерческой выгоды, «рейтингового менталитета» в США), но сходные информационные технологии индустриального общества (пресса, радио, телевидение, киноиндустрия и др.), при помощи которых осуществляется упрощение идеологического контента, его адаптация к языку, понятному широкой аудитории в целом.

Анализ западного и отечественного опыта функционирования общей идеологии государства 20 в. показывает, что присутствие идеологии этого формата связано с выработкой общего априорного и стандартного для всего сообщества страны, общего для граждан страны способа восприятия окружающих человека явлений. Он разрабатывался на уровне платформенных философских систем, по-разному раскрывающих сформулированную К. Марксом и Ф. Энгельсом философскую максиму о человеке как конечной причине всех социальных процессов. В СССР и в странах социализма на основе этой максимы была разработана философия исторического материализма, в США и на Западе на основе этой же максимы была разработана философия социально-антропологического конструктивизма. И та, и другая платформенная философия отражала контекст индустриального общества, в котором

сформировались различные представления о социальных механизмах влияния общества/ государства на человека и человека на общество/ государство. За счёт связи механизмов идеологического влияния с волевой функцией государственного суверенитета, формат общей идеологии охватывает своим влиянием всё население конкретной страны или сообщества стран в целом.

В начале 21 века Запад осуществляет новую реидеологизацию, философский смысл которой нацелен на отделение априорного идеологического контента Запада от его связи с антропоцентрическим вос-приятием причинно-следственных процессов в обществе, на замену «невидимой руки» бессубъектного «общества» на анонимный разум «искусственного интеллекта» и естественного природного и культурного человека в кибер-модифицированного «гомутера» и постчеловека²⁷⁵. В этой тенденции происходит логически завершённая проработка содержания философии социально-технократического конструктивизма, которая фундирует новую, восходящую общую идеологию Запада в виде «новой перезагрузки» (К. Шваба²⁷⁶) или «иноизма»²⁷⁷. В ситуации идеологического противоборства Запада и России обостряется запрос на оснащение общей идеологии для России и на разработку собственной платформенной философии для этой идеологии. Контуры такой философии оформляются в комплексе концептуальных разработок, которые могут быть определены как философия социально-антропологического детерминизма. В поле этой философии человек и общество рассматривается в свете диалектики каждодневной и исторической деятельности, диалектики про-из-ведения сущностных начал из-по-таённости своего социально-исторического бытия и реализации своих представленных в наличии сущностных духовных и физических сил в структуре которых он осваивает: а) функционал субъекта деятельности/ мыследеятельности, а также, б) функционал объекта, функционал иных компонентов системы деятельности. Осва-

²⁷⁵ Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб: Алетейя. С.188.

²⁷⁶ Schwab Klaus, Malleret Thierry. Covid-19: The Great Reset. 2020 World Economic Forum. 2020. / URL: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_-The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf

²⁷⁷ Кутырёв В.А. Время Mortido. – СПб: Алетейя. – 336 с. С.153.

ивая эти функционалы как в-себе и для-себя данное социально-историческое, традиционное бытие на индивидуальном уровне, отдельный человек интегрируется также и в ансамбль общественных отношений, за-является в сферу деятельностного существования не только в качестве самобытной личности, но и в качестве члена социального сообщества. Поэтому качества субъекта, качества социального объекта деятельности и пр. он осваивает также и «для-другого/других». Кроме того, в аспекте самодеятельности действует рефлексивное соотношение «внутреннего» и «внешнего» мира личности, пребывание в которых обеспечивает, сохраняет целостность личности, удерживающей диалектику «я» и «мы», живущей полноценной социальной жизнью, в нераздельном единстве её сущностных моментов. В структуре деятельности человек проявляет себя в сфере существования и как личность (лидер, новатор и пр.) и как член сообщества (член семьи, член партии, член корпорации и пр.), и как персонифицированный социальный субъект (инициатор авторских идей, проектов и пр.), и как объект или иной компонент деятельности (стейкхолдер, волонтер и пр.), и как субъект своего внутреннего мира (самообразование, самовоспитание), и как субъект внешней социальной активности (участник публичной политики, спонсор и пр.). В этой структуре, на которую наводит наше внимание философия социально-антропологического детерминизма, наиболее важным является то, что человек позиционируется в качестве субъекта самодеятельности и субъекта деятельности, в диалектической взаимосвязи которых формируется и действует цельная личность человека и оформляется его имя.

Как субъект деятельности, человек действует на базе диалектики способностей и потребностей, а последние включают в себя знания (от ощущений до теорий и информационная готовность к деятельности), умения (операциональная готовность к деятельности), установки (мотивационная готовность к деятельности). «Эти три социальные ценности ... могут существовать как субъективно, как знания, умения и установки личности, так и объективно, как овеществлённое, опредмеченное, объективированное сознание общества: книги, фильмы, изопродукция, схемы, макеты,

орудия, здания и пр.»²⁷⁸. Социальный субъект действует в определенном направлении, согласно имеющейся у него готовности, которая пополняется посредством процессов «распредмечивания» объективированных форм этой готовности. Понятия «информационная готовность» и «знание» указывают на способ распредмечивания «знания» через «информацию». На основе анализа и усвоения информации человек всесторонне осваивает собственную социальную позицию в системе своей приватной или в своей публичной деятельности. В этом процессе происходит самовозрастание социальной антропомерной реальности как в аспекте социально-исторического бытия (воспроизводство традиций, традиционных ценностей), так и в аспекте её актуального существования (адаптивность к новым меняющимся обстоятельствам деятельности). Вместе с тем, человек-субъект деятельности и все остальные компоненты деятельности сохраняют свою самость, естество, свою сущностную причастность к собственному социально-историческому бытию. В этой диалектике состоит принципиальное отличие «детерминистского» понимания системы «человек – общество» от «конструктивистского»: первый подход концептуально сохраняет статус-кво «человека как традиции» (В.А. Кутырёв), сохраняет взаимосвязь социально-исторического бытия (исторической правды, исторической памяти и пр.), практик адаптации к актуальным условиям социального существования (новации, творчество, модернизация и пр.) и приоритетов исторического развития (идеалов). Второй подход, концептуально исключая из поля деятельности людей их социально-историческое бытие (блокировка традиций, исторической памяти и пр.), гипертрофирует внимание на практиках актуальных приспособлений эго-истического индивида к наличным обстоятельствам (модернизация, трансформация, инновационизм и пр.) заменяет представления о приоритетах исторического развития приоритетами индивидуального успеха в предоставленных «невидимой рукой» общества условиях.

²⁷⁸ Зеленов Л.А. Антропономия. Н.Новгород: Гладкова О.В., 2006. С.108-109.

В заключение параграфа необходимо выделить следующие основные выводы. Роль общей идеологии в современном обществе не снижается. Ключевая роль государственного суверенитета, с которым связано присутствие общей идеологии в современном обществе, объясняет высокое значение общей идеологии и её влияние на всё сообщество граждан конкретной страны. Интегральный потенциал общей идеологии состоит в том, что априорный идеологический контент предлагает не только схему восприятия причинно-следственных связей в обществе, но также и априорное видение государствообразующих ценностей общества и приоритетов его развития.

Мир идеологических практик стран Запада 20 века, — это мир, где различные групповые социально-политические идеологии либерализма, консерватизма, демократии, экологизма и др. проходили процедуры «деидеологизации» – «реидеологизации». Будучи подчиненными целям противоборства общей государственной идеологии советского коммунизма и политике социализма в СССР, продукты западной «реидеологизации – деидеологизации» оформляются в контурах платформенной философии социально-антропологического конструктивизма, которая фундирует систему общей идеологии коллективного Запада эпохи индустриального общества (систему «западнизма»).

Экспансия общей идеологии, культивированной на территории одного государства, может распространяться на другие страны в случае, если культивирующее её государство целенаправленно использует информационные технологии для воздействия на политические элиты и граждан других государств. Используемая в целях внешнеполитической экспансии, общая идеология определяется обычно понятием «мягкая сила», которое раскрывает разнообразие форм и методов информационного глобального влияния и противоборства. В этом случае государственная общая идеология становится глобальной общей идеологией, с помощью которой происходит интеграция сообщества государств в единую систему геополитического влияния. Поэтому в свете представленного понятия «общая идеология» в структуре «мягкой силы» также можно выделить субъекта идеологической деятельности (авторизованного или скрытого завесой «невидимой руки»), априорный идеологический контент,

технологии массового распространения идеологически выверенной информации, конечного получателя информационного потока и его реакцию на полученные сведения.

Действие общей идеологии в формах «мягкой силы» является неотъемлемой составляющей активности центров геополитического влияния, образующих систему глобальной многополярности. «Западнизм» конца 20 века является примером глобальной общей идеологии и геополитического влияния, построенного на платформенной философии социально-антропологического конструктивизма индустриального общества, центром которого являлись США. «Новая перезагрузка» (К. Шваба) является примером новой общей идеологии Запада, которая не принимает статуса «государственной» и с самого начала представляется в статусе «глобальной» и распространяемой с помощью «мягкой силы». Новый априорный контент этой общей идеологии опирается на платформенную философию социально-технократического конструктивизма эпохи глобального информационного общества, центром которого также являются США.

Государственная общая идеология СССР, построенная на основах исторического материализма, позволила стране установить своеобразный паритет «мягкой силы» в ситуации информационного противоборства с Западом в 20 веке. Глобализация общей идеологии СССР стала основой идеологической интеграции сообщества стран социалистического содружества, что было неотъемлемой частью функционирования СССР в качестве центра геополитического влияния в структуре многополярности 20 века. В начале 21 века информационное противоборство Запада с Россией продолжается в новом контексте, - в контексте информационного общества и региональной военной конфронтации (СВО). Особенность ситуации в том, что на фоне перехода Запада с позиций «западнизма» на позиции новой общей идеологии «перезагрузки», Россия характеризуется отсутствием собственной общей государственной идеологии, отвечающей на вызовы информационного общества. Это обстоятельство ослабляет позиции России в поле информационного противоборства с Западом, является источником диспаритета «мягкой силы» в отношениях «Запад – Россия», а также лишает Россию возможности формирования собственного поля

идеологической интеграции стран содружества России (ЕАЭС, БРИКС, мировое большинство), ослабляет её статус как самостоятельного центра геополитического влияния в современном многополярном мире.

2.2. Идеология в мире технологий информационного влияния

Влияние общей идеологии на современную социальную реальность 21 века невозможно представить вне связи с информационными и цифровыми технологиями. Однако то, что информационные технологии могут действовать в режиме, раскрывающем связь сообществ людей с сущностными началами их социально-исторического бытия и в режиме, блокирующем эту связь, существенно усложняет всю картину форм влияния общей идеологии на социальную реальность. Кроме того, как было показано в первой главе, априорный контент самих общих идеологий может быть ориентирован преимущественно либо на обеспечение интегративного эффекта в государстве (или в международном сообществе), либо преимущественно на обеспечение эффектов социальной дезинтеграции во всех её проявлениях. Сочетание дилеммы информационных технологий (раскрывает или блокирует связь с сущностными началами бытия человека и общества), дилеммы априорного контента общей идеологии (обеспечивает интегративность или дезинтеграцию) с двумя моделями идеологического действия (модель «невидимой руки» и субъектная модель) создает четыре поля дескриптивных пересечений: 1) в режиме «невидимой руки», идеология может использовать информационные технологии для обеспечения той или иной меры раскрытия связи человека с сущностными началами его социально-исторического бытия, при этом создаётся априорный контент общей идеологии, массовое распространение которого формирует идейно-информационную структуру (бес-субъектной или субъектно-определённой) интеграции отдельного человека в государствообразующее сообщество страны; 2) как «невидимая рука», общая идеология может использовать информационные технологии для достижения той или иной меры блокирования связи сферы коллективного социального существования людей с сущностными основаниями их социально-исторического бытия, при этом созда-

ётся априорный контент общей идеологии, массовое распространение которого формирует идейно-информационные основания (бессубъектной или субъектно-определённой) интеграции отдельного человека в государствообразующее сообщество страны; 3) в режиме субъектно-авторизованной деятельности, общая идеология может использовать информационные технологии для обеспечения той или иной меры раскрытия связи человека с сущностными началами его социально-исторического бытия, при этом создаётся априорный контент общей идеологии, массовое распространение которого формирует идейно-информационные основания духовной (бессубъектной или субъектно-определённой) интеграции отдельного человека в государствообразующее сообщество страны; 4) как субъектно-авторизованная деятельность, общая идеология может использовать информационные технологии для достижения той или иной меры блокирования связи сферы коллективного социального существования людей с сущностными основаниями их социально-исторического бытия, при этом создаётся априорный контент общей идеологии, массовое распространение которого формирует идейно-информационные основания (бессубъектной или субъектно-определённой) интеграции отдельного человека в государствообразующее сообщество страны.

Названные поля отражают сущностные модификации социальной роли информационных технологий в их взаимосвязи с априорным контентом общей идеологии. С их помощью появляется возможность целостно определять, описывать общую идеологию в различных режимах её влияния на социальную реальность информационного общества. Каждое дискриптивное поле описывает специфический режим государственной информационно-идеологической активности, а взятые в совокупности, дескриптивные поля дают интегральное видение механизмов идеологического влияния на общество, характерное для формата общей идеологии.

В первом поле речь идёт о режиме бессубъектной системе действия общей идеологии, априорный идеологический контент и формы идейно-информационно массового распространения которого могут быть ориентированы на бессубъектную форму интеграции индивида в систему государственно-образующего сообщества,

что характерно для общей идеологии «западнизма». В эпоху индустриального общества эта система идеологической деятельности культивирует хаотичную и массовую активность эгоистического начала, склонности человека к принятию экстремальных и даже экстремистских решений на основе собственных индивидуальных и скоротечных предпочтений, в том числе вопреки здравому смыслу, соображениям традиций морали, обычаев, правил коллективной идентичности. Система действует по лекалам, которые описаны в терминологии «общества потребления», которому свойственно «никем не управляемое» массовое потребление товаров и услуг, формирование соответствующей системы ценностей. Система характеризуется массовым манипулированием в структуре рекламно-информационных влияний и формированием соответствующей иерархии ценностей, на вершине которой, с одной стороны, личный финансовый успех, личная карьера, а, с другой стороны, перманентный выбор, покупка и регулярное обновление вещей и собственного облика. Индивидуальное потребление и индивидуальный успех – это пристанище «субъективности» в бессубъектном мире эго-истических индивидов. Манипулирование рынками товаров и услуг выводят на первый план не функциональные качества товара или человеческие качества индивида, но престижность обладания товаром или обладания коммерчески выгодным влиянием на других людей.

Связь общества индивидуального коммерческого успеха с режимом раскрытия с социально-историческим бытием в социальном существовании предполагает, что сами информационно-рекламные технологии выводят в видимую повседневную сферу существования индивидов расплывчатые фрагменты образов, идей, ценностей, используемых для побуждения к покупке, но при этом их целостное восприятие остаётся недоступным для аудитории. Это характерно для западного общества индустриальной эпохи, где действует механизм скрытой идеологической деятельности, где скрытый за ширмой «невидимой руки» социальный субъект в процессе идеологической деятельности распыляет эти фрагментированные образы, идеи и ценности в формах «массовой информации», именно это характерно для «запад-

низма» (по А. Зиновьеву). Этот эффект усиливается информационными стратегиями, выраженными формулой «Повторение + Проникновение = Воздействие»²⁷⁹. В 1980-х гг. состояние западных СМИ характеризовалось такими явлениями, как «банализация», «fast thinking» (поверхностное мышление), «рейтинговый менталитет» и пр., которые вели к однообразию информационного пространства²⁸⁰.

Классики марксизма применительно к самому началу эпохи индустриального общества делали акцент на скрытной идеологической деятельности «буржуазии». «Там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), - писал В.И. Ленин, - там Маркс вскрыл *отношение между людьми*»²⁸¹. Теория марксизма рассматривалась как срывание всех и всяческих масок, скрывающих от трудящихся истинное лицо властителей мира. Применительно к развитому состоянию индустриального общества 20 века А. Зиновьев называл невидимого социального субъекта Запада «сверхвластью»²⁸².

В этом режиме активности общая идеология продвигает априорный контент, который предлагает смену образа и смысла существования человека с «быть» на «иметь», которая как нельзя лучше соответствует запросу общества потребления второй половины 20 века. Интегративная сила стремления человека «быть», состояться в обществе во всей полноте своих индивидуальных сущностных сил, в гармоническом единстве каждодневного и исторического поступка, в гармоническом ладе отношений традиций и новаций – все эти идеи исчезают из априорного контента общей идеологии «западнизма», фокусируя внимание массы потребителей на предметно-материальных приоритетах общества всеобщего потребления. Таким образом, априорный контент общей идеологии «западнизма» и технологии его массового распространения которого формирует идейно-информационные основания для бес-субъектной интеграции отдельного человека в государствообразующие сообщества

²⁷⁹ Дахин А.В. Парниковый эффект -2. Антропологический след рекламно-информационной мегамашины // Свободная мысль – XXI. 2003. № 9. С.75-76.

²⁸⁰ Бурдые, П. О телевидении и журналистике. М.: ФНИ «Прагматика культуры» ИЭС, 2002. С.37-38.

²⁸¹ Ленин В.И. Три источника, три составные части марксизма. М.: Политиздат, 1973. С. 45.

²⁸² Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003. С.493.

стран Запада: идеология в том, что люди интегрируются в однородную массу эгоистических искателей личного карьерного успеха и покупателей в магазине, сводя всё многообразие социальных отношений к принципу «каждый против каждого». «Равенство», «братство», «справедливость», «человек» и пр. – всё интерпретируется применительно к узкому регистру отношений. Весь остальной спектр живых социальных отношений в априорном контенте этой общей идеологии обесценивается, а рекламно-информационное влияние обеспечивает деградацию, распад, дезинтеграцию этих отношений по всему пространству присутствия. Соответствующие этому дескриптивному описанию партийно-политические идеологии характерны для либеральных политических акторов второй половины 20 - начала 21 века.

Во втором дескриптивном поле речь также идёт о режиме «невидимой руки», в котором общая идеология действует в информационном обществе 21 века. При этом её активность сочетается с режимом информационных технологий влияния, которые блокирует связь социального существования человека с основами его социально-исторического бытия. Это в чистом виде ситуация «аутопойэзиса» (термин Н. Лумана²⁸³), под влиянием которого повседневный индивид, незаметно для себя переносит приоритеты своего внимания с традиционной социальной реальности в сферу информационной, виртуальной реальности. Здесь ему предоставляется в наличии море цифровых симуляторов, визуально подделанных под популярные фрагменты культуры и нацеленных не только на удовлетворение гипертрофированной «информационной» потребности, но и на интерес индивида к получению цифрового социального статуса в качестве обладателя наибольшего числа «лайков», «бонусов» и пр. В результате воплощается восприятие, когда «сила и живость» впечатления от мира цифровых симуляторов становятся более интенсивными, чем от мира традиционной социальной реальности. Технологии виртуализации традиционной социальной реальности порождают эффект «антиреализма» (А. Зиновьев) и «фейк-ньюз», который базируется на визуальной вере: нарисованная картинка

²⁸³ Луман Н. Общество как социальная система. 2011. С. 85.

настолько заряжена «силой и живостью», что воспринимается убедительнее физически невзрачной, рутинной, повседневной традиционной реальности пейзажа за окном. Цифровая, дополненная «реальность», кажется реальнее жизни. Подстраиваясь под неё, индивид тоже кажется себе более реальным. Цифровые технологии многократно усилили тенденцию «сползания *иметь* в *казаться*»²⁸⁴, предложив повседневному индивиду цифровые возможности *казаться кем угодно*. А информационные коммуникационные технологии, – социальные сети и цифровые вселенные, – возможности *казаться кому угодно*. Новый рубеж пройден с момента, когда кибер-чип вживлён в мозг человека (пока в соответствии с медицинскими показаниями, в качестве «протеза»). Дальнейшее развитие этого направления цифровизации зависит от того, какая общая идеология будет действовать в стране: если общая идеология будет утверждать идеи отказа от сохранения связи сферы существования человека от сферы его социально-исторического бытия, то перспектива развития технологий чипирования человека произведёт очередную, последнюю «деквалификацию индивида»²⁸⁵, приведёт его в эпоху смерти («*mortido*»²⁸⁶).

Работая в режиме блокировки связи с бытием, информационная технология преобразуется в форму цифровой социальной коммуникации, в которой культивируется социальное реагирование людей на самые различные «аватары» и «мемы», но уже не происходит никакого реагирования на самих людей, запускающих эти потоки «аватаров», «лайков» и др. «симулякров»²⁸⁷. Информационные потоки генерируются по принципу «представления слов без представления вещей»²⁸⁸: они представляют визуальные «аватары» явлений без представления сущностей. Источник информации обезличен. Новые кумиры цифровой толпы – «блогеры», «инфлюенсоры», «лайкеры», которые разгоняют первичные потоки информационных сурога-

²⁸⁴ Дебор, Г. Общество спектакля. М.: Логос (Радек), 2000. С.26.

²⁸⁵ Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность// ТННЕСИС. 1994. № 5. С. 130-131,134.

²⁸⁶ Кутырёв В.А. Время Mortido. СПб: Алетейя. 2012. – 336 с. (Тела мысли) С. 148.

²⁸⁷ Бодрийар, Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библиоман – Русская книга, 2003. С.13-14.

²⁸⁸ Жижек, С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: ИД ДЕЛО, 2014. С.11.

тов, перемешивают, интерпретируют их, перенаправляют их в адрес наиболее восприимчивых «фоловеров» (последователей). Сетевые цифровые коммуникаторы являются распределителем и главным инструментом распространения идеологически выверенной информации по тем или иным событиям, которым характерны «бессодержательность, аморализм, проповедь разврата и пр.»²⁸⁹ С появлением социальных сетей вместо эпизодического обращения к старым СМИ индивид переходит в режим, когда он почти круглосуточно «сидит в сети»; «...маленькие» люди ведут интересную и социально насыщенную жизнь. В реальности же их жизнь есть мещанская скука и столь же унылая работа по обеспечению этой скуки»²⁹⁰. Массовое «лайкерство» и «инфлюерство» становится специфической ценностью, в погоне за которой повседневный индивид перебирает множество других ценностей в поиске той, на которую может «клюнуть» интернет-толпа. Весь этот комплекс коммуникаций образует реальное информационное общество, которое, как показал проф. А.В. Дахин, реализует «принципы агностицистского проекта Д. Юма», разбивает элементы культуры, отделяет информационные/ цифровые «эффекты» от «первичных артефактов»²⁹¹. Одновременно, на место традиционного, идущего от И.Канта понимания «трансцендентного», приходит новое транс-цендентное IT-приложение для индивида, – это «искусственный интеллект». Так складывается мегамашина сетевого коммуникационного «аутопойезиса», точечное появление в которой «автора» (как субъекта текста), говорящего о сущности вещей, по умолчанию превращается в симулятор, мыследеятельность перехватывается подключением чипированного мозга к «генеративному предварительно обученному трансформеру» (чат GPT), а традиционная личность человека превращается в изгоя интернет-толпы, вытесняется в зоны молчания, маргинализируется.

В целом можно заключить, что в этом дескриптивном поле общая идеология реализует свой априорный контент под знаком преобразования «иметь» в «казаться»

²⁸⁹ Зиновьев, А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003. С.319.

²⁹⁰ Зиновьев, А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003. С.218.

²⁹¹ Дахин, А.В. Парниковый эффект -2. Антропологический след рекламно-информационной мегамшины // Свободная мысль – XXI. 2003. № 9. С.80-81.

(Ги Дебор), под знаком создания единой цифровой сети, охватывающей всё государственное сообщество/ сообщество нескольких государств. В ней по единым алгоритмам влияния происходит «дробление», атомизация, дезинтеграция живых социальных отношений и замена их цифровыми. Подходящие под это дескриптивное описание идеологические системы характерны для нео-либеральных партийно-политических идеологий начала 21 века, а более интегрально эта перспектива представлена в «новой перезагрузке» К. Шваба²⁹², которая претендует на статус общей идеологии информационного общества 21 века.

В третьем дескриптивном поле речь идёт о режиме активности общей идеологии как субъектно авторизованной деятельности государства и институтов гражданского общества, где она сочетается с режимом технологий влияния, которые способствуют раскрытию сущностных оснований социально-исторического бытия в конкретных формах социального существования людей конкретной страны. Общая идеология может иметь статус государственной, а может и не иметь его, но в любом случае её субъектная авторизованность сохраняется. Государственный статус общей идеологии привносит в систему её деятельности элементы государственной нормативности, обязательности, государственного контроля и принуждения. Авторизованная в статусе негосударственного социального субъекта (научной организации, интеллектуального клуба и пр.) общая идеология имеет в своём строении и априорный контент (теоретически фундированный соответствующей платформенной философской системой), и механизмы распространения идеологически выверенного идейно-информационного контента, и формирует эффект интеграции отдельного человека в государствообразующее сообщество страны. Но всё это осуществляется на «естественной», добро-вольной основе. Соответственно, данное дескриптивное поле охватывает весь диапазон субъектно-авторизованного присутствия общей идеологии, лежащий в системе отношений «государство – гражданское общество». Он фокусирует внимание не только на содержании априорного идеологического

²⁹² Schwab Klaus, Malleret Thierry. Covid-19: The Great Reset. 2020 World Economic Forum. 2020. / URL: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_-The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf

контента или на фундирующей его теоретической системе представлений о социальной реальности, но и на диалектике взаимосвязи государственного и негосударственного статуса общей идеологии. В этом дескриптивном поле априорный контент общей идеологии существует в форме «знания», обеспечивающего информационную готовность социального субъекта к идеологической деятельности (государственного или/и негосударственного), а также в форме «популярного знания» (научно-популярного), предназначенного для массового распространения в обществе для получения необходимого интеграционного результата в стране. Массовый идеологический контент популяризируется, адаптируется под диапазон понимающего восприятия широкой аудитории, при этом он сохраняет статус «знания», отражающего достижения актуальной науки.

В это дескриптивное поле не попадает пример советской общей идеологии коммунизма, поскольку система идеологической деятельности, априорный контент общей идеологии и фундировавшая её философия исторического материализма утверждали исключительное, монопольное право государства быть субъектом общей идеологии в СССР. В результате общая идеология советского коммунизма не смогла ответить на вызовы эпохи индустриализации 21 в. и осталась позади современных процессов информационного противоборства.

Данное дескриптивное поле является наиболее адекватным для уточнения вопросов о режиме современной общей идеологии для России и о государственной идеологической деятельности в России. Во-первых, в контексте вызова общей идеологии Запада, на стороне которого действует и идеология «западнизма» и идеология «новой перезагрузки», можно заключить, что Россия нуждается в собственной общей идеологии. Во-вторых, в свете приверженности отечественной традиции последнего столетия, общая идеология должна действовать в режиме субъектно авторизованной идеологической деятельности. В этом аспекте дополнительного изучения требует вопрос о соотношении роли государства и негосударственных участников в обеспечении этого режима идеологической деятельности. В-третьих, необходимо оснащение этой идеологической деятельности механизмами (технологиями) массового распространения идеологически выверенного идейно-информационного

контента, с учётом особенностей механизмов государственного и негосударственного влияния в информационном обществе 21 века. Открытость идеологической деятельности в сторону интегративных механизмов публичной рефлексии предоставляет в-наличие возможность включения в эту деятельность различных форматов социального диалога, в т.ч. диалога мировоззрений²⁹³. Следовательно, как основание интегративного влияния информационных технологий на социальную реальность общая идеология, взятая в этом режиме действия, предполагает возможность включения технологий коллективной познавательной деятельности в качестве неотъемлемой части общегосударственной идеологии, а также предполагает возможность включать онтологически фундированное мировоззренческое знание в качестве обязательного источника при формировании, обновлении основного априорного контента. Подходящих под это дескриптивное описание идеологических систем в современном мире нет, но это перспектива, к которой может двигаться современная Россия как государство демократии²⁹⁴, идущее по приоритетам социального государства²⁹⁵.

В четвёртом дескриптивном поле речь идёт о режиме активности общей идеологии как субъектно авторизованной деятельности государства и только государства, когда она сочетается с режимом технологий информационного влияния, предполагающих массовую активность людей («творчество масс»), но блокирующих их самостоятельную связь массового социального существования с их социально-историческим бытием. Это соответствует принципу «партийности» в организации идейно-информационного влияния на большие массы людей, на массовое сознание, которое представляет гражданам набор обязательных идей, ценностных, оценочных утверждений. На примере СССР, который соответствует этому дескриптивному

²⁹³ Дахин А.В. Мировоззренческая связь поколений и социальных страт: новые рамки философского диалога. Н.Новгород: ВВАГС, 2011. С.475-479.

²⁹⁴ Дахин А.В. «Индустриализация власти»: российский политический транзит в социально-технологическом измерении. 2019. Том 15. № 4. 472-473.

²⁹⁵ Дахин А.В. Идея социального и светского государства: феноменология конституирования в России. // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1(45). 2019. С.274-278.

полю, можно видеть, что основная особенность сводится к монополю государственному культивированию «коммунистической сознательности» в восприятии человеком централизованно предложенного общегосударственного идеологического контента. Эта практика получила название «советской пропаганды», которая делала ставку на одномерную «коммунистическую сознательность», исключавшую все иные формы индивидуальной и коллективной рефлексии (православной, исламской, иных религиозных мировоззренческих систем, социал-демократических). Советская пропаганда предполагала, что, получая предоставленный в-наличие идейный контент, «советский человек» распредмечивает его содержание и самостоятельно становится рядовым «строителем коммунизма». В виде исключения «сознательность» предполагала отдельные эпизоды индивидуализированного отношения к предоставляемому идеологическому контенту. Примером могут служить эпизоды полемики вокруг вопроса о Брестском мире, о начале революции в 1917 г., эпизоды борьбы с различными «уклонами» (троцкисты и пр.), с культом личности Сталина (критика сталинизма), эпизод «гласности» периода «перестройки» (критика периода «застоя»). Нацеленность советской идеологии на то, чтобы каждый гражданин стал сознательным участником исторического движения к коммунизму, содержала идею формирования «сознательности», которая способствовала бы личному включению человека в общее дело реализации программ КПСС и пятилетних государственных планов социально-экономического развития страны. Блокировочный характер информационных технологий влияния советской идеологии проявлялся в том, что кроме функции «строителя коммунизма» никакие иные формы реализации существенных сил человека, иные формы его связи с историей страны оставались недоступными и запрещёнными (связь с религиозными традициями, память о героях Первой мировой войны, почитание памяти лиц царской династии и пр.). Конечной целью действия режима государственной общей идеологии является массовая идейно-информационная интеграция отдельного «человека труда» в государствообразующее сообщество Советского Союза (в «советский народ»). Подходящие под это дескриптивное описание идеологические системы характерны для современных государств

с сильными централизованными институтами обеспечения государственного суверенитета (Китай, КНДР, Туркменистан при С.А. Ниязове).

Использование четырёх дескриптивных полей для анализа общей идеологии как формы организации социального функционирования информационных технологий влияния на социальную реальность, позволяет выявить четыре режима информационно-идеологической деятельности и определить, в каком из них общая идеология наиболее полно способствует интеграции сущностных сил человека в социальную систему суверенного государства.

1. Режим «потребительского эмпиризма» предполагает, что субъектная функция центров власти скрыта за пологом «невидимой руки» рынка идейного плюрализма, остаётся за горизонтом рефлексии больших масс людей, которые получают в-наличие только россыпи бесконечно чередующихся банализированных потребительских конструкторов эмпирической повседневности. Режим «потребительского эмпиризма» генерирует первичные информационные потоки общей идеологии, которые создают системную, плотно окружающую человека внешнюю эмпирическую товарно-информационную среду и при этом раскрепощают, стимулируют предоставляют для про-из-ведения из потаённости эго-истических интересов, желаний, устремлений и пр. и возможность «аутопойезисного», бессубъектного, следования с ними за калейдоскопом товарных потоков, эмпирической публичной потребительской статистики, ежедневно меняющей повседневную информированность о состоянии рынков труда, ценных бумаг, цен на энергоносители и пр. В этом режиме складывается общая идеология отношений «каждый против каждого», которая работает в качестве основания идейно-информационных механизмов интеграции отдельного индивида в систему государствообразующего сообщества стран Запада. В результате общество входит в состояние аномии, в океане которой уже не возможны формы солидарного «большинства», но возможны только агрессивные временные меньшинства, ситуативно возникающие и ситуативно распадающиеся на всплесках потребительского бума, будь то товарного, политического, экологического и пр.

2. Режим «плутовства»²⁹⁶, предполагает, что субъектные центры власти скрыты за сетью активности обезличенных, анонимизированных социальных цифровых коммуникаций (как, например, система «Мета» М. Цукерберга, признанная в России экстремистской организацией), по которым разгоняются потоки повседневной информационно-цифровой среды симуляторов и «лайков», генерируемых и поставляемых напрямую из повседневности «блогеров», «инфлюенсоров», «лайкеров» и ботов. Актуальная тенденция этого режима действия общей идеологии ведёт к замене скрытого, анонимного человека на открыто замещающий его анонимный «искусственный интеллект». Своей плотной динамикой цифровые потоки образуют структуры IT-аутопойезиса, в ритм которого втягивается индивидуальная повседневность больших масс людей, уходящих в новую, цифровую транс-цендентность. Это происходит как посредством визуально-чувственного подключения к 3D - 4D IT-сферам, это может происходить и посредством хирургического вживления киберсистем в тело, в мозг человека. В результате человек теряет границу между традиционной телесной и цифровой социальной реальностью, между живыми социальными отношениями и цифровыми сетевыми связями. В формате действия режима «плутовства» формируется пространство информационно-виртуальной социальной реальности, где социальные субъекты невидимы (тотальная анонимность), виртуальные IT-образы (игры, кино и пр.), «симуляторы» и «информация» заменяют «знания», а коллективная мыследеятельность редуцируется к алгоритмам «агностицистского проекта», доведённого до своего метафизического предела: вместо человека «мыслить» и «знать» начинает «искусственный интеллект». Характер применяемых информационных технологий (глобальная цифровая среда, «искусственный интеллект», чат GPT и пр.), которые абсолютизируют цифровые коммуникации, отделяют их от живых социальных отношений, которые дискриминируются в сочетании с

²⁹⁶ Для наименования этого режима использовано название фильма «Плутовство или хвост виляет собакой» (США, 1997 г.), в котором в формате визуального искусства раскрыты механизмы идейно-информационных манипуляций, соответствующих этому режиму работы информационных технологий.

«бессубъектностью» идеологической активности (скрытое тотальное цифровое слежение) допускают только такой априорный контент общей идеологии, который обеспечивает дезинтеграцию живой антропомерной социальной реальности и в перспективе ведёт к её замещению на виртуальную IT-интеграцию отдельного человека в цифровое государствообразующее сообщество государство «пост-демократии» (кибер-государство²⁹⁷). В тенденции механизмы влияния на живую антропомерную социальную реальность полностью блокируется, переключаются в сеть цифровых коммуникаций, вне которой «успех», «благополучие», «почёт», «жизнь» невозможны.

3. «Партисипаторный» режим предполагает, что общая идеология осуществляется вполне конкретным социальным субъектом, использующим в качестве механизмов влияния конкретные социальные институты. Субъектом этого режима идеологической деятельности может быть как государство, так и негосударственный актор, и партисипаторный режим общей идеологии предполагает, что обе институции в той или иной мере действуют в качестве авторизованного субъекта идеологической деятельности, так что общая идеология действует как в статусе государственной идеологии, так и в статусе негосударственной, но также всеохватной по своему влиянию, идеологии. В партисипаторном режиме информационно-идеологическая деятельность предполагает направленность всей информационной системы на познавательное раскрытие социально-исторического бытия общества/ страны для определения, уточнения, продвижения коллективных идеалов, целей, приоритетов как в аспектах каждодневной жизни людей, так и в аспектах исторического развития. В «партисипаторном» режиме общая идеология и идейно-информационные механизмы влияния создают широкие возможности для сохранения живой связи априорного контента общей идеологии с культурно-историческими основаниями бытия, с каждодневными и социально-историческими целями социального развития. В результате вся система идеологической деятельности в «партисипаторном» режиме

²⁹⁷ Перспектива кибер-государства описана в работе: Дахин А.В. Политические эпохи на шкале исторического времени: переосмысление привычных концепций. // Политическая концептология. 2022. № 2 (апрель- июнь). С.14-31.

обеспечивает комплексную интеграцию отдельного человека в государствообразующее сообщество страны, где он имеет возможность действовать в качестве субъекта общественной, идеологической, профессиональной деятельности.

4. Режим «пропаганды» предполагает, присутствие конкретного социального субъекта идеологической деятельности функция которого монополюльно принадлежит только государству. Информационные технологии имеют статус государственных, они обеспечивают доставку идеологически выверенной государственной информации до больших масс людей. Основная особенность состоит в том, что обязательным фактором механизма идеологического влияния должна быть индивидуальная «сознательность», то есть сознательное лояльное отношение каждого отдельного человека к предоставленной в-наличие государственной идеологической информации. Доверительное усвоение этой информации обеспечивает на индивидуальном уровне её переработку в «знание», в готовность к деятельности в русле определённых централизованно установленных государственных целей. При этом автономная коллективная сознательность (негосударственная коллективная мыследеятельность), негосударственные практики, обеспечивающие рефлексивную связь априорного идеологического контента и фундирующей его философию с движением оснований социально-исторического бытия, негосударственные практики уточнения, редактирования, дополнения содержания идеологического контента блокируется. Это приводит к догматизации априорного контента общей идеологии, к отчуждению, «отставанию» его содержания от живой социальной реальности и её вызовов. В режиме «пропаганды» потенциал общей идеологии действует в качестве основы интеграции человека в систему государствообразующего сообщества страны, особенность которого в том, что интеграция осуществляется на жёстко ограниченной основе лояльности по отношению к предоставленному в наличие государственному идеологическому контенту. Выход «сознательности» человека за пределы, установленного государством разрешённого идеологического коридора, вызывает реакцию государства, которое оказывает принуждающее воздействие для возвращения в рамки установленного государством социально-идеологического порядка.

Взятые все вместе, названные режимы функционирования общей идеологии позволяют с единых теоретико-методологических оснований, целостно исследовать характеристики идеологических систем, действующих в формате общей идеологии, использовать модели четырёх режимов информационно-идеологической активности для более точного выявления особенностей действия общей идеологии разных стран, а также анализировать идеологическую ситуацию в России. В частности, система коммунистической идеологии в СССР соответствует «пропагандистскому» режиму действия общей идеологии. Он распространялся в статусе исключительно государственной идеологии как для интеграции государствообразующего сообщества внутри СССР, так и для международной интеграции стран социалистического содружества. Во внутренней политике коммунистическая идеология утверждала «классовый подход» к определению установленных границ государственно-идеологической лояльности. В соответствии с ним базовыми критериями такой лояльности были отказ от частной собственности и принятие идей коммунизма. Поэтому граница государственно-идеологической лояльности обладала определённой «открытостью»: она допускала принятие в структуру государствообразующего сообщества (советского народа) раскаявшихся «классовых врагов». Одна из проблем, которую высвечивает отечественный опыт этого режима действия общей идеологии, - проблема догматизации философии исторического материализма, существование которой привело к исключению системы общей идеологии из числа тех элементов, в отношении которых установлена правопреемственность современной России. Нацизм, как общая идеология в Германии начала 20 в., также соответствует режиму «пропаганды» с теми существенными отличиями, что априорный идеологический контент фундирован человеконенавистнической философией абсолютного национального превосходства арийской расы над всеми иными народами, что расовая основа утверждена в качестве основного критерия идеологической лояльности государству и фюреру, а также с той спецификой, что люди, остающиеся за пределом расовой лояльности, интегрируются не в структуру государствообразующего сообщества Германии, а рассматриваются как материальное полезное ископаемое, лишённое прав человека и полученное в исключительное распоряжение германского государства.

Идеологическая система «западнизма» второй половины 20 века соответствует режиму «потребительского эмпиризма». В этом режиме «западнизм» действует и как система внутривластной интеграции государствообразующего общества в США, так и как трансграничная «мягкая сила», обеспечивающая международную интеграцию стран Запада вокруг США. Новая общая идеология Запада начала 21 века, идеи которой представлены в «новой перезагрузке» К. Шваба²⁹⁸, соответствует режиму «плутовства», который сохраняет закрытость субъектов власти (это отражает и понятие «глубинное государство»/«deep state», характеризующее высокий уровень закрытости центров власти в США)²⁹⁹ с тенденцией полной замены «человека», как конечного источника влияния на социальную реальность, на «искусственный интеллект».

В свете представленной системы режимов информационно-идеологического влияния на социальную реальность, появляется возможность проведения более точного сравнительного анализа базовых оснований действия различных идеологических систем и более точного определения их возможных перспектив. Например, противопоставление общей идеологии Запада («западнизма») и общей идеологии СССР (коммунизма) является наиболее широко распространённым. Так, Э. Тоффлер объясняет сходства и различия с помощью идеи о «суперидеологии», которая лежит в основе идеологии советского «тоталитарного режима» и западной «либеральной демократии». Э. Тоффлер подчёркивал, что сторонники обеих идеологий «проповедовали превосходство индустриализма», «были страстными поборниками индустриальности»³⁰⁰. Данное «сходство» представляется довольно поверхностным, поскольку указывает лишь на одновременность их существования на шкале истории (индустриальная фаза развития общества). Сущностное сравнение, на наш взгляд,

²⁹⁸ Schwab Klaus, Malleret Thierry. Covid-19: The Great Reset. 2020 World Economic Forum. 2020. / URL: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_-The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf

²⁹⁹ Кейси Дуг. О глубинном государстве (Deep State) США. 21.10.2015. / URL: <https://marc-aureli.livejournal.com/245650.html>

³⁰⁰ Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С.176.

состоит в том, что общая идеология западного общества и общая идеология советского общества использовали для влияния на общество разные режимы организации идеологической деятельности: разные системы философского фундирования априорного идеологического контента (у «западнизма» - это философия социально-антропологического конструктивизма, у «коммунизма» - это советский исторический материализм), разное качество субъектной открытости общегосударственной идеологической деятельности (в одном случае – это политические элиты стран Запада, скрывающие своё субъектное участие за ширмой «невидимой руки» политического рынка, в другом случае – это класс, партия и государство пролетариата, открыто устанавливающая режим своей государственной идеологической деятельности в качестве её субъекта), разные принципы интеграции отдельного человека в систему государствообразующего сообщества (принцип «каждый против каждого» в системе «западнизма», принцип «пролетарской солидарности» / «солидарности трудящихся» в системе советской идеологии).

Наше исследование позволяет уточнить сравнительные характеристики, что значимо с точки зрения определения идейных ресурсов, которые могут быть использованы в рамках дискуссии о состоянии идеологии и перспективах идеологической деятельности в современной России. Как в случае с «западнизмом», так и в случае с советским «коммунизмом», мы имеем дело с ущербной, «травмированной» диалектикой отношений субъектности и бессубъектности, знания и информации, а в конечном смысле – с «травмированной» диалектикой социального бытия и социального существования. Коммунистическая идеология ущербна в том, что обесценивала потребности индивидуального каждодневного социального существования человека в пользу гипертрофированного значения принадлежности к социально-историческому движению к коммунизму, к выполнению исторической миссии «строителя коммунизма». Идеология «западнизма» доходит до почти полного игнорирования связи человека с традициями социально-культурного телесного и духовного исторического бытия в пользу гипертрофированной значимости индивидуальных повседневных интересов, потребления, омассовления человека в интернет-толпе. По-

этому фундаментальная идеологическая альтернатива и «западнизму», и «коммунизму», в которой нуждается современная Россия, – это новая идеологическая система, которая своими технологиями идейно-информационного влияния восстанавливает полноценную диалектику всех базовых элементов отношений социально-исторического бытия и каждодневного социального существования человека и его социума. Механизм действия общей идеологии, соответствующий режиму «плутовства», не может рассматриваться в качестве перспективного приоритета для современной России, поскольку он продвигает идеи перевода всей системы организации социального бытия и социального существования с человеко-мерных оснований на основания кибер-мерности, предлагает идеологию «иноизма» (В.А. Кутырёв), исключаящую традиционного живого человека из числа высших ценностей современного «информационного общества».

Для современной России противостояние влиянию общей идеологии Запада является актуальной задачей. Для её решения необходимо выдвижение российской идеологической альтернативы в формате общей идеологии. Проведённое исследование режимов информационно-идеологического влияния на социальную реальность позволяет заключить, что перспективная для России альтернатива режиму «потребительского эмпиризма» («западнизму») связана не с режимом «пропаганды» (идеология СССР, КНДР и т.п.), ни с режимом «плутовства» (идеология «новой перезагрузки» К. Шваба). Для суверенного противостояния идеологическому влиянию Запада, России, во-первых, предстоит перевести уровень организации идеологической деятельности в стране из формата групповых партийно-политических идеологий (идеология КПРФ, ЛДПР и др. партий) в формат общей идеологии. Во-вторых, России предстоит выбрать тот режим информационно-идеологической деятельности, который будет обеспечивать преодоление проблем социально-идеологической раздробленности российского общества и усиление социальной интеграции государствообразующего сообщества современной России. В-третьих, идеологический выбор России должен обеспечить содержательное наполнение своей идеологической системы собственным априорным идеологическим контентом, фундировать

его философско-мировоззренческой системой, отражающей культурно-цивилизационные основы и традиции многовековой российской государственности. В-четвёртых, необходим выбор перспективного режима действия общей идеологии. В результате проведённого анализа режимов действия общей идеологии в структуре информационных влияний на социальную реальность можно заключить, что идеологическую перспективу России целесообразно связывать с утверждением «партиципаторного» режима действия общей идеологии. В-пятых, формат общей идеологии России в перспективе должен быть пригоден для масштабирования с помощью механизмов «мягкой силы» в пространстве международных отношений со странами, придерживающимся принципов многополярности современного мироустройства.

В заключение параграфа необходимо отметить следующие основные выводы. На уровне действия общей идеологии базовые альтернативы в сфере доминирующих технологий информационного влияния состоят в том, что одни из них могут блокировать связь социального существования человека и сообществ людей с основами их собственного социально-исторического бытия, а другие по своей социальной природе могут раскрывать возможности реализации сущностных сил, ресурсов социально-исторического бытия человека и общества в сфере их социального существования и развития. В этом различии видится глубинное содержание противоборства информационных технологий влияния на современную социальную реальность. Историческим примером является состояние идеологического паритета периода «холодной войны», когда действовало противоборство общей идеологии «западнизма» и общей идеологии советского коммунизма. Современный этап информационного противоборства характеризуется как идеологический диспаритет, поскольку на фоне восходящего влияния новой западной общей идеологии «новой перезагрузки» (К. Шваба) Россия характеризуется отсутствием собственной общей идеологии, характеризуется состоянием дискуссии о целесообразности перевода своей идеологической сферы в формат общей идеологии.

В разделе также определены четыре дескриптивных поля исследования общей идеологии, а также определены четыре режима действия общей идеологии в структурах информационных влияний на общество, которые позволяют в перспективе

единых теоретико-методологических позиций исследовать идеологические системы формата общей идеологии в разных странах, позволяют определить приоритеты для России.

Подводя итоги исследования по второй главе в целом, необходимо выделить следующие общие выводы.

1. Общая идеология – это особый формат идеологической деятельности, который предлагает априорное видение ценностей, объединяющих государственное социально-политическое сообщество для общей перспективы развития, а также предполагает действие специальных социально-информационных механизмов интеграции отдельного человека в систему государственного социума. Общая идеология Запада и СССР в 20 веке представляют собой конкретно-исторические случаи современного идеологического влияния, интегрированного в структуры современного социально-информационного противоборства Запада и России. Общая идеология «западнизма» и общая идеология советского коммунизма предлагали альтернативное видение априорных ценностей общества и перспектив его развития, обе пережили процессы «деидеологизации» и «реидеологизации», с той, разницей, что на Западе они привели к переходу от идеологии «западнизма», основанного на философской платформе социально-антропологического конструктивизма, к идеологии «новой перезагрузки» (К. Шваба), в основании которой формируется философия социально-технократического конструктивизма. В СССР начала 20 века процесс идеологизации привёл к утверждению «коммунизма» в качестве государственной общей идеологии страны и содружества социалистических государств, в основании которой была положена философия советского исторического материализма. В конце 20 века в СССР процесс деидеологизации привёл к отказу России от формата общей идеологии. Современная ситуация информационного противоборства Запада и России характеризуется как идеологический диспаритет, поскольку на фоне идеологической оснащённости Запада в формате общей идеологии (старый «западнизм» и «новая перезагрузка») Россия выглядит идеологически недооснащённой.

2. Обосновано выделение и определение четырёх дескриптивных полей исследования роли общей идеологии в структурах информационных механизмов влияния

на общество, каждому из которых соответствует свой режим работы общей идеологии. 1) Режим «потребительского эмпиризма», предполагает, что субъектный центр общей идеологии скрыт за пологом «невидимой руки» рынка идейного плюрализма, остаётся вне публичной рефлексии. В этом режиме функционирования априорный идеологический контент общей идеологии является основой генерации первичных идейно-информационных потоков, которые создают среду, раскрепощающую, стимулирующую для прои-из-ведения из потаённости эго-истические интересы, желания, устремления и пр. и возможность «аутопойезисного», бессубъектного, следования с ними за калейдоскопом потоков симулякров. В этом режиме складывается модель отношений «каждый против каждого», которая работает в качестве основного идейно-информационного механизма интеграции отдельного индивида в систему государствообразующего сообщества стран Запада. В результате общество входит в состояние аномии, уходят в прошлое формы солидарного «большинства», на их место приходят временные меньшинства, ситуативно возникающие и ситуативно распадающиеся на всплесках потребительского бума, будь то товарного, политического, экологического и пр. Исторически конкретным примером общей идеологии, действующей в режиме «потребительского эмпиризма» является идеология «западнизма», априорный идеологический контент которой опирается на платформенную философию социально-антропологического конструктивизма. 2) Режим «плутовства», предполагает, что субъектный центр общей идеологии скрыт за сетью активности обезличенных, анонимизированных социальных цифровых коммуникаций, а в тенденции этого режима действия общей идеологии вероятна замена скрытого, анонимного человека на открыто замещающий его анонимный «искусственный интеллект». В этом режиме работы априорный идеологический контент является основой генерации первичных идейно-информационных потоков, которые создают идеологически выверенные структуры IT-аутопойезиса, в ритм которого втягивается индивидуальная повседневность больших масс людей, уходящих в новую, цифровую транс-цендентность, как посредством визуально-чувственного вовлечения в 3D - 4D IT-сферы, так и посредством вживления кибер-систем в тело, в мозг человека. В ре-

зультате человек теряет границу между традиционной телесной и цифровой социальной реальностью, противоречие между которыми ведёт к дезинтеграции живой антропомерной социальной реальности и к её замещению на виртуальную IT-интеграцию отдельного человека в цифровое государствообразующее сообщество «кибер-государства». Конкретно исторический пример общей идеологии, действующей в этом режиме, является «новая перезагрузка» (К. Шваба), априорный идеологический контент которой опирается на платформенную философию социально-технологического конструктивизма. 3) Режим «пропаганды» предполагает присутствие конкретного социального субъекта идеологической деятельности, функция которого монопольно принадлежит только государству. Информационные технологии имеют статус государственных, они обеспечивают доставку идеологически выверенной государственной информации до больших масс людей. Основная особенность состоит в том, что обязательным фактором механизма идеологического влияния является сознательное лояльное отношение каждого отдельного человека к предоставленной в-наличие государственной идеологической информации, доверительное усвоение которой обеспечивает готовность человека к деятельности в русле определённых централизованно установленных государственных целей. При этом иная (негосударственная) коллективная сознательность, обеспечивающая рефлексивную связь априорного идеологического контента с социальными практиками, с редактированием содержания идеологического контента блокируется. В режиме «пропаганды» потенциал общей идеологии действует в качестве основы интеграции человека в систему государствообразующего сообщества страны на жёстко ограниченной основе лояльности по отношению к предоставленному в наличие государственному идеологическому контенту. Конкретно исторический пример общей идеологии, действующей в этом режиме, является советская коммунистическая идеология, априорный идеологический контент которой опирается на платформенную философию советского исторического материализма. 4) «Партисипаторный» режим, который предполагает, что общая идеология осуществляется вполне конкретным социальным субъектом, в качестве которого может выступать как государство, так и негосударственный актор, так что обе институции в той или иной мере действуют в

качестве авторизованного субъекта идеологической деятельности. В «партиципаторном» режиме информационно-идеологическая деятельность предполагает направленность всей информационной системы на познавательное раскрытие социально-исторического бытия человека/ общества для определения, уточнения, продвижения коллективных идеалов, целей, приоритетов как в аспектах каждодневной жизни людей, так и в аспектах исторического развития. В результате «партиципаторный» режим всей системы идеологической деятельности обеспечивает комплексную интеграцию отдельного человека в государствообразующее сообщество страны, где он имеет возможность действовать в качестве субъекта общественной, идеологической, профессиональной деятельности. В контексте информационного противоборства Запада и России этот режим действия рассматривается как приоритетная перспектива для России, новая общая идеология которой может формироваться с опорой на развитие платформенной философии социально-антропологического детерминизма.

3. В свете дескриптивного анализа раскрывается содержание проблемы идеологического выбора современной России: фундаментальная идеологическая альтернатива и «западнизму», и «коммунизму», в которой нуждается современная Россия, – это новая идеологическая система в формате общей идеологии, априорный идеологический контент которой необходимо формировать на основаниях философии социально-антропологического детерминизма, а приоритетный режим действия общей идеологии («партиципаторный» режим) своими технологиями идейно-информационного влияния позволит сформировать полноценную диалектику всех базовых элементов отношений социально-исторического бытия и каждодневного социального существования человека и его социума. Особенность идеологической ситуации в которой находится Россия в том, что в современном информационном противоборстве Запад обладает разносторонне проработанными платформенными философскими системами социально-антропологического конструктивизма и социально-технократического конструктивизма, которые обеспечивают смысловое наполнение априорных контентов общей идеологии «западнизма» и «новой перезагрузки», тогда как философии социально-антропологического детерминизма, кото-

рая необходима для формирования новой общей идеологии России, хотя и присутствует в современном философском дискурсе в виде разрозненных идей, но системной, целостной проработанности и оформленности не имеет. Это является обстоятельством, ослабляющим позиции России в ситуации информационного противоборства с Западом, на современном этапе оно сдерживает развитие идеологической сферы российского общества в формате общей идеологии.

3. ИДЕОЛОГИЯ В ОБЩЕСТВЕ СОЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Рассмотренные в первых двух главах вопросы становления представлений о социальной реальности в их взаимосвязи с представлениями о механизмах влияния на неё, вопросы взаимосвязи становления представлений о механизмах влияния на индустриальное общество и на информационное, а также проведённый анализ информационного противоборства Запада и СССР / России в 20 - начале 21 вв. позволили выявить концептуально важные признаки присутствия формата общей идеологии в структурах информационного влияния на социальную реальность и показать их связь с вопросами диалектики социального бытия и социального существования человека в обществе. С опорой на эти результаты в третьей главе диссертации исследование направлено на обобщающую концептуализацию понятия «общая идеология», а также на вопросы инструментализации обобщающих теоретических выводов для анализа актуальной ситуации и тенденций изменения идеологической деятельности в России.

3.1. Понятие «общая идеология государства»: концептуализация и операционализация в структуре информационных влияний.

Современное разнообразие внешних проявлений социальной реальности часто описывается в терминологии «хаоса», а современные методы осмысления описываются с помощью новых концепций, отказавшихся от старой «антропомерной теории»³⁰¹. Варианты описания особенностей современного информационного общества Д. Белла, Э. Тоффлера, Н. Лумана, Д. Деннета и др. отражают видение, разработанное с позиций социально-технократического конструктивизма, в свете которого центральное место человека в системе социальных причинно-следственных от-

³⁰¹ Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2011. С.128.

ношений и процессов замещается представлениями о центральном положении «искусственного интеллекта». Такое замещение описывается как вектор прогресса, по которому должно следовать современное общество. С позиций философии социально-антропологического детерминизма, в базовом арсенале которого состоят идеи онтологической первичности человека во всех социальных отношениях и процессах, представления о прогрессе на базе «искусственного интеллекта» рассматриваются как признак социальной деградации общества, как признак прижизненного и безвольного умирания человека, отказа человека и человеческого общества от самого себя в пользу «нигитологии»³⁰² – идеологии почитания «иног», в котором считается нормальным то, что «из жизни людей исчезают люди»³⁰³. Представления о центральной роли человека требуют метафизической защиты, углублённой, междисциплинарной проработки применительно к условиям и вызовам информационного общества 21 века. Современное информационное противоборство Запада и России содержит в основаниях своего содержания эту мировоззренческую альтернативу, действует как глобальный источник информационного влияния, в т.ч. на территории России.

Согласно наблюдениям А. Зиновьева есть три уровня работы западного механизма информационно-идеологического влияния, которые можно обобщённо определить следующим образом: первый уровень – «элитарный» («сочинения, претендующие на научность, внеидеологичность, творчество»), второй – уровень «пропагандистски-просветительский» («множество книг, статей, лекций и докладов широкого круга специалистов, занятых обучением студентов, выступлениями на конференциях, популяризацией и пропагандой идей, журналистикой»), третий – уровень массового потребителя («фильмы, романы, телевизионные передачи, школьные уроки, повседневная пропаганда и даже реклама»)³⁰⁴. С учётом выделенных и определён-

³⁰² Кутырёв В.А. Унесённые прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире. СПб.: Алетейя, 2016. С.22.

³⁰³ Там же, с.19, 32, 43.

³⁰⁴ Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003. С.276.

ных во второй главе четырёх дескриптивных полей анализа информационного влияния общей идеологии, можно сделать следующие дополнительные уточнения. Влияние элитарных идеологических идей может быть организовано либо как бессубъектный процесс информационного влияния, либо как процесс, генерируемый и организуемый конкретным социальным субъектом, оснащённым специализированными социальными институтами. Как было показано во второй главе исследования, Запад представляет пример действия бессубъектного механизма информационно-идеологического влияния, а СССР – пример субъектно и институционально определённой идеологической деятельности. Названные аспекты позволяют уточнить, что априорный характер общей идеологии преломляется через диалектику «субъектности – бессубъектности» элитарного уровня работы информационного механизма влияния. При этом в любом случае за этими механизмами стоит то или иное публично оформленное, заявленное или не заявленное волевое, властное начало. Таким образом, можно заключить, что априорный характер общей идеологии на элитарном уровне основательно связан с волевым, властным началом политического суверенитета. Соответственно, активные и агрессивные поля действия общей идеологии отражают волевою активность действий центров власти, а слабые – слабую волевою активность центров власти. В пределе можно говорить о ситуации, когда центр волевой властной активности отсутствует. В нашем случае диалектическая структура «волевое – безвольное» отражает, с одной стороны, наличие центра волевой концентрации и единого центра власти, а, с другой стороны – отсутствие центра волевой концентрации и единого центра властного информационного влияния. Таким образом, априорный характер идеологии основательно связан с внутренней диалектикой концентрации волевого, властного начала, крайними проявлениями диапазона активности которого могут быть, с одной стороны, формы максимальной concentra-

ции власти в системе централизованного государства (теория диктатуры пролетариата В.И. Ленина³⁰⁵), а с другой – полное отсутствие центров концентрации власти в обществе (теория «власти – знания» М. Фуко³⁰⁶).

В первой главе исследования мы выделяли в структуре общей идеологии триаду «волевое, властное начало» – «ценности» – «массовое распространение/ потребление» («омассовление»), опора на которую позволяет концептуализировать значение фактора государственного суверенитета в поле общегосударственной идеологической деятельности. Волевое начало власти, отражает присутствие фактора суверенного государства в поле действия общей идеологии, что не просто усиливает интенсивность разработки тех или иных процессов, но обеспечивает их влияние на интеграцию человека в социальную систему государства в целом. Кроме того, фактор государственного суверенитета определяет характер преломления информации об априорных ценностях государства, обеспечивает создание достаточно целостного информационного экстракта, концентрата идеологии. Внутренняя политэкономия работы с этой ценностной информацией подробно рассмотрена в работе Ж. Бодрийяра³⁰⁷. Необходимо, далее, уточнить, что априорный характер общей идеологии специальными средствами информационной переработки приготавливается для представления в качестве публичной информации об «истинных ценностях» современного общества и современного человека. Этот ценностный информационный публичный поток становится более ярким и интенсивным, – то есть более влиятельным, – если он черпает идеи из хорошо проработанных философских, мировоззренческих резервов, если его поддерживает активная и концентрированная социальная воля центра государственной власти. Отсутствие или слабость одного из названных источников априорных положений общей идеологии ценностей приводит к ослаблению их влиятельности.

Обеспечение публичной открытости идеологически выверенной информации — это определённый производственный процесс, как на конкретном современном

³⁰⁵ Ленин В.И. Государство и революция. 1969. С. 1-120.

³⁰⁶ Бокарева О.В. Концепция власти и понятие «власть-знание» в философии М.Фуко. // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019. Vol.3-1. С.172-175.

³⁰⁷ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библиоман – Русская книга, 2003.

примере показал проф. А.В. Дахин³⁰⁸. И этот производственный процесс может строиться в альтернативных режимах. В режиме обеспечения раскрытия социально-исторического бытия в сферу социального существования информационная переработка и сбыт потребителю массовой идеологической информации имеет характер популяризации, просвещения. Информационная технология работает как элемент передачи «знания». В режиме блокировки связи социального существования с основами социально-исторического бытия человека информационная переработка и сбыт массовой идеологической информации имеет характер популизма, рекламного навязывания и наиболее радикально – форму «пост-правды» и цифровой «антиреальности». В этой тенденции информационная (цифровая) технология действует самодостаточно, претендует на полную замену «знания», «предметности и психичности», а также человека³⁰⁹ на «цифровую реальность» и «искусственный интеллект».

Режим максимальной публичной открытости означает, во-первых, то, что исходная элитарная форма общей идеологии перерабатывается в максимально удобную, «аппетитную» для конечного массового потребителя форму; во-вторых, то, что каналов доставки максимально много, так что они достаточно плотно окружают конечного потребителя, подобно тому, как это реализуется «агрессивными виртуально-мобилизующими стратегиями» рекламы³¹⁰. Рекламная технология является составляющей частью системы максимальной публичной открытости: ключевая миссия коммерческих рекламных образов – побудить покупателя к покупке, политической рекламы – побудить избирателя к голосованию; «отношения человека к вещи, опосредованное рекламными образами, – вот одна из структурных основ современного «информационного общества» и притом структура, доминирующая в

³⁰⁸ Дахин А. Открытость власти как производственный процесс: анализ российских политических практик // Устойчивое развитие Центральной Азии. Вестник КНУ: Научный журнал Казахстано-Немецкого Университета. 2017. С. 92-108.

³⁰⁹ Кутырёв В.А. Унесённые прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире. СПб.: Алетей, 2016. С.24.

³¹⁰ Дахин А.В. Парниковый эффект -2. Антропологический след рекламно-информационной мегамашины // Свободная мысль – XXI. 2003. № 9. С.76.

пространстве массового потребления»³¹¹. Современное рекламное производство образов продуктов производится отдельно от самих продуктов, а производство ценностных образов общей идеологии может производиться отдельно от самих ценностей. Это определяет ещё одну альтернативу в действии механизмов информационного влияния на общество. Режимы, относящиеся к категории раскрывающих сущностные основы социального бытия в сферу социального существования, предполагают производство ценностных образов вместе с производством самих ценностей, предполагают сознательное и личностное отношение человека к информации о ценностях, благодаря чему «информация» преобразуется в «знание» о ценностях. Режимы, относящиеся к категории блокирующих связь социального существования с социальным бытием, строятся на производстве ценностных образов отдельно от самих ценностей, предполагают потребление лишь информационных, цифровых «аватаров» ценностей в формах поверхностного мышления (“fast thinking”) и т.п. Поэтому технология информационной максимальной публичной открытости контента общей идеологии может предлагать конечному получателю информационного послания различные режимы восприятия общества.

Конечный эффект информационного влияния – это поведение человека, получившего, «переварившего» идеологическую информацию и сделавшего её своим «руководством к действию», – к действию по ценностным приоритетам общей идеологии. Конечное поведенческое действие склоняется в сторону тех ценностей настоящего и целей будущего, которые стимулирует идеология. При этом предполагается, что каждый конечный получатель идеологического послания сам в той или иной степени становится распространителем, разносчиком, «рекламистом» этого же идеологического послания. Идеологический процесс не заканчивается на поведении конечного индивидуального получателя/потребителя, но воспроизводится на его уровне, воспроизводится в новых формах информационной активности, которая обеспечивает интеграцию отдельного человека в сообщество своей страны. Таким

³¹¹ Дахин А.В. Парниковый эффект -2. Антропологический след рекламно-информационной мегамашины // Свободная мысль – XXI. 2003. № 9. С.72-73.

образом, в формате общей идеологии, в котором реализуется волевое начало государственного суверенитета страны, присутствуют следующие структурные слагаемые: а) элитарный априорный контент общей идеологии, в основании которого та или иная философско-мировоззренческая система; б) система его переработки посредством информационных технологий для массового распространения идеологически выверенного контента в качестве первичных, идущих со стороны элитарного идеологического контента информационных волн; в) система интеграции отдельного человека в структуру государствообразующего сообщества страны в целом. В ситуации противоборства информационных влияний на социальную реальность, когда вся система общей идеологии одного государства по каналам «мягкой силы» направляется для воздействия на государствообразующее сообщество другого государства (государства-мишени), идейно-информационное влияние может привести ведёт к возникновению раскола, противоречий внутри государствообразующего сообщества страны-мишени, вплоть до ситуации социальной дезорганизации государственного порядка в форме «цветных революций»³¹². Вероятность наступления таких последствий информационного противоборства тем выше, чем слабее оснащённость государства-мишени собственным форматом общей идеологии.

На примере «перестройки» в СССР можно показать, как на фоне идеологии «коммунизма», ослабленной собственным догматизмом, «мягкая сила» идеологии «западнизма» создала предпосылки социальной дезорганизации в обществе, которые идейно содействовали распаду страны в 1991 г. На начальных этапах «перестройки» появилась общегосударственная идея «гласности», которая применительно к деятельности государственных СМИ использовалась властью для снятия напряженности и поддержания массового советского идеологического консенсуса. Средства массовой информации «перестройки» обеспечивали максимальную информационную открытость обновлённого коммунистического идеологического контента, в частности, речь шла «о публикации стенограмм пленумов партийных

³¹² Наумов А.О. Традиционные и новые медиа как акторы «цветных революций» // Дискурс-Пи. 2018. № 32-33. С.79-87.

комитетов, а также проектов готовящихся постановлений»³¹³. Они настраивались на получение нового массового информационного эффекта активизации рядового советского человека для «создания новой жизни», о которой говорил М.С. Горбачёв³¹⁴. Фактором активизации «творчества масс» была и идея новых экономических отношений: «хозрасчёт», появление конкуренции, диверсификация форм собственности, а позже – переход к идее «рыночной экономики». Другими факторами были государственные, социокультурные и политические преобразования, перестройка деятельности общественных организаций (ВЛКСМ, профсоюзы и др.). Общегосударственная идея «перестройки», выполняя функцию общегосударственной априорной системы ценностей, вырабатывала и запускала режимы их максимальной открытости через организацию пропагандистской работы в соответствии с интересами новых социальных групп, вошедших в центр власти СССР. «Перестройка» стимулировала перераспределение приоритетов в деятельности государственных СМИ. В частности, утратила монопольное положение оценка прессы сквозь призму партийно-классовых интересов, стали появляться «независимые» СМИ и СМИ «самиздата». Политическая оппозиция (демократическая платформа в КПСС и др.) выдвинула идею «общества с переходной экономикой», приводила к тому, что традиционные советские и новые масс-медиа постепенно отворачиваются от реалий «государственной идеологии» в сторону «креативного» конструирования информационных текстов и визуальных образов (симулякров) «свободного / открытого общества». Разнообразные ценностные образы производятся свободно и независимо от производства самих ценностей. Таким способом информационные технологии «переходного общества» демонстрируют свой «независимый» статус, занимают доминирующее положение, довольно легко превращаются в инструмент дестабилизации исторически и культурно-детерминированной социальной реальности советского общества.

³¹³ О демократизации советского общества и реформе политической системы. М.: Политиздат, 1988. С.142-143.

³¹⁴ Горбачёв М.С. О ходе реализации решений XXVII Съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. М.: Издательство политической литературы, 1988. С.35.

Один и тот же, но уже неоднородный, мозаичный априорный контент государственной общей идеологии перерабатывается различными информационными технологиями. На одном уровне — это государственные информационные технологии массового производства и массового, многоканального распространения, идеологически выверенной информации, которые генерируют первичные волны публичного распространения идеологически разнородного контента, перемешивающего идеи «коммунизма» с идеями «западнизма». На другом уровне — это информационные технологии индивидуального пользования, которые генерируют вторичные волны публичного распространения того же самого мозаичного контента общей идеологии государства. В конечном счёте информационно-технологическая конвергенция идей «коммунизма» и «западнизма» в отечественных СМИ стала усиливать интеграцию советского человека в «западное общество» и ослаблять его связь с государствообразующим сообществом СССР.

Противоборство информационных технологий, отражает обострение конфликтогенной политики враждебно настроенных государств Запада по отношению к России. Поэтому государство является значимым фактором информационно-технологического противоборства в формате общей идеологии, а механизмы влияния в этом идеологическом формате различаются, прежде всего: а) по субъектной авторизованности источника этой деятельности; б) по присутствию элитарного априорного контента и его фундированности той или иной философской системой; в) по характеру технологий производства идеологически выверенного массового контента, который может обеспечивать либо раскрытие («познавательная-просветительская» модель информационно-технологического влияния на общество) либо блокировку («агностицистская» модель информационно-технологического влияния на общество) связи сферы существования человека с основами его социально-исторического бытия; г) по характеру механизмов интеграции отдельного человека в государствообразующее сообщество своей страны.

В свете этого подхода особенности формата общей идеологии состоят в том, что соединение априорного контента общей идеологии с технологиями производства идеологически выверенного массового контента может порождать различные

информационно-идеологические модели. Соединение общей идеологии с информационной технологией может быть гомогенным или гетерогенным. Гомогенное соединение предполагает, что общая идеология и технологии производства идеологически выверенного массового контента относятся к одной платформенной философской системе. В этом случае результативность информационно-идеологического влияния на социальную реальность конкретного государства будет наиболее эффективной. Гетерогенное соединение предполагает, что общая идеология и технологии производства идеологически выверенного массового контента относятся к разным платформенным философским системам. В этом случае результативность информационно-идеологического влияния на социальную реальность конкретного государства будет иметь ослабленную эффективность. Если в ситуации современного информационного противоборства государств сталкиваются две гомогенные информационно-идеологические системы, то с большой вероятностью вся структура противоборства может быть стабилизирована вокруг установления некоторой устойчивой границы влияния обеих систем, - границы, по обе стороны которой формируется суверенная социальная и идейно-политическая реальность, устанавливается глобальный идеологический паритет. Если же в ситуации современного глобального противоборства сталкиваются гомогенная и гетерогенная информационно-идеологические системы, то она может быть определена как понятием «идеологический диспаритет». В этом случае, вероятнее всего, вся структура идеологического влияния будет меняться в пользу расширения влияния гомогенной системы на территорию страны с гетерогенной социально-идеологической системой. Эти аспекты концептуализации вопроса о присутствии общей идеологии в структуре противоборствующих социально-информационных технологий влияния на общество актуальны для исследований современной идеологической ситуации в России.

Действие общей идеологии в структуре технологий информационного влияния на социальную реальность, как было показано выше, может иметь четыре различных режима активности, анализ и описание которых может осуществляться в рамках четырёх дескриптивных полей. Соединение в них априорного контента общей идеологии и технологий производства идеологически выверенного массового

контента позволяет соотнести их дихотомией «гомогенная» - «гетерогенная» информационно-идеологическая система. Например, режим пропаганды, в котором действовала общая идеология советского коммунизма в 1930-1984 гг. может рассматриваться как гомогенный, поскольку философская основа советского исторического материализма в равной мере определяла и содержание элитарного априорного контента, и механизмы производства идеологически выверенного массового контента. А в период «перестройки» советский режим «пропаганды» был преобразован в гетерогенный, поскольку элитарный априорный контент по-прежнему опирался на философию исторического материализма, а производство информационного массового контента выверялось не только по принципам исторического материализма, но и по принципам «западнизма», влиявшего по каналам «мягкой силы».

Целостное представление о роли информационно-идеологического содержания в системах влияния на социальную реальность может быть сформировано на основе интеграции данных, полученных во всех четырёх дескриптивных полях. Интегральный подход к анализу общих идеологий, противоборствующих в современном мире, состоит в том, чтобы выявить в поле их многообразия общие сущностные черты, относящие их к системе четырёх режимов присутствия общей идеологии в современных системах влияния на общество, на единой концептуальной основе проанализировать роль государства в функционировании общей идеологии, связь элитарного идеологического контента с фундирующими её философскими системами, в рамках диалектики открытости – закрытости социально-исторического бытия исследовать социальную роль и модели информационных технологий, которые обеспечивают интеграцию человека в систему государствообразующего сообщества страны.

Основные элементы, характеризующие действие общей идеологии в структуре современных информационных технологий влияния на социальную реальность, базируются на основе суверенного государства. Их можно свети в следующее определение. Общая идеология государства – это мировоззренчески фундированная априорная система государствообразующих ценностей, элитарный контент которой распространяется в государстве в различных режимах активности, обеспечивающих

максимально публичную информационную открытость в формах идеологически выверенных идейно-информационных влияний, нацеленных на интеграцию отдельного человека в систему государственно-образующего сообщества страны. Формат общей идеологии выполняет в государстве значимые социальные функции: обеспечивает идеологический паритет (или диспаритет) в системе глобального информационного противоборства, является формой идейно-содержательного публичного выражения государственного суверенитета, определяет выбор технологий для массовой интеграции отдельного человека в государствообразующее сообщество страны. С площадки суверенного государства формат общей идеологии с помощью механизмов «мягкой силы» может действовать в поле влияния на другие государства, где могут решаться задачи межгосударственной интеграции.

Наш анализ показал, что идеологическая деятельность может иметь формат общей идеологии, который является неотъемлемым и значимым элементом идеологических процессов в ситуации информационного противоборства Запада с СССР/Россией в 20 – 21 веке. Изучение идеологической ситуации в современной России в этом формате идеологической активности необходимо для осмысления готовности России к восстановлению идеологического паритета в структуре социально-информационного противоборства с Западом, для идеологического обеспечения государственного суверенитета, для использования ресурсов идеологической деятельности для формирования и укрепления государствообразующего сообщества в России. Де-юре согласно Конституции РФ, в нашем обществе «признаётся идеологическое разнообразие», но «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (Ст. 13. пп.1,2). С другой стороны, де-факто Конституция РФ утверждает перечень государствообразующих идей и ценностей нашего государства³¹⁵, что соответствует понятию «общая идеология» государства. Это позволяет использовать понятие «общая идеология» применительно к российскому обществу не только в теоретической, но и в практико-ориентированной плоскости.

³¹⁵ Дахин А.В. Правовая норма, идейная позиция государства и мировоззренческий выбор в современном социальном контексте. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Изд. Ниж. Академия МВД. 2018. № 1(41). С.286-288; Дахин А.В., Сергеева Э.А.

Современный этап развития российского общества, начавшийся в 1991 г., связан с транзитом в сторону «рыночной экономики» и восстановления отменённого в советское время права частной собственности, ценностей и норм повседневной жизни и деятельности людей. В этих условиях проявляется определённый разрыв между «новыми» идеями, отражающими мировоззренческий сдвиг в сторону платформенных смыслов философии социально-антропологического конструктивизма (через теории «открытого общества», «рыночного общества», «рыночных реформ», «общества потребления», «свободных СМИ» и пр.), и более привычными ценностными ориентациями различных групп населения, имеющих социалистический идеологический бэкграунд, связанный с идеями советского исторического материализма. Разрыв частично заполнила новая поп-культура России, ставшая условием и участником российского рыночного транзита. Появился очень пёстрый, неоднородный, «разночинный» и разнокалиберный контент массового потребления, в котором активно фигурировали и А. Пугачёва с Р. Паулсом и философы «серебряного века», и западная «Металлика», и книги А. Солженицина, А. Зиновьева и пр., и пр. Современное состояние культурной политики (бегство «звёзд шоу-бизнеса» после 02.02.2022 и пр.) даёт основание для постановки вопроса о том, нужна ли современной России выработка целостного представления о приоритетах культурной жизни общества как сферы самореализации культурной личности, должна ли культура способствовать формированию некоторым образом выверенных ценностно-ориентированных форм деятельности в обществе?

Как социальный феномен, идейно влияющий на коллективное поведение в России, традиционно рассматривается религия. Исторические религиозные системы утверждают: «традиция первична, а новации ничто; есть лишь принцип смены, превращения её конкретных форм»³¹⁶. Вне традиционных религиозных сообществ в современном западном обществе, с его старыми и новыми СМИ, ценностные системы дробятся на разрозненные информационные фрагменты, которые используются как

Идейная позиция государства в современном социальном контексте. // Социальное время. 2019. № 2(18) С.96-104.

³¹⁶ Кутырёв В.А. Унесённые прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире. СПб.: Алетейя, 2016. С.107.

средство организации развлекательных шоу, а в худшем случае – в качестве информационного «расходного материала» деструктивных идеологических влияний. В результате общество лишается опыта сохранения многовековой живой традиции образа мыслей и образа жизни людей, в рамках которой происходит непрерывное, передаваемое из поколения в поколение верующих про-из-ведение из-потаённости бытия сущностных (Божественных, духовных) сил человека и общества, в лоне которого сохраняется сущностная основа коллективной социальной памяти и идентичности³¹⁷. В свете философии социально-антропологического конструктивизма тенденция перехода к «одноразовым» постоянно меняющимся религиозным системам, работающим в духе идей «представления слов без представления вещей» (С. Жижек), «этничности без групп»³¹⁸. В свете философии социально-антропологического детерминизма тенденция разрушения традиционных религиозных систем – это признак социальной деградации общества, пример того, как новые социальные технологии блокируют связь социального существования людей с их социальным бытием. Будучи частным случаем вопроса о культуре в России, вопрос о политике в области отношения к традиционным и новым религиозным конфессиям, – требует также и идеологического решения. Со времён классовой борьбы в России в начале 20 века, религия являлась, с одной стороны, предметом критики (достаточно вспомнить, например, иронично-критическое из А. Блока: «Помнишь, как бывало, брюхом шёл вперёд, и крестом сияло брюхо на народ...» пр.). С другой стороны, есть исторический опыт, когда религиозные деятели активно участвуют в политике, возглавляют социальный протест (о. Гапон и январское «кровавое воскресенье» 1905 г., раскольническая деятельность самопровозглашённой независимой Украинской православной церкви с 2016 гг. и т.п.), что способствует зарождению и распространению дезинтеграционных процессов в обществе.

³¹⁷ Дахин А.В. Идея социального и светского государства: феноменология конституирования в России. // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1(45). 2019. С.274-278; Дахин А. В. Россия как правовое государство: проблема конституционной идентичности и роль коллективной памяти. // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1(53). 2021. С.218-223.

³¹⁸ Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

В целом особенности отечественной культурной политики характеризуются присутствием как признаков «познавательно-просветительской» (научно-познавательный, просветительский контент ТК «Культура», социальная реклама и пр.), так и признаками «агностицистской» модели действия механизмов влияния (рекламизация, шоувизация, игровизация информации, информационное развлечение и пр.) на российскую социальную реальность. Эклектика информационных технологий позволяет заключить, что дилемма выбора платформенной философии для проектирования и организации механизмов информационного влияния в России не решена.

Для изучения внутренне противоречивой российской идеологической ситуации обобщённое концептуальное определение необходимо инструментализировать, адаптировать к исследовательским задачам. Целесообразно выделить следующих индикаторов информационно-идеологической деятельности в формате общей идеологии государства: а) фактор наличия или отсутствия центров власти, концентрирующих волевые усилия для создания элитарного идеологического контента, позволяют определить их пространственную дислокацию в свете диалектики «внутренние – внешние», а также характер механизма их действия в свете диалектики «субъектное – бессубъектное»; б) фактор публичного присутствия государствообразующих априорных идей/ценностей, определение категорий ценностей, в отношении которых реализуются механизмы максимальной публичной открытости, определить их характер в свете диалектики отношений социального существования и социально-исторического бытия человека и российского государствообразующего сообщества; в) позволяют определить характер механизмов интеграции отдельного человека в систему государствообразующего сообщества России. Перечисленные индикаторы позволят достаточно целостно оценить современное состояние общей идеологии государства в структуре различных социально-информационных механизмов влияния на общество.

В завершение первого параграфа третьей главы диссертации необходимо отметить следующие основные выводы. Общая идеология является неотъемлемым элементом информационного противоборства в современном мире, при этом базовой

основой её существования является суверенное государство. Поэтому понятие «общая идеология» уточнено через понятие «общая идеология государства». С опорой на этот подход противоборство механизмов информационного влияния на современную социальную реальность характеризуется как противостояние «агностицистской» и «познавательной-просветительской» моделей информационно-технологического влияния. Положения общей идеологии государства в структуре информационно-технологической альтернативы, характеризуется также через раскрытие особенностей соединения публичного информационного контента с особенностями технологий влияния на общество. Основная альтернатива в этом аспекте характеризуется понятиями «гомогенная информационно-идеологическая система» и «гетерогенная информационно-идеологическая система». Инструментализация представленного выше определения общей идеологии государства позволяет обеспечить целостность прикладных исследований современного состояния общей государственной идеологии в ситуации противоборства информационных влияний на социальную реальность.

3.2. Идеологическое измерение социальных процессов в современной России.

В последние десятилетия происходит ужесточение информационного противостояния Запада против России³¹⁹. В российском обществе присутствуют приметы острого интеллектуального беспокойства, вызванного зримой экспансией на Россию пост-модернистских, транс-гуманистических философских идейных течений и цивилизационных ориентиров общественного развития³²⁰. Предметом беспокойства выступает противоречивость информационного контента, распространяемого традиционными и новыми СМИ (противоречие «инфотейнмонта» и «патриотического»

³¹⁹ Никонов В.А. Современный мир и его истоки. М.: Издательство Московского университета, 2015. С.121-122.

³²⁰ Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя. 2015. С.77.

вещания), обостряет проблему перспективного выбора в России приоритетной модели информационного влияния на российское общество. С другой стороны, речь идёт о содержании идейных влияний недружественных государств Запада, которые с помощью механизмов «мягкой силы» стремятся активно воздействовать на умы граждан России. Информационная война Запада с Россией обостряет внимание к вопросам анализа платформенных оснований идейных влияний, к вопросам готовности российского государства противостоять этому влиянию и способности создать для своих граждан идейную среду, соответствующую духу государственного суверенитета России, приоритетам суверенного социального и экономического развития страны. Необходимость оценки состояния информационно-технологического и суверенного идейного потенциала России, необходимость определения состояния и конфигурации центров политической воли, обеспечивающих генерацию априорного ценностного контента в России, необходимость оценки платформенных философских оснований содержательного наполнения ценностного контента, распространяемого в российском обществе в режиме максимальной открытости, - все эти предметы внимания отражают основные аспекты действия формата общей идеологии в структуре российской идеологической ситуации, позволяют раскрыть роль российского государства и роль коренного гражданского общества России в формировании общей идеологии нашей страны.

Российская Федерация, пережив в начале 1990-х гг. попытку радикальной «рыночной реформы», «демократизации» и погружения в повседневные интересы, оказалась в новой ситуации, в результате которой в 1993 г. Конституция России провозгласила отказ от «государственной или обязательной» идеологии³²¹. Реальность, однако, такова, что в начале 2000-х годов сформировался запрос на идеологию, который повис в публичном информационном пространстве в виде вопроса «нужна ли

³²¹ Конституция Российской Федерации./ URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3>

России национальная идея?»³²². Исследователи выделяют четыре этапа трансформации «общей идеи» (О.Ю.Малинова³²³), (М.А.Казаков³²⁴):

- 1990-1994 гг. - отрицание тоталитарного прошлого;
- 1995-2001 гг. - поиск и разработка новой "национальной идеи";
- 2001-2011 гг. - переход к представлению "поднимающейся РФ";
- 2011 г. - по н.в. - новая постановка вопроса о коллективной, "русской" идентичности.

Мы в качестве знакового рубежа отечественной реидеологизации выделяем принятие Конституции независимой России в 1993 г. Событие создало новую социальную ситуацию, выросшую из социального контекста «перестройки». Если с начала 20 века и до начала «перестройки» в стране действовала субъектно определённая идеологическая деятельность политической партии (КПСС), возведённая в ранг государственной общей идеологии (построенной на базе философии исторического материализма) и действовавшей в режиме «пропаганды» (монополия государства на идеологическую деятельность), то период «перестройки» прошёл под знаком деидеологизации (разрушение советской общей государственной идеологии) и реидеологизации, которая представляла собой экспорт идеологии «западнизма» на территорию СССР (и РСФСР). После распада СССР в 1991 г. центр государственной российской власти остаётся в Москве, но в качестве места концентрации волевых усилий идеологической деятельности в формате общей идеологии он перестал существовать. Государственное участие в генерации априорной системы государствообразующих ценностей суверенной России было приостановлено как де-юре (Ст.13, Конституция РФ), так и де-факто. Это не означало, однако, что на территории России не действовало никаких иных центров идеологической активности. Специ-

³²² Нужна ли России национальная идея и как ее сформулировать. <http://www.iarex.ru/interviews/37362>.

³²³ Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России. Полис, 2007. С.6-21.

³²⁴ Казаков М.А. Постсоветский транзит региональной элиты в современном политическом процессе России: автореф.дисс.док.полит.наук: 23.00.02. Н.Новгород, 2005. С.46.

фика идеологической ситуации первого десятилетия российской независимости состояла в том, что в формате общей идеологии на её территории действовали центры влияния двух типов. Один, – светский, источник которого дислоцировался за пределами России, на Западе, осуществлявший своё влияние через механизмы «мягкой силы». Второй, – религиозный, который дислоцировался в России, хотя имел также и зарубежных партнёров.

Западный центр генерации светских априорных ценностей, претендовавших на статус «общей идеологии» для России, дислоцировался в США. Бессубъектная структура западного элитарного идеологического влияния на территории России мимикрировала в форму «субъектной деятельности» Запада. Конкретными «вождями» и «светилами» новых идей стали Х. Арндт, Р. Арон, У. Бек, Д. Белл, К. Поппер, Э. Тоффлер и прочие реидеологизаторы Запада. Конкретным социальным субъектом-организатором элитарной информационно-идеологической экспансии выступил, в частности, Фонд «Институт открытого общества» («ИОО») Дж. Сороса³²⁵, который развернул массивную, активную сеть механизмов продвижения идей гуссерлианской феноменологии, радикального феминизма и транс-гендерного «плюрализма», шюцианской повседневности, идей социального конструирования и пр., и пр. философских оснований идеологии «западнизма». На фоне отключения государства России от генерации собственного элитарного информационно-идеологического контента, деятельность «ИОО» стала доминирующим фактором влияния на элиты (политические, научные, культурные, педагогические, экономические, инженерные и пр.) и на массовое сознание в России.

Свой религиозно-идеологический контент генерировали также и центры традиционной религиозной культуры, институты церкви в России. Все четыре традиционные российские конфессии (православная, исламская, иудейская, буддистская), как центры религиозной власти, в достаточной мере сохранили живые элитарные богословские и ритуально-мировоззренческие традиции, сохранили достаточное количество сообществ-носителей элитарного религиозного контента (проповедников).

³²⁵ Признана нежелательной организацией на территории РФ.

На фоне экспансии на территорию России западных институтов церкви (адвентисты Седьмого дня, хаббардисты с «Дианетикой» и пр.) отечественные конфессии вступили в борьбу за симпатии большого постсоветского атеистического «сословия». Основное состоит в том, что традиционные российские институты церкви стали формировать, развивать собственные каналы омассовления своего элитарного информационного контента, ориентированного на вовлечение в лоно церкви представителей различных элит российского общества, прежде всего властных элит, а также широких слоёв населения. Наиболее чистый пример такой отечественной и специфически религиозной активизации даёт Русская православная церковь (РПЦ). Базовый идеологический контент РПЦ был в конечном счёте оформлен в виде «Основ социальной концепции РПЦ»³²⁶.

Российский ислам в процессе своей постсоветской «реабилитации» пережил достаточно драматический период. Российская умма подошла к началу 1990-х гг. раздробленной на отдельные региональные сообщества (Кавказ, Башкирия, Татарстан и др.). Особенность исламской религиозной традиции связана с необходимостью хаджа – паломнического посещения Мекки (Саудовская Аравия). Саудовская Аравия действует также и как мировой центр исламской власти и исламского образования, медресе которого стали активно зазывать российских имамов на курсы повышения квалификации, для получения дипломов «международного уровня». Аналогичными центрами являются также Турция, Катар. Все они стали для российской уммы центрами религиозно-идеологического влияния, дислоцированными за пределами России, но генерирующими специфические идеологически выверенные информационные потоки влияния на граждан России. По содержанию и по механизмам управления они конкурировали между собой, но были похожи друг на друга в том, что стремились сформировать на территории России «свою» элиту исламских проповедников. Наибольшее влияние проявилось на территории Чечни, где появилось радикальное идеологическое движение, преследовавшее цели отделения этого субъекта федерации от России. Сходные идеологические настроения проявились и

³²⁶ Основы социальной концепции РПЦ. М. 2008 г. / URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128>

в центральной части России, – в Казани и Башкортостане³²⁷. Обобщая, можно заключить, что центры идеологической деятельности, осуществлявшие генерацию исламского элитарного информационно-идеологического контента были разбиты на две зоны дислокации: внешние (Саудовская Аравия, Турция, Катар и др.) и внутренние (Татарстан, Башкортостан, Чечня и др.), между которыми существовала острая конкуренция за умы мусульманской элиты (имамы, муллы, руководители Духовных управлений мусульман, др.) и простых верующих в России.

Аналогичный «дуализм» имеет место в традиции российского иудаизма. Глобальный центр идеологической деятельности, генерирующий элитарное информационно-идеологическое влияние иудаизма, находится в Израиле, что является потенциальным источником конфликтного поведения российской диаспоры, внутри которой культивировалась верность ивриту и «еврейству», как специфической солидарности на основе кровнородственной этно-национальной и религиозной принадлежности. Российский иудаизм не занимался поиском какой-то специфической «русской миссии», но мирно следовал заветам Танаха и Торы. Наконец, российская традиция буддизма, хотя уступает по своей влиятельности первым трём традиционным конфессиям, тем не менее обладает собственным потенциалом элитарного информационно-идеологического влияния.

Обобщая характеристику российской идеологической ситуации 1990-х гг. в интересующем нас аспекте, необходимо отметить, что Россия представляла собой, пространство с многоукладной и гетерогенной структурой идеологической деятельности. Здесь активно проявлялось действие различных центров волевого идеологического влияния, стремившихся де-факто освоить формат общей идеологии для России в целом. Они генерировали различные информационно-идеологические системы влияния, призванные интегрировать отдельного гражданина в свои идейно-политические сообщества, что действовало как фактор дезинтеграции российского

³²⁷ Мухетдинов Д.В. Идеологические установки в мусульманском сообществе России // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. Ежеквартальный альманах. Вып. 5-6. Н.Новгород: Изд-во НИМ «Махинур». 2008. С.26-38, Муслимов А.М. О необходимости новых интерпретаций роли Ислама в жизни башкирской нации // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. Ежеквартальный альманах. Вып. 5-6. Н.Новгород: Изд-во НИМ «Махинур». 2008. С.39-35.

государствообразующего сообщества. Наряду с религиозно-идеологическими механизмами информационного влияния генерировался, распространялся светский идеологически выверенный контент идеологии «западнизма», который перехватывал атеистически мыслящую часть постсоветского сообщества в России.

Все системы религиозно-идеологического влияния на российское общество действовали в режиме «пропаганды», отличаясь от советской пропаганды как мировоззренческими основами, фундирующими элитарный априорный идеологический контент (вместо исторического материализма – религиозное учение), так и спецификой социального субъекта этой идеологической деятельности (вместо собственного государства - иностранное государство). Идеология «западнизма» также приспособилась к режиму «пропаганды», открыто представляя «передовую науку» США и стран Запада. При этом российская система государственной власти «конституционно» отказалась от реализации собственного суверенитета в форме общей идеологии, отказалась от участия в формировании собственного элитарного априорного контента общей идеологии, от формирования собственных информационных технологий интеграции отдельного гражданина в систему государствообразующего сообщества России. В результате в России стала формироваться многоукладная идеологическая среда (плюрализм) с активным доминированием идей «западнизма», который в темпе «мягкой силы» интегрировал граждан России в политическое сообщество Запада, но оказывало дезинтегрирующее идейное влияние на состояние внутренней солидарности российского общества.

Комплексный анализ российской идеологической ситуации, проведённый в свете обоснованной в предшествующем параграфе трёхфакторной модели прикладного исследования общей идеологии, сводятся к следующему результату. Анализ фактора «А» (фактор центров суверенной воли, концентрирующих усилия для создания элитарного априорного идеологического контента) применительно к российской идеологической ситуации позволяет сделать вывод о незаконченности процесса реидеологизации, начавшемся в 1990-е гг. В России действует несколько центров идеологического влияния, претендующих на формат общей идеологии, в числе

которых западные центры влияния, генерирующие как светский (идеология «западнизма», «новой перезагрузки»), так и религиозный (католическое христианство, турецкий ислам, саудитский ислам) идеологический контент. Конкурируя друг с другом за влияние на умы граждан России, они формировали предпосылки внутренней социальной раздробленности российского общества и предпосылки внутренних идейных конфликтов. Активизация информационного влияния отечественных конфессий и государственная политика ограничения влияния зарубежных христианских и исламских проповедников способствовала преобразованию этих механизмов влияния на российское общество из формата общей идеологии в формат локально религиозно-общинных систем идейно-информационного влияния. Запрещение и прекращение деятельности фонда Дж. Сороса и др. подобных организаций Запада привело к тому, что субъектно верифицированная форма информационного влияния «западнизма» и «новой перезагрузки» сменилась на бессубъектную форму «невидимой руки», влияние которой, тем не менее сохраняется через старые и новые механизмы «мягкой силы» Запада.

Б) Фактор суверенных априорных государствообразующих ценностей, в отношении которых реализуются механизмы максимальной публичной открытости. В России 1990-х гг. то фактор характеризуется механизмами информационного влияния, которые характерны для «западнизма» и относятся нами к модели «агностицистских» информационных технологий. Достаточно устойчивую основу этих процессов образуют глобальные сети продаж и распродаж продуктов массового потребления, в т.ч. идеологического: отрасль «ритейла» в России 1990-х активнее отрасли собственного производства, которая сворачивалась³²⁸ в расчёте на то, что всё необходимое, - в том числе и идеи, - можно будет купить на глобальном рынке.

Непосредственные механизмы обеспечения публичной открытости и доставки идеологически выверенной информации внешних центров идеологической деятельности характеризуются тем, что делают ставку на дистанционные медиа и IT-

³²⁸ Мусиенко В.М. Освещение проблем национальной безопасности России в сферах индустриального, военного и гуманитарного образования // Гуманитарный вестник. 2014. № 2(29). С.214

технологии и механизмы, а также на рекламный принцип многоканальности и многократности повторяемого воздействия. В поле их активности конечный участник общения рассматривается как «fast thinker», который должен получить побуждающую к действию информацию (побуждение к покупке, к незаконной политической акции, к хулиганскому, экстремистскому, террористическому и пр. действию) и непосредственно выполнить само действие. Эти каналы влияния, переходя с платформ традиционных СМИ на новые IT-платформы приобретают более высокую «частотность», повторяемость, приобретают свойство «вирусности» и персональной адресности (целевыми группами становятся одинокие пенсионеры, дети, лица без определённого места жительства, люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию и др.). Внешние центры обеспечения открытости в пользу своих априорных ценностей используют механизмы и технологии, которые блокируют социальные отношения отдельного гражданина с родными, близкими, друзьями, соседями, а в своей совокупности - блокирует связь отдельного человека с его собственными культурно-историческими традициями, с факторами отечественной идентичности и пр. Конечный получатель такого омассовлённого идеологического контента рассматривается как объект манипуляций, которого надо любой ценой побудить к ценностному выбору в пользу «западнизма». Одновременно действуют отечественные федеральные СМИ, российские социальные сети (ВК, Одноклассники), однако, в отличие от механизмов распространения западного идеологически выверенного контента, они не имеют единого источника элитарного априорного идеологического контента, предоставлены усмотрению своих администраторов и «рыночным правилам». Обобщая этот анализ, необходимо отметить, что российская идеологическая ситуация 1990-х гг. – начала 2000 гг. демонстрировала признаки реидеологизации, особенностью которой стала экспансия априорного идейного контента «западнизма» на территорию России. Такая реидеологизация была нацелена на интеграцию гражданина России в информационно-политическое сообщество Запада.

С начала 2000-х гг. появляются признаки новой реидеологизации, связанной с формированием полноценной системы государственного суверенитета России. К её содержательным признакам относятся публичное продвижение идей патриотизма,

исторической памяти о Великой Победе, которые становятся первыми общими идеями/ ценностями, которые могут быть отнесены к формату общей идеологии. Особенность ситуации в том, что в пространстве идеологической деятельности России появились своеобразные «первокирпичики» общей идеологии, которая является формой выражения государственного суверенитета России. В целом идеологическая ситуация оставалась противоречивой, поскольку механизмы информационного влияния «западнизма» продолжали действовать в качестве параллельной идейно-информационной реальности и имели более системное строение.

В) Фактор интеграции отдельного человека, как конечного получателя омасовлённых информационно-идеологических посланий, в государствообразующее сообщество России может характеризоваться рядом противоречий. В период «перестройки» – это противоречие между началом реидеологизации на основе распространения идеологии «западнизма», нацеленной на интеграцию советского человека в социально-информационное общество Запада, и коммунистической деидеологизации, ослаблявшей интеграцию советского человека в государствообразующее сообщество СССР. В 1990-е гг. – это противоречие между полномасштабной реидеологизацией на основе распространения «западнизма», которая начинает замещаться идеологией «новой перезагрузки», и полной собственной деидеологизацией России, где государство отказывается от коммунистической идеологии и вообще от формата собственной общей идеологии. При этом в обществе России элементы общей идеологии советского коммунизма продолжают своё присутствие (оно отражается в электоральной популярности КПРФ). Эти элементы старой общей идеологии сохраняли своеобразную инерцию советской массовой «сознательности», которая сохраняла долю скептицизма по отношению к априорным ценностям «западнизма» (рынок, коммерческий успех, богатство, потребление и пр.). Поэтому прозападная реидеологизация прошла в России в достаточно умеренном режиме, без радикальных проявлений: не было ни «декоммунизации», ни «десоветизации» и пр. форм государственного участия в реидеологизации на основе «западнизма», проявившихся в других постсоветских странах (Польша, государства Прибалтики, Украина и др.).

С 2001 г. формируется противоречие между ослаблением влияния идеологии «западнизма», «новой перезагрузки» и началом отечественной реидеологизации на основе идей патриотизма и памяти о Великой Победе, которые демонстрируют признаки, характерные для формата собственной общей идеологии, нацелены на интеграцию отдельного гражданина в систему государствообразующего сообщества России.

Обобщая анализ по всем трём факторам, системно характеризующим состояние идеологической активности в России в формате общей идеологии, можно заключить, что идеологическая ситуация в России содержит противонаправленные тенденции, образующие различные составляющие процесса реидеологизации, его внутренние противоречия. Природа этих противоречий связана, прежде всего, с положением ст.13 Конституции РФ, которое воспринимается как абсолютный запрет институту государственной власти действовать в роли субъекта общей идеологии в России. Одновременно, на территории России в режиме «потребительского эмпиризма» достаточно активно действует общая идеология «западнизма», которая постепенно замещается контентом общей идеологии «новой перезагрузки», волевой центр идеологической деятельности которых находится на Западе. С начала 2000-х гг. начинает прослеживаться и другая тенденция – тенденция суверенной отечественной реидеологизации в формате общей идеологии, в основе которой можно увидеть общественный запрос на создание собственного, опирающегося на отечественные культурные традиции контента априорных ценностей. Первыми признаками этой тенденции стали идеи патриотизма и идея памяти о Великой Победе, которые обладают признаками, характерными для формата общей идеологии государства: они воспринимаются в качестве априорных, государствообразующих ценностей, опираются на определённые философско-мировоззренческие концепции (евразийство), они образуют элитарный контент, который распространяется в государстве в различных режимах активности, обеспечивающих максимально публичную информационную открытость этих идей в формах идеологически выверенных идейно-информационных влияний, нацеленных на интеграцию отдельного гражданина в систему государственно-образующего сообщества России. Названные идеи

выполняют в России значимые социальные функции, характерные для общей идеологии: они являются формой идейно-содержательного публичного выражения государственного суверенитета России, они обеспечивают выход России из идеологического диспаритета в системе глобального информационного противоборства с Западом, они определяют выбор технологий для массового информационного влияния на граждан страны, определяют идейные основания интеграции отдельного гражданина в государствообразующее сообщество России.

Опираясь на примеры идеологической ситуации в СССР периода «перестройки» и в современной России, можно заключить, что ключевые, значимые для внутренней устойчивости государства вопросы этой сферы связаны с диаметрально противоположными тенденциями идеологической активности в формате общей идеологии. В СССР (и в сообществе социалистических государств) возникает идеологический фактор внутреннего распада, поскольку на фоне ослабления влияния собственной идеологии советского коммунизма в формате общей идеологии, на его территории происходит нарастание идеологического влияния «западнизма», что ведёт к ослаблению интеграции отдельного «советского человека» в систему государствообразующего сообщества страны (в «советский народ»). Напротив, в современной России возникает идеологический фактор внутренней интеграции: на фоне влияния «западнизма» и замещающей его «новой перезагрузки» формируется тенденция возвращения собственной идеологической деятельности России в формат общей идеологии, что ведёт к усилению интеграции отдельного гражданина в государствообразующее сообщество России. В 2007-2012 гг. индикатором этой тенденции выступают идеи патриотизма и памяти о Великой Победе. Более детальное рассмотрение этих конкретно-исторических обстоятельств не входит в задачи настоящего исследования. Но этот вывод вновь приводит к ключевому философскому идеологическому вопросу: должны ли институты государственной власти России вновь освоить функцию субъекта общей идеологической деятельности?

В содержание этого вопроса входит достаточно глубокая дилемма, относящаяся к социальным технологиям, которые могут быть использованы для массового

распространения идеологически выверенного контента новой общей идеологии России. С одной стороны, это арсенал социальных технологий централизованного IT-цифрового контроля над оцифрованным обществом «аватаров» в сочетании с агностицистскими режимами информационного влияния, которые активно продвигаются Западом в рамках идеологии «новой перезагрузки» и радикально вытесняют все традиционные социальные механизмы распространения идеологически значимого контента. С другой стороны, – это арсенал технологий познавательного-воспитательного информационного влияния на общество живых социальных отношений, которые имеют отечественную традицию и могут сочетаться с новыми IT-технологиями.

Запад достаточно явно демонстрирует своё предпочтение агностицистски ориентированному IT-технологическому арсеналу, ведёт человека в мир, построенный по лекалам философии шюцианской повседневности, возведённой «невидимой рукой» идеологии «западнизма» в статус единственно значимой социальной реальности, соединяет этот мир с практиками массовой цифровизации коммуникаций повседневных индивидов, так что, отказаться от этого погружения в цифровую рутину индивид не может³²⁹. Вне цифрового мира человек не существует, идеология «новой перезагрузки» генерирует социальную дезинтеграцию в поле живых социальных отношений. Тенденция перехода западной информационно-идеологической системы из режима «потребительского эмпиризма» в режим «плутовства» определяется исследователями метафорой «цифровой ГУЛАГ»³³⁰. К конкретным проявлениям этой тенденции относится, например, факт отключения президента США от социальных сетей, имевший место в январе 2021 г. Он показал, как система цифрового контроля и цифровых ограничений, налагаемых на информационно-цифровые социальные коммуникации, может обрывать, полностью обнулять традиционные социальные (политические) отношения. Программно-идеологическое обоснование этой перспективы на ближайшее будущее представлено в докладе К.Шваба и К. Маллерета

³²⁹ Тихонова С.В., Фролова С.М. Цифровое общество и цифровая антропология. // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Педагогика. Психология». 2019. Т.19. Вып. 3. С.227-290. С.289.

³³⁰ Евсюткин Д. Цифровой ГУЛАГ имени Цукерберга. // Московский комсомолец. 10.05.2019. / URL: <https://www.mk.ru/social/2019/05/10/cifrovoy-gulag-imeni-cukerberga.html>

«КОВИД-19: Великая перезагрузка»³³¹. В свете выделенных выше четырёх режимов работы общей идеологии в структуре механизмов информационного влияния на социальную реальность, можно заключить: переход Запада от идеологии «западнизма» к идеологии «новой перезагрузки» одновременно сопровождается переходом действия общей идеологии из режима «потребительского эмпиризма» в режим «плутовства».

Рассматривая практики российской реидеологизации в поле четырёх базовых режимов работы общей идеологии в структуре информационных механизмов влияния на российскую социальную реальность, можно заключить следующее. В период 1990-х гг. советский режим идеологической деятельности сочетал принцип субъектности (идеология КПСС) и принцип раскрытия основ социально-исторического (революционного и коммунистического) бытия в сфере социального существования в режиме советской «пропаганды». Под влиянием идеологии «западнизма» режим действия общей идеологии стал трансформироваться в сторону режима «потребительского эмпиризма». В ряде постсоветских стран (Польша, Украина, Молдова и др.), где действие идеологии «западнизма» было переведено из режима «потребительского эмпиризма» в режим «пропаганды», была реализована государственная политика «десоветизации» и «декоммунизации». В России идеология «западнизма» действовала в режиме «потребительского эмпиризма», без государственного участия. Без государственного попечения остались и отдельные элементы советской коммунистической идеологии. В результате они утратили черты, характерные для формата общей идеологии, их действие трансформировалось в формат партийно-политической идеологии КПРФ и ряда других коммунистических партий.

Элементы новой общей идеологии России (идеи патриотизма и памяти о Великой Победе), появившиеся на исходе первого десятилетия 2000-х гг. активизировали общественное внимание к отечественной философской традиции³³² и стимулировали более интенсивные дискуссии о «русской идее» (А. Дугин), «русской мечте»

³³¹ Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Geneva: World economic forum. 2020. / URL: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_-The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf

³³² Шапошников Л.А., Пушкин С.Н., Сулима И.И. Философско-педагогические идеи в русской мысли XIX-XX веков. Избранные персоналии. М. - Н.Новгород: ФЛИНТА, Мининский университет. 2017. – 200 с.

(А. Проханов) и др. Анализ этого процесса в свете выделенных ранее четырёх дескриптивных подходов позволяет увидеть нелинейность становления режима действия новой общей идеологии в российском обществе. Прежде всего, конкретные примеры, в которых проявляется этот процесс, имеют субъектно оформленное действие государства, которое утверждает нормативно-априорный статус патриотизма и Великой Победы как государствообразующих ценностей, элитарный информационный контент которых распространяется в российском обществе в режимах максимальной публичной открытости, в различных формах идеологически выверенных информационных влияний, нацеленных на интеграцию отдельного гражданина в систему государствообразующего сообщества России.

Конкретные примеры начальной стадии формирования элитарного идеологического контента в формате общей идеологии и механизмов его распространения в обществе дают практики публичного представления посланий президента В.В. Путина Федеральному Собранию РФ. Содержательный материал посланий президента В.В. Путина является предметом коллективного сознательного восприятия. В медиадискурсе сложился соответствующий стереотип его символического массового восприятия. «Все, что заявлено, должно исполняться без всяких оговорок, ссылок и ведомственных толкований»³³³, - это утверждает общегосударственный, априорный статус идеологического контента. С одной стороны, контент посланий адресован политической и иным элитам, с другой стороны, он адресован широкой публичной аудитории граждан России. В обоих контентах все основные идеи облечены в форму априорных общегосударственных ценностей и целевых установок. В отношении этих контентов включается режим максимальной информационной открытости, который использует широкий диапазон механизмов доставки соответствующей информации до массовой публичной аудитории. Наиболее активно используются рекламно-информационные технологии: многократная повторяемость, многоканальный охват конечного получателя, когда однотипная информация распространя-

³³³ Послание президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.12.2013. // Российская газета. 282(6258). 13.12.2013. / URL: <https://rg.ru/2013/12/12/poslanie.html>

ется по всем СМИ, многократные комментарии и т.п., а также сетевые каналы информирования. От конечного получателя посланий ожидается сознательное отношение к приоритетным смыслам и целям и соответствующая деятельность по реализации смыслов и достижению целей.

Новая тенденция отечественной реидеологизации связана с формированием режима государственной идеологической деятельности, в которой вновь стали сочетаться принцип субъектности (в лице президента РФ В.Путина) с принципом сохранения связи социального существования гражданина России с основами его социально-исторического бытия (патриотизм, историческая правда). Анализ посланий президента РФ, сделанный с опорой на разработанное в диссертации понятие «общая идеология государства», позволяет выявить приметы новой, идеологической деятельности России в формате общей идеологии, а также позволяет выявить её особенности с точки зрения: а) специфики волевого /властного начала, б) специфики ценностных приоритетов идеологического контента, в) специфики способов распространения (омассовления) идеологического контента.

Исследование позволило выявить существенные структурные отличия нового априорного контента общей идеологии как от предшествующей советской коммунистической идеологии, так и от западных форм идеологической активности. Прежде всего, источником волевого / властного начала новой реидеологизации в формате общей идеологии является личная активность В.Путина, которая, однако, не фундирована устойчивой, профессионально проработанной платформенной философско-мировоззренческой системой, но опирается, скорее, на индивидуальную систему мировоззрения его личности (по-видимому, она определённым образом объединяет элементы светского и элементы религиозного, - православного, - мировоззрения). Во-вторых, государственный статус этой субъектности обусловлен тем, что В. Путин является президентом РФ, а априорный статус контента обеспечивается статусом «послания президента РФ». Специфика этой формы субъектности идеологической деятельности состоит в том, что при переходе поста президента РФ другому лицу, автоматической передачи «этой» идеологической деятельности не произойдёт. Сильная связь начального опыта общей идеологии современной России

с личностью конкретного человека (В. Путина) ослабляет возможность передачи «этого же» элитарного априорного идеологического контента и всего режима действия общегосударственной идеологической деятельности следующему поколению субъектов государственной власти России. Сильно выраженная связь общей государственной идеологической деятельности с конкретной личностью, с одной стороны, снабжает идеологический контент энергиями человечности, экспрессией убедительности, человеческой привлекательностью. С другой стороны, в целом волевой / властный элемент субъектной формы общегосударственной идеологической активности, находясь в сильной зависимости от личности субъекта идеологической деятельности, содержит риски ослабления, затухания активности, в ситуации перехода властного фактора (поста президента РФ) к иной личности.

Содержательное изучение ценностных приоритетов идеологического контента посланий Федеральному собранию РФ президента РФ В. Путина, позволяет отметить, что по наиболее важным признакам этот контент не является копией советской коммунистической идеологической системы и, в то же время, противопоставит как альтернатива содержанию идеологии «западнизма». Анализ текстов посланий 2012- 2020 гг. выявляет достаточно устойчивое присутствие смысловых элементов, отражающих различные аспекты связи сферы каждодневного существования граждан России с сущностными основами их социально-исторического бытия в России, в частности:

– идею фундаментальной значимости общих ценностей, идеалов (например, в Послании 2012 г.: «Если нация утрачивает *жизненные ориентиры и идеалы* (курсив наш, – Э.С.), ей и внешний враг не нужен, все и так развалится само по себе», «укреплять прочную *духовно-нравственную основу* (курсив наш, – Э.С.) общества»³³⁴;

– идею человека как субъекта деятельности, в т.ч. «сознательности» (например, в Послании 2014 г.: «Наша страна сделала это благодаря вам, граждане России. Благодаря вашему труду и тем результатам, которых мы добились вместе. Благодаря

³³⁴ Путин В.В. Послание президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012. / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/

вашему глубокому пониманию (курсив наш, – Э.С.) смысла и значимости общенациональных интересов»³³⁵;

– идею коллективной социально-исторической памяти (например, в Послании 2012 г.: «На наших встречах с участниками поисковых отрядов мы говорили о том, насколько важно беречь историческую ратную память Отечества»³³⁶; в Послании 2020 г.: «Мы обязаны защитить правду о Победе, иначе что скажем нашим детям, если ложь, как зараза, будет расползаться по всему миру? Наглому вранью, попыткам переиначить историю мы должны противопоставить факты»³³⁷;

– идею коллективной общероссийской идентичности (например, в Послании 2015: «Эти решительные действия поддержаны российским обществом. И в такой абсолютно определенной позиции наших граждан – глубокое понимание тотальной угрозы терроризма, проявление истинных *патриотических чувств* (курсив наш, – Э.С.) и высоких нравственных качеств, убежденность в том, что национальные интересы, свою историю, традиции, наши ценности нужно защищать»³³⁸. В Послании 2018 г.: «Сохранить свою *идентичность* (курсив наш, – Э.С.) крайне важно в бурный век технологических перемен, и здесь невозможно переоценить роль культуры, которая является нашим общенациональным цивилизационным кодом, раскрывает в человеке созидательные начала»³³⁹ и др. Приведённые примеры элементов идеологического контента посланий президента Федеральному собранию РФ отражают присутствие ряда идей, характерных для философии социального детерминизма: идеи фундаментальной значимости общих ценностей, идеи человека как субъекта деятельности, идеи коллективной социально-исторической памяти российского общества, идеи коллективной общероссийской идентичности. Эти идеи и ценности,

³³⁵ Путин В.В. Послание президента РФ Федеральному Собранию РФ от 04.12.2014./ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>

³³⁶ Путин В.В. Послание президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012. / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/

³³⁷ Путин В.В. Послание президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020. / URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

³³⁸ Путин В.В. Послание президента РФ Федеральному Собранию РФ от 03.12.2015. / URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>

³³⁹ Путин В.В. Послание президента РФ Федеральному Собранию РФ от 01.03.2018. / URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/

присутствуют также и в иных документах В.В. Путина: законодотворческих инициативах (в законе, о противодействии фальсификации истории³⁴⁰ и пр.), программных статьях, выступлениях, майских Указах президента РФ 2012 и 2018 гг., материалах ежегодных больших пресс-конференций В.В. Путина, «прямых линий» с населением, статьях и комментариях экспертов по соответствующим темам и, наконец, в Указе президента РФ о сохранении традиционных ценностей³⁴¹.

Специфика способов распространения (омассовления) контента элементов новой общей идеологии России сводится к тому, что информационные технологии используют высокий официальный статус послания президента РФ Федеральному Собранию, а также высокий социальный статус иных официальных документов, которым предоставлен режим максимальной публичной открытости через СМИ, официальный интернет-портал президента РФ, ряд сетевых медиа. В совокупности они образуют активную проводящую информационную сеть для контента общей идеологии, которая охватывает все регионы России. Ежегодные «прямые линии» и «большие пресс-конференции» действующего президента РФ позволяют видеть, что идеологическая деятельность В.В. Путина ориентируется на сознательное, осмысленное восприятие посланий со стороны конечного получателя информации, будь то рядовой гражданин, журналист или чиновник.

Анализ опыта идеологической деятельности президента В.В. Путина, который разворачивается на основе идей патриотизма и Великой Победы, свидетельствует о том, что Россия нуждается в создаваемой с участием государства априорной системе государствообразующих ценностей, элитарный информационный контент которой в форме официальных государственных документов распространяется в обществе в режимах максимальной публичной открытости через традиционные и новые сетевые СМИ и нацеливается на интеграцию отдельного гражданина в государствообра-

³⁴⁰ Указ Президента РФ "О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России" от 15.05.2003 N 549 (ред. от 08.09.2010) [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87873.

³⁴¹ Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809 [Электронный ресурс] <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>.

зующее сообщество России. Понятие «общая идеология государства» позволяет целостно воспринимать этот опыт и его социальное значение, а также позволяет выявить несколько дилемм, которые предстоит преодолеть по мере дальнейшего формирования системы общей идеологии в России. Во-первых, это дилемма режимов, в которых может действовать новая общая идеология: она может действовать в режиме «пропаганды» (при этом возникают риск догматизации, как это было с советской пропагандой), а также в «партисипаторном» режиме (это новый режим, который в России необходимо разработать самостоятельно, поскольку он не может быть заимствован у других стран). Во-вторых, это дилемма модели массового распространения идеологически выверенного контента; это может быть модель социального агностицизма, когда сознательное понимание идейного содержания от конечного информационного сигнала не требуется, предполагается только действия человека, соответствующее побуждающему влиянию идейного предписания, а интеграция в систему социума своей страны осуществляется «бессознательно». Это может быть познавательно-просветительская модель, которая строится на принципе разъяснения и убеждения, за которым предполагается внутреннее восприятие человеком предоставленного в-наличие идейного контента и осознанная интеграция его в систему социального порядка своей страны. В-третьих, есть дилемма в вопросе обеспечения элитарного априорного контента общей идеологии той или иной философско-мировоззренческой основой. В настоящее время такой основой является индивидуальное мировоззрение президента РФ В.В. Путина. Другой вариант – это системно проработанная платформенная философия, общепринятая в российском обществе, отвечающая цивилизационным особенностям России и современным условиям её существования. В этой ситуации есть два фактора потенциальной нестабильности содержательного наполнения контента общей идеологии: а) фактор зависимости идейного контента от индивидуальности конкретного государственного должностного лица может хаотично менять содержательное наполнение на каждой «идеологической» должности «в меру разумения» каждого отдельно взятого чиновника, что будет приводить к личной «вкусовщине», ситуативной зависимости от

личных интересов и пр., а в конечном итоге – растворению и «обнулению» идеологического влияния в структуре повседневных индивидуальных интересов; б) фактор зависимости контента от своеобразного монополизма государства, что будет приводить к догматизации элитарного априорного контента, и как следствие к его «отставанию» от социальной реальности.

Оптимальное решение названных проблем, успешное обеспечение стратегической устойчивости и одновременно пластической динамичности содержания общей идеологии представляется в перспективе утверждения «партисипаторного» режима её действия в российском обществе. Это предполагает, что разработка априорного контента общей идеологии осуществляется на основе социального партнёрства института государства (в лице президента РФ, как это уже сложилось на практике) и уполномоченных профессиональных институций коренного гражданского общества России (в лице, например, специализированного общественного экспертного совета, объединяющего специалистов-гуманитариев). «Партисипаторный» режим присутствия и влияния общей идеологии на российское общество представляется более перспективным, чем все остальные режимы, поскольку он позволит гармонизировать общую идеологию, и как форму государственной активности, и как форму общественной, экспертной активности, обеспечит существование одного и того же комплекса государствообразующих ценностей как в виде «государственных», так и в виде «общественных».

Анализ модели массового распространения идеологического контента посланий и указов президента РФ, позволяет выявить характеристики, которые позволяют отнести её к категории «познавательно-просветительской». В частности, действующие практики работы с контентом посланий и указов президента РФ предполагают использование социальных технологий воспитательного воздействия, системное возвращение которых начинается и на уровне средней школы³⁴². Познавательно-просветительские социальные технологии, активно используемые на площадках

³⁴² Введение понятия «воспитание» в Федеральный Закон «Об образовании» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. с изменениями в п.2 от 01.09.2020; введение с 2021 г в школах России должности советника директора школы по воспитательной работе и пр.

«Кванториумов», «Хакатонов», «Движения первых», «Общества «Знание» и др. поддерживают сознательное восприятие получателя идеологически значимой информации, а также предполагают сознательную интеграцию личности гражданина в систему ценностей российского общества. Перспектива состоит в том, что «познавательно-просветительская» модель стала приоритетной для развития системы идеологической деятельности России в формате общей идеологии.

В свете приоритетности «партиципаторного» режима влияния общей идеологии на общество и «познавательно-просветительской» модели распространения массового информационно-идеологического контента, дилемма обеспечения общей идеологии собственной философско-мировоззренческой основой, как представляется, должна решаться в пользу перспективы формирования полноценной, системно проработанной философско-мировоззренческой основы, которая отражает представления о диалектике социального существования и социально-исторического бытия человека и общества, о строении и перспективах развития социальных отношений, в т.ч. в современную эпоху информационного общества. Анализ развития философских представлений о природе причинно-следственных отношений в обществе, критический анализ оснований советской коммунистической идеологии, идеологии «западнизма» и идеологии «новой перезагрузки», сделанный во второй главе нашего исследования, позволяет полагать, что для полноценного развития новой отечественной общей идеологии государства необходимо системное и разностороннее развитие философии социально-антропологического детерминизма. Отдельные её элементы, как было показано в первой главе, сформировались в советский и постсоветский период нашей истории, они разрозненно присутствуют в поле современного философского плюрализма. Решение дилеммы обеспечения новой общей идеологии государства российского собственной философско-мировоззренческой платформой предполагает системную интеграцию разрозненных философских идей, в т.ч. разработанных в 20 – начале 21 вв. в целостную, разносторонне разработанную философско-мировоззренческую систему на онтологических основаниях социально-антропологического детерминизма. В отличие от советского диалектического материализма, утверждавшего идею атеистического общества, новая философско-

мировоззренческая основа общей идеологии для многоконфессиональной России должна гармонично интегрировать в своей структуре как светские, так и религиозно-философские мировоззренческие представления о роли человека в обществе, о механизмах его влияния на общество.

Исследование социальной роли посланий президента РФ Федеральному собранию РФ, ряда иных регулярных документов и событий, которые вплетены в публичную жизнь общества, в жизнь политических элит, в жизнь больших масс граждан России позволяет выявить в них признаки действия новой идеологической деятельности в России, которая может быть определена понятием «общая идеология государства». Значение, роль посланий президента РФ 2012-2020 гг., майских Указов президента РФ 2012, 2018 гг. сводится к тому, что они маркируют общероссийские априорные ценностные приоритеты, на которые должны ориентироваться все граждане. При этом среди технологий, с помощью которых происходит распространение информационно-идеологического контента, присутствуют разъяснительные, просветительские (специальные теледебаты в СМИ, специальные экспертные комментарии и пр.), воспитательные технологии, предполагающие сознательное восприятие идей со стороны граждан. Перечисленные особенности позволяют заключить, что актуальный процесс отечественной реидеологизации отражает присутствие тенденции становления «партисипаторного» режима идеологической деятельности в России в формате общей идеологии государства.

Конкретным примером тенденции формирования априорного контента общей идеологии государства в России стала идея ценности традиционной многодетной семьи. Она проделала путь из общепринятой в России ценностно-мировоззренческой установки в контент ряда посланий президента РФ Федеральному собранию РФ 2007 – 2020 гг., а затем вошла в текст поправок в Конституцию РФ 2020 г. через понятие «брак – это союз мужчины и женщины» (Ст. 52). На этом примере видно, что контент общей идеологии не вступает в противоречие со Ст.13 о «запрете идеологии». Формат общей идеологии государства лежит «выше» плоскости различных партийно-политических идеологий, о которых по сути говорится в Ст.13. Референ-

дум по поправкам в Конституцию РФ является элементом «партисипаторного» режима действия общей идеологии, он дополняет новый формат системы идеологической деятельности России, соответствующий понятию «общая идеология государства». Не менее конкретным элементом этого контура выступает контент Указа президента РФ о сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей³⁴³, подписанного в 2022 г. Указ непосредственно соотносит традиционные духовно-нравственные ценности и цивилизационную идентичность всех граждан России, единое культурное пространство, многонациональность: «традиционные ценности - это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе российской цивилизационной идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство), нашедшее своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России», - говорится в п. 1.3. этого документа. Не трудно показать, что перед нами фрагмент априорного идеологического контента, который распространяется в режимах максимальной открытости идеологически выверенных информационных влияний, нацеленных на интеграцию отдельного гражданина в систему государствообразующего сообщества России. Идея духовно-нравственных ценностей – это ещё один элемент формирующейся системы общей идеологии в России, и практики работы с ним позволяют заключить, что присутствие, действие системы общей идеологии де-факто не противоречит Ст.13 Конституции РФ. Кроме того, послания президента РФ Федеральному собранию РФ, Указы президента РФ, Конституция РФ – всё это элементы государственно-институционального базиса новой общей идеологии России. Наш подход в понимании институционального базиса общей идеологии опирается на философский анализ, который отражён в ряде статей проф. А.В. Дахина³⁴⁴. Со ссылкой

³⁴³ Указ президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022. № 809.

³⁴⁴ Дахин А.В. Правовая норма, идейная позиция государства и мировоззренческий выбор в современном социальном контексте // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Изд. Ниж.Академия МВД. 2018. № 1(41). С.286; Дахин А.В. Россия как много-

на проработанную Э.В. Ильенковым философию «идеального», А.В. Дахин показывает, что «русская идея», которую повсюду ищут философы и политики, нашлась «сама». Она обрела свое «специфическое эквивалентное бытие в тексте современной Конституции России»³⁴⁵. Наше исследование позволяет подтвердить, что в контур государственного институционального базиса общей идеологии входят нормативные документы трёх видов: послания президента РФ Федеральному собранию РФ, указы президента РФ, федеральные законы РФ и Конституция РФ. Они образуют взаимосвязанную цепочку, по которой элементы общей идеологии из состояния общепринятых в России «объединительных идей» переходят в состояние контента соответствующего нормативного документа. Вершиной движения по этой траектории является отражение «объединительной идеи» в тексте Конституции РФ. Сходная мысль была высказана в послании президента РФ Федеральному собранию РФ в 2013 г.: «В Конституции сформулированы ключевые национальные объединительные идеи»³⁴⁶. В утверждении, в стабильном функционировании такой цепочки институционализации «объединительных идей» мы видим прообраз устойчивой системы участия государства как субъекта идеологической деятельности в формате общей идеологии страны. Конституция РФ может рассматриваться в качестве институционального базиса новой общей идеологии государства в России, содержательный контент ключевых понятий которой («человек», «государство», «многонациональный народ», «светское государство», «социальное государство», «брак» и

национальный народ: конституционная норма, философия и идентичность в информационном обществе. // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1(49). 2020. С.210-217; Дахин А.В. Народы СССР и народ Российской федерации: теория и практика определения государствообразующего сообщества. // История и политика: Национальный вопрос и национальная идея в многонациональном государстве: проблемы, решения, опыт, перспективы. Сборник научных статей. Н.Новгород: НИУ РАНХиГС. 2023. С.151-159.

³⁴⁵ Дахин А.В. Правовая норма, идейная позиция государства и мировоззренческий выбор в современном социальном контексте // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Изд. Ниж.Академия МВД. 2018. № 1(41), с. 287.

³⁴⁶ Послание президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.12.2013 г. // Российская газета. № 282(6258). 13.12.2013. URL: <https://rg.ru/2013/12/12/poslanie.html>

др.) должен опираться на единую философско-мировоззренческую основу³⁴⁷. И это де-факто не противоречит Ст.13 Конституции РФ.

Проблема статьи 13 Конституции РФ состоит в том, что «утверждая идейные приоритеты государства, Конституция определяет вполне определенные государствообразующие идеологические установки: на многонациональность, на социальное государство и пр. В свете этого подхода упомянутые выше пункты 1, 2 статьи 13 выглядят как противоречие идейной миссии Конституции. Проблема видится в том, что данная статья находится в противоречии с «идейно-социальной миссией Конституции»³⁴⁸, которая должна фиксировать высший общегосударственный нормативный статус «объединительных идей», образующих в совокупности априорный контент общей идеологии государства. Не достаточно точная формулировка ст.13 связана с тем, что представления об общей идеологии государства (в отличии от групповой, партийно-политической идеологии) в нашей и в западной науке не проработаны. Поэтому законодательницы разницы между понятиями «партийно-политическая идеология» и «общая идеология государства» не видит, считает все проявления идеологической деятельности исключительно партийно-политическими, групповыми идеологиями. Рассмотренное в нашем исследовании понятие «общая идеология государства», его глубинная связь с целостностью государственного суверенитета, а также анализ опыта формирования элементов новой общей идеологии России (на примере ценностей «патриотизма», «памяти о Великой Победе», «брака» и семьи) показывают, что де-факто система общей идеологии государства не вступает в противоречие со Ст.13, - то есть не исключает правомерности присутствия в стране разнообразия групповых партийно-политических идеологий. Введение в научный оборот понятия «общая идеология государства» в перспективе может позволить внести в Конституцию более точно сформулированный текст статьи 13, которая, будет

³⁴⁷ Дахин А.В. Правовая норма, идейная позиция государства и мировоззренческий выбор в современном социальном контексте // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Изд. Ниж.Академия МВД. 2018. № 1(41). С.286.

³⁴⁸ Дахин А. В. Россия как демократическое государство: философия, идеология, Конституция. // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1(61). 2023. С.165-169. С.169.

более чётко отражать идею запрета на становление государственного идеологического монизма советского образца, более чётко будет характеризовать статус общей идеологии государства, уже присутствующей в Конституции в таких общепринятых в России идейно-значимых понятиях, как «многонациональное государство» (а не моно-национальное), «светское государство» (а не теократическое), «демократическое государство» (а не диктатура) и пр., а также сохранит ценностную установку на правомерность существования в России разнообразия групповых партийно-политических идеологий.

Перспектива освоения «партиципаторного» режима действия отдельных «объединительных идей» и целостной системы общей идеологии в России предполагает их институционализацию в структурах коренного гражданского общества России, предполагает обретение ими контура общественного институционального базиса. Его основу могут составлять отечественные профессиональные сообщества представителей гуманитарных наук, которые прорабатывают философско-мировоззренческие смыслы для элитарного априорного контента общей идеологии, методами профессиональной гуманитарной науки обеспечивают адекватность «картины мира» и самого меняющегося мира современного общества, сохраняя при этом основу всей системы координат, в центре которой живой, традиционный, природный, культурный и духовный человек и мир его живых социальных отношений. Примером и прообразом этой составляющей контура институционализации содержания и формализации контента общей идеологии может служить проект «ДНК России», реализованный в 2021-2023 гг. Он был нацелен на создание контента новой гуманитарной дисциплины для системы высшего профессионального образования «Основы российской государственности» и на создание профессионального сообщества преподавателей этой дисциплины. Формы работы с профессиональными сообществами учёных-гуманитариев и преподавателей-гуманитариев, темпоритм этой работы, формы обратной связи, которые использовали организаторы, - всё это было подчинено задаче определения, оформления в специальный контент, омассовления ещё одной «объединяющей идеи»,

ещё одного элемента общей идеологии, - идеи о том, что государство является традиционной ценностью нашего общества. Как часть новой общей идеологии России, эта идея институционализована, прежде всего, профессиональным гуманитарным сообществом России. Государственное участие состоит в том, что новая дисциплина введена в качестве обязательной для всех государственных программ высшего образования. Это ещё один конкурентный элемент «партисипаторного» режима действия общей идеологии, в котором проявляется и роль общества, и роль государства как субъектов общей идеологии в России. При этом можно утверждать, что идея о государстве как традиционной ценности российского общества, равно как и другие, ранее отмеченные отдельные составляющие новой общей идеологии, де-факто нисколько не препятствует существованию разнообразия партийно-политических идеологий в России.

Полнокровная реализация новой тенденции идеологической деятельности в России в формате общей идеологии государства в перспективе предполагает более уверенный перевод отечественной информационно-идеологической деятельности государства из режима «пропаганды», который активизирован с 2015 г., а в период СВО действует особенно остро, в режим «партисипаторный». Для обеспечения устойчивой перспективы доминирующая в настоящее время форма публичного представления элементов априорного контента общей идеологии, связанная с посланиями президента РФ должна быть дополнена широким рядом иных форм, представляющих также и негосударственное, общественное участие в работе с априорным контентом общей идеологии в различных социальных сообществах граждан России. С учётом того, что Конституция РФ является высшим уровнем институционализации «партисипаторного» консенсуса государства и общества России по смыслам и априорному контенту общей идеологии, перспектива освоения «партисипаторного» режима действия общей идеологии может быть реализована через взаимосвязь следующих регулярных социальных процессов:

1) ежегодная актуализация тех или иных идейных установок Конституции через послания президента РФ Федеральному собранию РФ;

2) публичное продвижение контента Указов президента РФ, уточняющих содержание отдельных государствообразующих конституционных понятий посредством просветительских информационных технологий;

3) публичное обсуждение и референдумы по принятию поправок к Конституции РФ, уточняющих содержание отдельных государствообразующих ценностей;

4) регулярная экспертная проблематизация и дискуссии для определения вопросов, по которым требуется уточнение смыслов тех или иных идейных положений Конституции³⁴⁹;

5) регулярная философская профессиональная и публичная рефлексия по уточнению мировоззренческих смыслов конституционных понятий, опирающихся на философские идеи социально-антропологического детерминизма;

6) регулярный экспертный и публичный диалог мировоззрений по вопросам определения общепринятых для России смыслов ключевых «объединительных понятий»;

7) государственно-общественная программа идеологической деятельности, ориентированная на массовое просвещение населения в вопросах идейно-ценностного содержания Конституции РФ;

8) выделение мировоззренческого знания в качестве социально значимого компонента социализации личности, гражданской общероссийской идентичности современного гражданина России, повышение роли гуманитарных дисциплин в системе высшего образования;

9) общегосударственная программа воспитательно-идеологической деятельности в системе учреждений образования разного уровня, направленных на интегрированную связь ценностного контента Конституции со структурой гуманитарных образовательных программ, формирующих мировоззрение и общероссийскую идентичность гражданина России;

10) регулярная критическая полемика с идеологическими влияниями, продвигающими идеи и ценности недружественных государств и мировоззренческие идеи

³⁴⁹ Чигринов С.П. Конституционная идентичность и конституционное развитие в XXI в. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С.32-38.

философии социально-антропологического и социально-технократического конструктивизма, направленными на разрушение системы интеграции гражданина России в систему государствообразующего сообщества своей страны.

Обобщая результаты исследования третьей главы, можно заключить:

1. В мире суверенных государств, находящихся в состоянии информационного противоборства, общая идеология действует как неотъемлемый элемент информационного влияния на социальную реальность современного общества и представляет собой специфическую (идеологическую) форму публичного, целостного выражения государственного суверенитета страны. В контексте связи с суверенитетом государства в совокупном поле идеологической активности на территории страны выделяется особый формат идеологической деятельности, который определяется понятием «общая идеология государства»: это мировоззренчески фундированная априорная система государствообразующих ценностей, элитарный априорный контент которой распространяется в государстве в режимах максимальной публичной информационной открытости в формах идеологически выверенных механизмов информационного влияния, которые могут иметь различные режимы активности и нацелены на интеграцию отдельного гражданина в систему государствообразующего сообщества страны.

2. Раскрытие особенностей соединения элитарного априорного контента общей идеологии с философско-мировоззренческими основаниями и с особенностями технологий влияния на общество, позволило выделить основную альтернативу, которая определена понятиями «гомогенная информационно-идеологическая система» и «гетерогенная информационно-идеологическая система». Понятие «гомогенная информационно-идеологическая система» отражает устойчивое, внутренне цельное, непротиворечивое состояние государственной идеологической деятельности в стране, когда и элитарный идеологический контент, и механизмы его массового распространения отражают установки одних и тех же философско-мировоззренческих оснований. Понятие «гетерогенная информационно-идеологическая система» характеризует неустойчивое, ослабленное, внутренне противоречивое состояние систем активности в формате общей идеологии государства, когда элитарный

идеологический контент и механизмы его массового распространения отражают установки различных вплоть до противоположности философско-мировоззренческих оснований. Сами механизмы информационного влияния на современную социальную реальность, вовлечённые в современное глобальное информационное противоборство Запада и России, также определены через альтернативу, противостояние «агностицистской» и «познавательной-просветительской» модели информационно-технологического влияния.

3. Инструментализация представленного выше понятия «общая идеология государства» позволяет выделить следующие рамочные факторы, которые обеспечивают целостность прикладных исследований современного состояния общей идеологии различных государств в ситуации противоборства их информационных влияний на социальную реальность: а) фактор волевых центров суверенитета, концентрирующих усилия для создания элитарного идеологического контента, их пространственная дислокация в стране; б) фактор априорных ценностей, в отношении которых реализуются механизмы максимальной публичной открытости в стране; в) фактор массового информационного влияния на отдельного гражданина, действие которого направлено на его интеграцию в систему государствообразующего сообщества страны. Комбинация этих факторов позволяет дать детальный анализ режимов и охарактеризовать состояние идеологической деятельности страны в формате общей идеологии государства.

4. Российская идеологическая ситуация 1990-х гг. характеризуется как реидеологизация, в рамках которой происходил переход от советского режима «пропаганды» к западному режиму «потребительского эмпиризма» в основе которого лежал гиперкритический отказ от отечественной платформенной философии советского исторического материализма и некритическое принятие западной платформенной философии социально-антропологического конструктивизма. Состояние поля общей идеологии характеризуется как гетерогенное: государство России отказывается от идеологической деятельности в формате общей идеологии, доминирующее положение занимают светские центры информационно-идеологического влия-

ния Запада, а также отечественные и зарубежные центры религиозно-идеологического влияния, дробившие поле общей идеологии в России на идейно конфликтующие информационно-идеологические страты. Это создавало идеологически обусловленные риски фундаментальной социальной дезорганизации в российском обществе. Идеологическая ситуация 2000–2022 гг. характеризуется новой тенденцией реидеологизации, которая демонстрирует признаки становления новой общей идеологии государства, новые формы участия государства и коренного гражданского общества России в этом формате идеологической деятельности. Основная особенность новой реидеологизации в России состоит в том, что новые элементы элитарного априорного идеологического контента (патриотизм, память о Великой Победе) представляют собой специфическую (идеологическую) форму выражения воли государственного суверенитета России. Вместе с тем, тенденция становления новой отечественной общей идеологии государства, во-первых, противостоит западной системе реидеологизации, распространяющей априорный идеологический контент «западнизма», «новой перезагрузки» и нацеленной на интеграцию гражданина России в систему западного социума; во-вторых, она демонстрирует связь государствообразующих идей нового контента общей идеологии с мировоззренческими составляющими философии социально-антропологического детерминизма (человек – как высшая ценность общества, всестороннее развитие личности, сохранение исторической памяти, сохранение духовно-нравственных ценностей и др.); в-третьих, она отражает тенденцию совершенствования в России публичных информационных технологий, которые определены понятием «познавательно-просветительские». В целом же состояние поля общей идеологии в России остаётся гетерогенным: сохраняется присутствие информационных механизмов влияния на общество, определённых понятием «агностицистские» и отражающих влияние идейных приоритетов «западнизма» и «новой перезагрузки».

Современная идеологическая ситуация в России характеризуется также и тем, что собственная философско-мировоззренческая система на началах философии социально-антропологического детерминизма, которая необходима для содержательного наполнения и оформления целостного элитарного априорного контента новой

общей идеологии государства в России, не имеет целостного и логически законченного оформления, находится в состоянии становления. На фоне системно организованного идейного и технологического оснащения идеологической активности Запада, как показало исследование, Россия выглядит идеологически недооснащённой, а ситуация информационного противоборства с Западом характеризуется понятием «идеологический диспаритет». Оно отражает роль и режимы активности в формате общей идеологии, когда для массового распространения идеологически выверенного информационного контента используются механизмы «мягкой силы», когда влияние нацелено на умы граждан стран, находящихся в информационном противоборстве друг с другом. «Идеологический диспаритет» отражает также и то, что Россия пока что уступает Западу в этом формате идеологической деятельности.

5. На современном этапе российской реидеологизации выявлен прецедентный, новый опыт идеологической деятельности президента РФ В.В. Путина, выдвинувшего идеи «патриотизма» и «памяти о Великой Победе» в качестве «объединительных идей». Обе идеи представляют собой первые идеологические элементы, действующие в формате общей идеологии России. Вокруг этих идей формируется новый априорный контент общей идеологии государства, частью которого являются послания Президента РФ Федеральному собранию РФ. Исследование текстов посланий Президента РФ 2012- 2020 гг. показало связь идейных установок нового контента общей идеологии современного российского государства с мировоззренческими идеями философии социально-антропологического детерминизма, а тенденция развития этого опыта идеологической деятельности в формате общей идеологии позволяет выделять признаки становления «партисипаторного» режима информационно-идеологического влияния, который рассматривается в качестве приоритетной тенденции современной отечественной общегосударственной реидеологизации в горизонте 21 века. Для обеспечения устойчивости этой перспективы необходим принцип общественного участия в работе с общей идеологией, который в перспективе открывает возможность представителям сообществ отечественных гуманитариев участвовать в формировании элитарного априорного идеологического контента, до-

полнять, гармонизировать с принципом государственного участия, который обеспечит государственную опору системе общей идеологии России, построенную на началах философии социально-антропологического детерминизма. На конкретных идеях, образующих новый априорный контент общей идеологии России (идея патриотизма, идея памяти о Великой Победе, идея брака, как союза мужчины и женщины, идея государства, как традиционной ценности в России) показано, что присутствие и действие формата общей идеологии государства де-факто не исключает правомерности присутствия разнообразия групповых, партийно-политических идеологий России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование современных практик влияния человека на социальную реальность, на общественные процессы, на поведение больших масс людей раскрывает актуальные вопросы о роли информационных технологий в обеспечении идеологической активности современного общества. Напряжённые глобальные отношения «великих держав», а также фундаментальные философские дискуссии о природе человека и общества, об образах их будущего актуализируют область идейной конкуренции, «борьбу идей», что является одной из причин обострения идеологического противоборства стран Запада и России за умы российских граждан. Настоящее исследование, сфокусированное на целостном социально-философском типологическом анализе идеологической деятельности в формате общей идеологии, включённой в противоборство информационных влияний на социальную реальность современного общества, позволило обосновать социальную значимость формата общей идеологии государства, как формы специфического (идеологического) выражения его суверенитета, определить специфику внутреннего строения системы общей идеологии государства, раскрыть диалектику его связи с прямой активностью государства в качестве субъекта идеологической деятельности в стране. В ходе исследования были решены все исследовательские задачи, определённые во введении. В частности, в первой главе проанализированы основные подходы к рассмотрению природы социального влияния на общество в их взаимосвязи с философскими представлениями о природе социальной реальности, также был дан критический анализ философско-методологических подходов, исключаящих социального субъекта из эвристических форматов концептуализации механизмов влияния на социальную реальность.

В результате было показано, что неотъемлемым элементом общественных отношений в мире суверенных политических образований является такое влияние на социальную реальность, которое осуществляется в формате общей идеологии. Содержание общей идеологии меняется от эпохи к эпохе, но базовые особенности связи контента идейного влияния на людей с целью интеграции их в сообщество

суверенного политического образования, сохраняются до настоящего времени, где принимают форму, которая определена понятием «общая идеология государства». При критическом исследовании составляющих глобального социально-философского плюрализма, определяющего контенты современной общей идеологии стран – участниц «холодной войны», в качестве основного ракурса анализа были выбраны представления о механизмах влияния на современное общество и на место, роль человека в них. В свете этого подхода выявлены четыре платформенные философские системы, которые активно связаны с практиками информационного противоборства Запада и СССР/ России в 20 – начале 21 в.в.: философия советского исторического материализма, философия социально-технократического конструктивизма, философия социально-технократического конструктивизма и философия социально-антропологического детерминизма, определены их основные различия и сходство. Выявлена дилемма представлений об информационных механизмах влияния на социальную реальность, одни из которых обеспечивают раскрытие сущностных оснований социально-исторического бытия людей в сфере их социального существования («познавательно-просветительская» модель информационного влияния), а другие – блокируют связь социального существования больших масс людей с сущностными основами их социально-исторического бытия («агностицистская» модель информационного влияния).

Во второй главе исследования проанализировано действие общей идеологии государства в поле современных влияний, направленных на преобразование социальной реальности, в т.ч. показано, что внутри страны общая идеология государства обеспечивает интеграцию отдельного гражданина в систему государствообразующего сообщества, а в отношениях с другими странами, используя механизмы «мягкой силы», общая идеология государства может обеспечивать интеграцию граждан других стран в сферу своего социально-политического влияния. Особенности и формы связи общей идеологии с технологиями информационного влияния в поле информационного противоборства Запада и СССР/России в 20 - начале 21 вв. было сфокусировано на трёх примерах идеологической деятельности, соответствующей

формату общей идеологии: советской коммунистической идеологии, идеологии «западнизма» (термин А. Зиновьева), идеологии «новой перезагрузки» (К. Шваба). Каждая система общей идеологии имеет в своей основе ту или иную платформенную философию: философия советского исторического материализма лежала в основе общей идеологии СССР (коммунистической идеологии), философия социально-антропологического конструктивизма лежала в основе «западнизма», а философия социально-технократического конструктивизма фундирует новую общую идеологию «новой перезагрузки», которую страны Запада продвигают на смену «западнизму» эпохи индустриального общества. Информационное противоборство Запада и СССР в 20 в. охарактеризовано как идеологический паритет, поскольку общая идеология Запада («западнизм») противостояла общей идеологии СССР (коммунизм). Информационное противоборство Запада и России в начале 21 века охарактеризовано как идеологический диспаритет, поскольку оснащённый старой общей идеологией «западнизма» и новой общей идеологией «перезагрузки» Запад атакует Россию, лишённую «симметричного» арсенала собственной общей идеологии. Это обосновывает положение о том, что современная Россия остро нуждается в формировании собственной идеологической активности в формате общей идеологии государства.

Исследование внутреннего строения общей идеологии привело к выводу о том, что в этом формате действия идеология предлагает априорное видение ценностей общества и перспектив его развития. Детальное исследование общей идеологии в структуре противоборствующих информационных механизмов влияния на социальную реальность позволило выделить и определить четыре дескриптивных поля исследования и четыре режима работы общей идеологии в современном обществе (режим «пропаганды», режим «потребительского эмпиризма», режим «плутовства», «партиципаторный» режим). Взятые в совокупности, дескриптивные поля обеспечивают возможность целостного, комплексного изучения и понимания социальной роли общей идеологии в современном суверенном государстве. Четыре режима действия общей идеологии рассмотрены на примерах, относящихся к информационному противоборству Запада и СССР/ России в 20 – нач.21 вв.. В этом контексте

показано, что общая идеология советского коммунизма действовала в режиме «пропаганды», общая идеология «западнизма» действует в режиме «потребительского эмпиризма», общая идеология «новой перезагрузки» осваивается в режиме «плутовства». В этом контексте ставится вопрос о режиме действия общей идеологии для современной России, а также аргументируется подход, согласно которому для России наиболее перспективным является «партисипаторный» режим действия общей идеологии государства.

В третьей главе исследования решены задачи концептуализации понятия «общая идеология государства», представлений о значимости её социальной роли в структуре противоборства технологий информационного влияния на социальную реальность на уровне суверенных государств, рассмотрены вопросы инструментализации этих представлений для анализа особенностей идеологической ситуации в России. Применение инструментального, прикладного потенциала понятия «общая идеология государства» для анализа российской идеологической ситуации 1990-х – 2020-х гг. позволило выявить прецедентный опыт идеологической деятельности президента РФ В.В. Путина, послания которого Федеральному Собранию РФ образуют специфическую априорную систему ценностей, элитарный информационный контент которой, – тексты Посланий, официальные комментарии и пр., – распространяется в обществе в режимах максимальной публичной открытости через федеральные СМИ в формах выверенных первичных информационных волн воздействия, предполагающих в качестве конечного результата интеграцию отдельного гражданина в систему государствообразующего сообщества России. Развитие суверенной идеологической активности государства России в формате общей идеологии связывается с перспективой внедрения «партисипаторного» режима государственной информационно-идеологической деятельности в качестве доминирующего. Анализ привёл к выводу, что ключевые моменты этой идеологической активности соответствуют характеристикам идеологической деятельности в формате общей идеологии государства. Показано, что конкретные идеи, которые могут быть отнесены к априорному идеологическому контенту новой общей идеологии России, это

идея «патриотизма» и идея «памяти о Великой Победе» и др., которые, с одной стороны, представляют собой новую (идеологическую) форму выражения государственного суверенитета России, а с другой стороны, их массовое идеологически выверенное распространение в российском обществе обеспечивает связь каждодневного существования людей с сущностными основаниями их социально-исторического бытия и активно способствует интеграции отдельного гражданина в систему государствообразующего сообщества России.

Исследование текстов посланий Президента РФ В.В. Путина за 2012- 2020 гг. показало связь идейных установок элементов нового контента общей идеологии современного российского государства с мировоззренческими идеями философии социально-антропологического детерминизма, а тенденция расширения механизмов массового распространения идеологически выверенного контента соответствует признакам «партисипаторного» режима информационно-идеологического влияния, который рассматривается как приоритетная тенденция современной отечественной общегосударственной реидеологизации в горизонте 21 века. Вероятность сдвига социального функционирования новой общей идеологии в режим «пропаганды» не рассматривается как перспективное направление, поскольку содержит риски догматизации элитарного априорного контента, риски острых внутренних идейно-мировоззренческих противоречий, которые будут снижать уровень интеграции государствообразующего сообщества в России. Для обеспечения устойчивости «партисипаторного» режима действия общей идеологии в России необходимо, чтобы личностно-инициативный принцип работы общей идеологии, который в перспективе открывает возможность представителям сообществ отечественных гуманитариев участвовать в формировании элитарного априорного идеологического контента, был дополнен, гармонизирован с принципом государственно-институциональной работы с общей идеологией. В этом контексте отмечена роль Конституции РФ как высшего государственно-институционального уровня оформления государствообразующих ценностей, входящих в элитарный априорный контент общей идеологии государства и предложено десять социальных процессов, в которых может быть реализован «партисипаторный» режим идейно-информационного влияния

на российское общество. На конкретных примерах показано, что присутствие и действие формата общей идеологии государства (идея патриотизма, идея брака как союза мужчины и женщины и др.) де-факто не исключает правомерности присутствия разнообразия групповых, партийно-политических идеологий России

В ходе исследования выявились проблемы, требующие дальнейших исследований. В частности – это проблема слабой проработанности, системой связанности, цельности философской платформы социально-антропологического детерминизма. Отечественная альтернатива западному идеологическому влиянию, признаки которой хотя и обнаружены в России, не является устойчивой. Для продвижения в этом направлении требуется, чтобы дальнейшая разработка отечественной целостной философско-мировоззренческой системы представлений о современной социальной реальности, представлений о приоритетных механизмах информационного влияния на социальную реальность российского общества, формировалась с учётом особенностей мировоззренческих систем традиционных религиозных конфессий России. Другая проблема, которая требует дальнейшего исследования, — это социально-политические условия, необходимые для успешной перспективы освоения «партиципаторного» режима действия общей идеологии, для определения роли государства и роли негосударственных профессиональных объединений представителей гуманитарной отечественной науки, как субъектов разработки, сохранения, развития элитарного априорного контента общей идеологии в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Книги (монографии, учебники, учебные пособия, словари)**

1. Абельс, Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию /Х.Абельс. - Пер. с нем. Н.А.Головина и В.В.Козловского. С-Пб.: Изд-во «Алетейя», 2000. – 442 с.
2. Абросимова, И.А. Информационный подход в стратегиях формирования нового типа социальной реальности / И.А.Абросимова, Н.В.Ахантьева, Ж.Ю.Бакаева и др. – Саранск: ЮрЭксПрактик, 2019. – 118с.
3. Августин. Время и жизнь/Августин. –М.: «Проспект», 1997. – с.395
4. Аверьянов, В.В. Русская доктрина. Государственная идеология эпохи Путина / В. В. Аверьянов. - Москва: Ин-т русской цивилизации, 2016. – 1045с.
5. Аквинский, Ф. Сумма теологии/Ф.Аквинский. –М.: Изд-во РАГС, 2006. – с.181.
6. Актуальные проблемы социальной философии. Тезисы XI Ежегодной научно-практической конференции Кафедры философии РАН, Москва, 2-3 февраля 1998 г. – М.: Изд-во ИФРАН, 1998.
7. Александров, В. Б. Тема социальной реальности в русской философской мысли / В.Б.Александров// Управленческое консультирование. – 2010.- № 1. - С.208.
8. Алимарин, С.И. Социальная реальность / С.И.Алимарин. - М.: Вест-Консалтинг, 2011. – 48с.
9. Андронникова, О.О. Современная социальная реальность: вызовы, риски, перспективы / О. О. Андронникова, Л. Б. Шнейдер, О. А. Белобрыкина. - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. - 129 с.
10. Антоновский, А.Ю. Социоэпистемология: о пространственно-временных и личностных измерениях общества/А.Ю.Антоновский. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. - 400 с.
11. Арон, Р. Опиум интеллектуалов / Р.Арон. - М.: АСТ, 2015. – 480 с.

12. Багдасаров, Д.Р. Актуальные проблемы познания социальной реальности: история и современность / Д.Р. Багдасаров. – М.: Станкин, 2011. – 159 с.
13. Балакшин, В.С. Новая социальная реальность глобального мира / Балакшин В. С. - Красноярск: Литера-принт, 2008. - 214 с.
14. Баллаев, А.Б. Проблема “преобразующей критики” в “Немецкой идеологии” К.Маркса и Ф.Энгельса/ А.Б.Баллаев // Историко-философские исследования. - Минск, 1991. – С.53-80.
15. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова.-М.: Прогресс, 1989. -С. 384-391.
16. Баткин, Л.М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления / Л.М.Баткин. - М.: Искусство. 1990. – 415 с.
17. Бауман, З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л.Иноземцева / З.Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390с.
18. Безотосный, И.А. Конструирование позитивного имиджа России и репрезентация символической социальной реальности / И. А. Безотосный. - Федеральное гос. авт. образовательное учреждение ВПО "Южный федеральный ун-т", Северо-Кавказский науч. центр высш. шк. - Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2011. - 114 с.
19. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В.Седельника и Н. Федоровой / У.Бек. - М.: Прогресс -Традиция, 2000. - 365с.
20. Белл, Д. Возникновение истории в новом столетии (предисловие к новому изданию книги «Конец идеологии») / Д.Белл // Новый мир. - 2002. -№ 10. - С. 169-171.
21. Белл, Д. Конец идеологии. Истошение политических идей в 50-х годах / Д.Белл. - М.: Социс, 2007. – 512 с.
22. Бергер, П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива /П.Бергер. – М.: Аспект-пресс, 1996. - 236с.
23. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П.Бергер, Т.Лукман. – М.: «Медиум», 1995. -323с.

- 24.Бергсон, А. Собрание сочинений в четырёх томах /А.Бергсон. - Том 1. Перевод с французского. М.: «Московский Клуб»,1992 – 167с.
- 25.Библер, В.С. Кант – Галилей – Кант. Разум нового времени о парадоксах самообоснования / В.С.Библер. - М.: Мысль, 1991. – 320 с.
- 26.Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. - М.: Библиоман – Русская книга, 2003. – 272 с.
- 27.Бокарева, О.В. Концепция власти и понятие «власть-знание» в философии М.Фуко / О.В.Бокарева // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2019. - Vol.3-1. - С.172-175
- 28.Брубейкер, Р. Этничность без групп / Р.Брубейкер, пер. с англ. И. Борисовой. -М.: Изд.Дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
29. Бурдье, П. О телевидении и журналистике /П.Бурдье; пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Марковой, отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко. -М.: ФНИ «Прагматика культуры» ИЭС, 2002. – 159 с.
- 30.Бурдье, П. Социология политики. П.Бурдье. Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко. / — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.
- 31.Бутенко, И.А. Социальное познание и мир повседневности / И.А.Бутенко. - М.: Наука, 1987.- 142 с.
- 32.Вебер, М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. Пер. с нем. М.И.Левиной. / Теоретическая социология. Антология / М.Вебер. – М.: Изд-во КДУ, 2002. – С.147-215.
- 33.Вебер, М. Избранные произведения. Пер.с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко / М.Вебер. - М., 1990. – 389 с.
- 34.Вебер, М. Наука как призвание и профессия. Избранные произведения. Пер. с нем. А.Ф.Филиппова, П.П.Гайденко / М.Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С.707-735.
- 35.Вебер, М. Основные социологические понятия / М.Вебер // Западноевропейская социология XIX-начала XX веков. - М., 1996. - С. 455-591.
- 36.Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж.Вико. - М.-К.: REFL-book - ИСА, 1994. - 656 с.

37. Волков, Ю. К. Проблема социального зла в истории культуры и цивилизации / Ю.К.Волков. - М.: Изд-во МГУ, 2004. – 192с.
38. Волков, Ю. К. Ценности и антиценности: логико-философский анализ//Общество: религия и наука (история, философия, традиции, особенности и генезис духовных и культурных ценностей) Ю.К.Волков, Н.В.Божко, О.В.Ивановская, под общ.ред.проф. О.И.Кирикова- Кн. 5. - М.: Наука: информ; Воронеж: ВГПУ, 2013. – 347с.
39. Вольтер, О.В. Национальная идея, национальная идеология, государственная идеология: проблемы актуальности / О.В.Вольтер // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Барнаул: Изд-во: Алтайский государственный университет. – 2012. – С.23-30.
40. Воронин, Г.Л. Социальное самочувствие россиян / Г.Л. Воронин// Социологические исследования. – 2001. – С. 59-66.
41. Воронин, Г.Л. Субъективное восприятие себя и социума: ретроспективный взгляд на эпоху перемен / Г.Л.Воронин // История современной России: проблемы, документы, факты (1985-1999) /Материалы международной конференции, 25 ноября 2010 года: В 2т. Т. 1. – М.: Фонд современной истории; Издательство Московского университета, 2011. – 444 с. (С. 248 – 255).
42. Гаджиев, К.С. Имидж государства в конфликте идеологий / К.С.Гаджиев. –М.: Андалус, 2007. – 128с.
43. Гайденко, П.П. История и рациональность: Социология М.Вебера и веберовский ренессанс / П.П.Гайденко, Ю.Н.Давыдов. – М.: Политиздат, 1991. – 337с.
44. Гайденко, П.П. Парадоксы свободы в учении Фихте / П.П.Гайденко – М.: Наука, 1990. – 128с.
45. Гайденко, П.П. Эволюция понятия науки: становление и развитие первых научных программ / П.П.Гайденко. – М.: Наука, 1980. – 567с.
46. Гальперин, П.Я. Развитие исследований по формированию умственных действий / П.Я.Гальперин // Психологическая наука в СССР. – М., 1959. – Т.1. – С.53, 441-469.

47. Гегель, Г.-В.-Ф. Лекции по истории философии / Г.-В.-Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 2000. – Кн.3. – 480с.
48. Гегель, Г.-В.-Ф. Наука логики / Г.-В.-Ф. Гегель. – АН СССР, Институт философии. – М.: Мысль, 1970. – в 3-х т. – Т.1. – 501с.
49. Гегель, Г.-В.-Ф. Наука логики / Г.-В.-Ф. Гегель. – АН СССР, Институт философии. – М.: Мысль, 1971. – в 3-х т. – Т.2. – 248с.
50. Гегель, Г.-В.-Ф. Феноменология духа / Г.-В.-Ф. Гегель. – М.: Наука, 2002. – 448с.
51. Геллнер, Э. Слова и вещи / Э.Геллнер. - М., 1967. - С. 44-45.
52. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность. / Э.Гидденс // THESIS. - 1994. - № 5. - С. 107-134.
53. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Э.Гидденс. - М.: Академический проект, 2003. - 528 с.
54. Глебкин, В.В. Ритуал в советской культуре / В.В.Глебкин. - М.: Янус-К, 1998. - 167с.
55. Горбачёв, М.С. О ходе реализации решений XXVII Съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. Доклад генерального секретаря ЦК КПСС / М.С.Горбачёв // XIX Всесоюзная конференция КПСС. 28 июня - 1 июля 1988 года. Стенографический отчёт. В 2-х т. Т.1.- М.: Издательство политической литературы, 1988. – 352 с.
56. Грэхэм, Л.Р. Естествознание, философия и наука о человеческом поведении в Советском Союзе / Л.Р.Грэхэм.- М.: Политиздат. 1991. – 480 с.
57. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э.Гуссерль. -Пер. с нем. Л.В. Складнева. СПб: Наука, Книга, 1998. – 315 с.
58. Давыдов, В.В. Проблемы деятельности как способ человеческого бытия и принцип монизма // Деятельность: теории, методология, проблемы. / В.В.Давыдов. - М., 1990. - 199с.
59. Дарендорф, Р. 1967: Тропы из утопии / Р.Дарендорф. - М.: Праксис, 2002. - 535 с.

60. Дахин, А. Открытость власти как производственный процесс: анализ российских политических практик / А. Дахин // Устойчивое развитие Центральной Азии. Вестник КНУ: Научный журнал Казахстанско-Немецкого Университета. - 2017. - С. 92-108.
61. Дахин, А.В. Институт выборов в России: между идеалами безопасности и демократии / А.В. Дахин // Региональные политические процессы в свете моделей устойчивого развития: руссиеведческие и компаративные аспекты. - Н.Новгород: НИЦ СЭНЭКС, 2005. - С. С.56-61.
62. Дахин, А.В. Мировоззренческая связь поколений и социальных страт: новые рамки философского диалога / А.В. Дахин // Диалог мировоззрений: Современное образование в поле научных и религиозных традиций. Материалы XI Международного симпозиума, 31 мая – 2 июня, 2011.- Н.Новгород: ВВАГС, 2011. -С.475-479.
63. Дахин, А.В. Парламентаризм и этнонационализм в постсоветском пространстве / А.В. Дахин // Сравнительный регионализм. Россия – СНГ - Запад. - Н.Новгород: Изд-во ННГУ им Н.И. Лобачевского, 1997. -С.65-75.
64. Дахин, А.В. Рио+20, что дальше? От экологии природы к гуманитарному антропному императиву / А.В. Дахин // Рио+20: Инновации для устойчивого развития. Материалы IX Международной конференции. – Алма-Ата: НКУ, 2012. - С.41-48.
65. Дахин, А.В. Социальные последствия рекламных стратегий: проблематизация российской рекламно-информационной политики / А.В. Дахин // Российское лицо PR. Материалы научно-практической конференции, 28 февраля – 1 марта, 2003. - Н.Новгород: НГТУ, 2003.- С.18-29.
66. Дахин, А.В. Феноменология универсальности в культуре / А.В. Дахин. - Н.Новгород: ННГУ, 1993. – 95 с.
67. Дахин, А.В. Формационное самоопределение универсума / А.В. Дахин.- Ч.1. Природный мир. Н.Новгород: НАСИ, 1992. – 107 с.
68. Дахин, А.В., Щуров, В.А. Апокалипсис технического объекта (монография) / А.В. Дахин, В.А. Щуров. -Н.Новгорон, ННГУ, 1992. – 95 с.

69. Дахин, А.В., Щуров, В.А. Гуманитарные основы инженерной деятельности / А.В.Дахин, В.А.Щуров. - Н.Новгород, ННГУ, 1993. – 95 с.
70. Дебор, Г. Общество спектакля / Пер. с фр. О. Офертаса и М. Якубович; Послесл. А. Кефал. // Г.Дебор. - М.: Логос (Радек), 2000. - 183с.
71. Доброхотов, А.Л. «Философия имени» на историко-философской карте XX века / А.Л.Доброхотов // Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990.- С.5-10.
72. Дробышева, Е.П. Концепция П. Бурдьё как новая интерпретация социальной реальности // Перспективы гуманитарных и социальных исследований в XXI веке / Е.П.Дробышева. - Новосибирск, 2003. - С. 108-111.
73. Дюрер, А. Трактаты. Дневники. Письма / А.Дюрер //Пер. Ц. Нессельштраус. СПб.: Азбука. 2000. – 704 с.
74. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э.Дюркгейм // Западно-европейская социология XIX - начала XX веков. - М., 1996. - С. 256-309.
75. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э.Дюркгейм. Пер. с фр. с сокр.; Под ред.В.А.Базарова. - М.: Мысль., 1994. – 399с.
76. Дюркгейм, Э. Социология и социальные науки / Э.Дюркгейм. Социология. Перевод А.Б.Гофмана. – М.: Канон., 1995. – 412 с.
77. Дюркгейм, Э. Социология и теория познания/ Э.Дюркгейм. - М., 1980. - 311с.
78. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э.Дюркгейм. - М., 1995. - с. 231-235.
79. Ермалавичюс Ю. Ю. Идеология будущего / Ю.Ю. Ермалавичюс. - М., 2013. - 624 с.
80. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С.Жижек. - М.: Художественный журнал, 1999. - 236с.
81. Жижек, С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / С.Жижек.- М.: ИД ДЕЛО, 2014. – 528 с.
82. Зеленов, Л.А. Введение в общую методологию /Л.А.Зеленов. - Н.Новгород: Гладкова О.В., 2002. – 155 с.
83. Зеленов, Л.А. Сумма методологии /Л.А.Зеленов. - Н.Новгород: Гладкова О.В., 2007. - 147 с.

84. Зеленов, Л.А. *Философия* / Зеленов Л.А. // *Собрание соч. в 4-х т. Т.1.* Н.Новгород, 2006. – 168 с.
85. Зеленов, Л.А. *Философия самодеятельности* / Л.А.Зеленов, Л.П. Загорная. - Н.Новгород: Общероссийская академия человековедения; Нижегородский философский клуб, 2014. – 121 с.
86. Зеленов, Л.А. *Эстетика* / Л.А. Зеленов // *Собрание соч. в 4-х т., Т. 4.* - Н.Новгород: Гладкова О.В., 2006. – 276 с.
87. Зернов, Д.В. Социологические индикаторы оценки социального самочувствия населения. / Д.В. Зернов, А.А. Иудин // *Статистика в современном обществе: ее роль и значение в вопросах государственного управления и общественного развития.* Нижний Новгород: Нижегородстат – ННГУ, 2015, 473 с. С. 169 — 175.
88. Зиммель, Г. *Избранные работы* / Г.Зиммель. - М.: Ника-Центр, 2006. - С. 434.
89. Зиммель, Г. *Как возможно общество?* / Г.Зиммель. Пер. с нем. А.Ф.Филиппова. Избранное. Т. 2. - М.: Юристъ, 1996. - С. 509–528.
90. Зиновьев, А. *Запад. Феномен западнизма* / А.Зиновьев. -М.: Эксмо, 2003. – 507 с.
91. Зыков, А.Ф. К соотношению понятий «идеальное» и социальная реальность» / А.Ф.Зыков // *Вестник Евразийского университета.* – 1996. - №4. – С.33-40.
92. Ильенков, Э.В. *Диалектическая логика. Очерки истории и теории* / Э.В.Ильенков. - М.: Политиздат, 1984. - 320 с.
93. Ильин, В.В. *Россия: опыт национально -государственной идеологии* / Под редакцией В.В. Ильина. – В.В.Ильин, А.С.Панарин, А.В. Рябов.- М.: Издательство МГУ, 1994. - 229с.
94. Ильин, И.А. *Аксиомы религиозного опыта* / Исследование в 2-х томах.Т.1. – И.А.Ильин. - М.: «Русская книга», 2002. – 635 с.
95. Иудин, А.А. *Гламурное потребление: тенденция или тотальный кризис?* // *Социальные преобразования и социальные проблемы. Сборник научных трудов (Вып. 12)* / А.А. Иудин, А.А. Овсянников, А.В. Чернышов – Н. Новгород, НИ-СОЦ, 2010. – С. 4-12.

96. Каган, М.С. Человеческая деятельность / М.С.Каган. – М.: Наука, 1967. - 502с.
97. Канетти, Э. Масса и власть // Человек нашего столетия / Э.Канетти. –М.: Прогресс,1990. - 527с.
98. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. - Пер. с нем. Н.Лосского. – Мн.: Литература, 1998. – 960с.
99. Кара-Мурза, С.Г. Идеология и мать ее наука / С.Г.Кара-Мурза. –М.: Алгоритм, 2002. – 256с. – ISBN 5-9265-0046-6.
100. Келле, В.Ж. Исторический материализм / В.Ж.Келле, М.Я.Ковальзон. – М.: Высшая школа, 1962. – 479 с.
101. Келли, А.Дж. Теория личности /А.Дж.Келли - СПб.: Речь, 2000. – 249 с.
102. Козлова, Н.Н. “Я так хочу назвать кино “. “Наивное письмо “: Опыт лингво-социологического чтения / Н.Н.Козлова, И.И. Сандомирская. - М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. - 256с.
103. Козырьков, В.П. Освоение обыденного мира: социокультурный анализ / В.П.Козырьков. - Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1999. - 340 с.
104. Конт. О. Общий обзор позитивизма. Пер. с фр./Под ред. Э.Л.Радлова. Изд. 3-е/ О.Конт.- М.: Книжный дом «Либроком», 2012 – 296с.
105. Корсунцев, И.Г. Бытие и реальности / И.Г.Корсунцев // Приложение к вестнику РФО, ИПКГС. – М, 2000. -24с.
106. Костомаров, А.С. О роли идеологии в конструировании социальной реальности / А.С.Костомаров, А.Ю.Мельников// Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции «Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации», 2013.-С.48-51.
107. Крауч, К. Странная не-смерть неолиберализма / К.Крауч. - Пер.с англ. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – 272 с.
108. Кузанский, Н. О предположениях / Н.Кузанский // Соч. В 2-х т. Т.1. -М.: Мысль, 1979. – С.265.
109. Кузанский, Н. Об учёном незнании / Н. Кузанский // Сочинения. Перевод / Общ. ред. и вступит. статья З.А. Тажуризиной. В 2-х т. Т.1. - М.: Мысль, 1979. - С. 48-184.

110. Кузубова Т.С. Философские проблемы социально-гуманитарных наук: введение/ Т.С.Кузубова. 2-е изд, перераб и доп. Екатеринбург: УрФУ, 2012. 81с.
111. Куликова, Т.В. Философия "границы": монография / Т. В. Куликова. Федеральное агентство по образованию, Нижегородский гос. пед. ун-т. - Нижний Новгород: Нижегородский гос. пед. ун-т, 2009. – 191 с.
112. Кутырёв, В.А. Последнее целование Человек как традиция / В.А.Кутырёв. – СПб.: Алетейя, 2015. - 312 с.
113. Кутырёв, В.А. Современное социальное познание: Общенаучные методы и их взаимодействие / В.А.Кутырёв. – М.: Мысль, 1988. - 204 с.
114. Кутырёв, В.А. Время Mortido / В.А.Кутырёв. - СПб.: Алетейя, 2012. - 336 с.
115. Кутырёв, В.А. Унесённые прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире / В.А.Кутырев. - СПб.: Алетейя, 2016. – 300 с.
116. Куценко, В.И. Общественные отношения (социально-философский анализ)/В.И.Куценко. - Киев: Наук, думка, 1991. - 288 с.
117. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г.Лебон. – СПб.: Макет, 1995. - 311с.
118. Лебон, Г. Психология социализма / Г.Лебон // Литературное обозрение. - 1991.- №6. – С.83.
119. Ленин, В.И. Государство и революция / В.И.Ленин // Полное собрание сочинений. Изд.5. Том 33. - М.: Издательство политической литературы., 1969. - С. 1-120.
120. Ленин, В.И. Собрание сочинений /В.И.Ленин. - 4-е изд.,т.38. –М, 1941-1967. – с.205.
121. Ленин, В.И. Три источника, три составные части марксизма / В.И. Ленин. - Полное собрание сочинений. Изд. 5. – Т.23. - М.: Политиздат, 1973. - С. 41-47.
122. Ленин, В.И. Что делать? / В.И. Ленин. - Полное собрание сочинений. Изд. 5. – Т.6. - М.: Политиздат, 1967. - С. 6-217.
123. Лилиенфельд, П.Ф. Мысли о социальной науке будущего / П.Ф.Лилиенфельд. – СПб, 1872. – 500 с.

124. Лосев, А.Ф. История Античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития / А.Ф.Лосев. -В 2-х кн. Кн 2. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 688 с.
125. Лосев, А.Ф. История Античной эстетики. Ранняя классика / А.Ф.Лосев. - Изд. 2-е, исправленное, доп. М.: ЛАДОМИР, 1994. – 544 с.
126. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф.Лосев. - М.: Изд-во Моск. университета. 1990. – 269 с.
127. Луман, Н. Общество как социальная система // Общество общества Н.Луман. - В 5-и книгах. Кн.1. -М.: Логос, 2011. - С.15-201.
128. Луман, Н. Понятие общества. Теория общества / Н.Луман. Проблемы теоретической социологии. Под ред. А.О. Боронаева. - СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1994. - С.25-42.
129. Макарычев, А.С. Глобализм, глобализация, глобалисты: региональный взгляд на проблему. // Глобалисты и антиглобалисты: взгляд из Приволжского Федерального округа. / А.Макарычев. –Н.Новгород: Профессионалы за сотрудничество Нижегородский центр социально-экономической экспертизы, 2003. -С.12-52.
130. Малькова, Т.П. Информационное общество: поиск социальных детерминант формирования массового, группового индивидуального сознания / Т.П.Малькова, М.А.Фролова // Современные социально-политические процессы и динамика массового сознания. – М.: Изд-во МГТУ, 1992.
131. Мамфорд, Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / Л.Мамфорд. - М.: Логос. 2001. - 416 с.
132. Мангейм, К. Идеология и утопия//Диагноз нашего времени / К.Мангейм. - М.: Юрист, 1994. – 700 с.
133. Мангейм, К. Человек и общество в эпоху преобразования/ Диагноз нашего времени.: Пер.с нем. и англ. / К.Мангейм. – М.: Юрист, 1994. 700с. – (Лики культуры).
134. Маркс, К. Избранные произведения / К.Маркс, Ф.Энгельс. – М.: Изд-во политический лит-ры, 1984. – Т.1. – 550с.

135. Маркс, К. Избранные произведения / К.Маркс, Ф.Энгельс. – М.: Изд-во политический лит-ры, 1985. – Т.2. – 576с.
136. Маркс, К. Избранные произведения / К.Маркс, Ф.Энгельс. – М.: Изд-во политический лит-ры, 1985. – Т.3. – 640с.
137. Маркс, К. К критике гегелевской философии права/ Е.Маркс.-М.: Политиздат, 1957. – 369 с.
138. Маркс, К. Капитал. Кн.1. Процесс производства капитала. // К. Маркс, Ф. Энгельс.- Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23. М.: Издательство политической литературы, 1970. – 907 с.
139. Маркс, К. О диалектическом и историческом материализме/ К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И Ленин. –М.: Политиздат, 1984. -636 с.
140. Маркс, К. Сочинения. Том 3. Изд. 2-е. /К.Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы., 1955. – с.322.
141. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г.Маркузе // Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова.- М: ООО "Издательство АСТ", 2002. – 526 с.
142. Мартынова, О.А. Государственная идеология как противовес идеологии терроризма / О.А. Мартынова// Сборник научных трудов с международным участием. – Хабаровск: изд-во: Дальневосточный юридический институт МВД России. -2015. – С.26-33.
143. Маслоу, А.Г. Дальние пределы человеческой психики / А.Г.Маслоу // Перев. с англ. А.М. Татлыбаевой. Научн. ред., вступ. статья и коммент. Н.Н. Акулиной. – СПб.: Евразия, 2002. – 196 с.
144. Медовников, А. Алгебра высоких технологий / А.Медовников // Эксперт. - 2003.- № 30.- С.44.
145. Мельник, В.А. Государственная идеология: понятие, элементы, функции / В. А. Мельник. - Минск: Тесей, 2002. - 82с.
146. Менегетти, А. Система и личность / А.Менегетти // Введение в онтопсихологию. Гл.9. -М.: ННБФ «Онтопсихология», 2006. – 138 с.

147. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. — М.: АСТ: Хранитель, 2006. — 873с.
148. Мид, Дж. Интернализированные другие и самость / Дж.Мид // Американская социологическая мысль. — М., 1996. — С.8-15.
149. Моль, А. Социодинамика культуры / А.Моль. - М.: Прогресс, 1973. — 407 с.
150. Момджян, К.Х. О ситуации в современном обществознании или кризис фрагментации и как с ним бороться / К.Х.Момджян // Личность. Культура. Общество. - 2002. - Т. 3, вып. 3-4. - С. 78 -81.
151. Монтефиоре, А. Личная тождественность, культурная тождественность и моральное рассуждение / А.Монтефиоре // Мораль и рациональность. - М.: РАН, 1995, с.136-159.
152. Музиль, Р. Человек без свойств. Кн.1. / Р.Музиль. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. —с.39.
153. Мунье, Э. Персонализм / Э.Мунье //Пер. с фр. - М.: Искусство, 1992. - 143 с.
154. Мэмфорд, Л. Миф машины. Утопия и утопическое мышление / Л.Мэмфорд.- М.: Прогресс, 1991.- С.79-97.
155. Наумов, А.О. Традиционные и новые медиа как акторы «цветных революций» / А.О.Наумов // Дискурс-Пи. -2018. -№ 32-33. -С.79-87.
156. Наумова, Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества / Н.Ф.Наумова. - М.: Эдиториал УРСС, 1999. - 176с.
157. Никифоров, А.Л. Общее и индивидуальное в деятельности // Деятельность, теория, методология, проблемы / А.Л.Никифоров. -М.,1990, 196с.
158. Николаева, Е.М. Социальное становление личности в условиях коммодификации: инфляция социальной реальности/ Е.И.Николаева, М.С. Николаев// Ученый записки Петрозаводского государственного университета. - 2013.-№1. - С.81.
159. Никонов, В.А. Современный мир и его истоки/ В.А.Никонов. — М.: Издательство Московского университета, 2015. - 880с.

160. О демократизации советского общества и реформе политической системы / XIX партийная конференция КПСС. Стенографический отчёт. В 2-х т.- Т.2. - М.: Политиздат, 1988.- С.135-145.
161. Орлов, И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы / И.Б.Орлов - М.: Гос. ун -т гуманит. наук, Ин -т истории. - М., 1999. - 193с.
162. Ортега-и-Гасет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гасет // Вопросы философии. – 1989. - №3. – С.119-154.
163. Ортега-и-Гасет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гасет // Вопросы философии. – 1989. - №4. – С.114-154.
164. Ортега-и-Гасет Х. Восстание масс. – Сб.: Пер. с исп./ Ортега-и-Гасет. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. - с.22.
165. Осипов Г.В. Социальная реальность XXI века: угрозы и вызовы / Г.В.Осипов. – Москва: ИСПИ РАН, 2016. – 461с.
166. Осипов, Г.А. Механизм деградации общества / Г.А.Осипов. – М.: Научный мир, 2005. – 162с.
167. Осипов, Г.В. История социологии в Западной Европе и США / Отв.ред. Г.В.Осипов. – М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. – 576с.
168. Осипов, Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика / Г.В. Осипов. - М.: Инфра, 2005. – 543с.
169. Палагин, С.В. Моя / наша идеология / Палагин С. В. - Саратов: Научная книга, 2007. - 603с.
170. Пекло, Л. М. Новая идеология XXI века: идеология Третьего пути России и других стран мира: активное пространство, три послания Иисуса, манифест / Л. Пекло. - Санкт-Петербург, 2011. - 199с.
171. Платон. Государство /Платон. –М.: Изд-во РАГС, 2006. –с.152.
172. Плеснер, Г. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // Проблема человека в западной философии / Г.Плеснер. - М., 1988. - С.98.

173. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К.Поппер. - М.: Изд-во: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т.1.- 427с.
174. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К.Поппер. - М.: Изд-во: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т.2.- 475с.
175. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И.Пригожин, И.Стенгерс. Перевод с английского Ю. А. Данилова. - М.: Прогресс, 1986.- 432 с.
176. Рачков, В.П. Человек в современном технизированном обществе: проблемы безопасности развития / В.П. Рачков, Г.А. Новичкова, Е.Н, Федина. – М.: ИФ РАН, 1998. – 194 с.
177. Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. М., 1997. С. 11 - 44.
178. Рот, Г. Реальность и действительность Текст. / Г. Рот // Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен: PHREN, 2000. -324 с.-С. 289 — 313.
179. Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права. Трактаты/ Ж.Ж.Руссо//пер. с фр. –М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – с.207.
180. Самарина, А. Коллективный Путин / А.Самарина//Независимая газета, 2007. - №262.- с.1.
181. Сливин, А.Я. Эдмунд Гуссерль и его «Картезианские размышления» / А.Я.Сливин // Гуссерль Э. Картезианские размышления. Пер. с нем. Л.В. Складнева. СПб: Наука, Книга, 1998. - С. 5-46.
182. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / Голов А.А . и др . Под ред. Левады Ю. А. – М., 1993. – 299 с.
183. Соколов, А.С. Проблема социальной реальности в классической и марксистской философии / А.С.Соколов. - Петрозаводск: ПГУ, 2002. – 110с.
184. Соколова, Р. Общечеловеческие ценности: к нетрадиционному пониманию / Р.Соколова // Свободная мысль. – М.: Издательство Пресса, 1994. - №1. – С.52-61.

185. Сокулер, З. А. Проблема обоснования знания. Гносеологические концепции Л.Витгенштейна и К.Поппера / З.А.Сокулер. - М.: 1988. - с. 150-154.
186. Спектор, М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности – II. Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск.ун-та, 2001. – С.160-163.
187. Спекторский, Е. Номинализм и реализм в общественных науках / Е.Спекторский // Юридический вестник. – М., 1915. – кн.9. – С.20-34.
188. Столяров, А. М. Розовое и голубое // Постчеловек. От неандертальца до киборга / А.М.Столяров. - М.: Алгоритм, 2008. - С. 8-52.
189. Тард, Г. Мнение и толпа. Психология толп / Г.Тард. - М.: Институт психологии РАН – Издательство КСП+ (Библиотека социальной психологии), 1999. - 412с.
190. Тард, Г. Социальная логика / Г.Тард. - СПб.: Социально-психологический центр (Библиотека практической психологии), 1996. -548с.
191. Тард, Г. Толпа и публика//Социальные этюды / Г.Тард.– СПб.: 1902. - 366с.
192. Терборн, Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке // Теория общества: Фундаментальные проблемы / Под ред. А. Ф. Филиппова. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 1999. – 416с.
193. Тоффлер, Э. Третья волна / Э.Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. -781 с.
194. Фатенков, А.Н. Реальность очевидная и реальность, достойная веры: К понятийно-терминологическому разграничению сущего и бытия / А.Н.Фатенков // Мир человека: Ежегодник-альманах. – Н. Новгород, 2001. – Вып. 1 (4). – С. 140–150.
195. Фатенков, А.Н. Социально-философский органицизм о проблеме объективности и закономерности исторического процесса / А.Н.Фатенков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – Н. Новгород, 2001. – Вып. 1. – С. 128–132.

196. Федотова, В. Г. Хорошее общество / В.Г.Федотова. - М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
197. Фортунатов, А.Н. Манипулятивная сущность информационного общества: новая парадигма социальных проблем в социальном государстве//Социальная политика социального государства / А.Н.Фортунатов. Под ред. проф. З.Х.Саралиевой. -Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2002.- С.199-203.
198. Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л.Франк. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2002. – 119 с.
199. Франк, С.Л. Сочинения / Авторский сборник / С.Л.Франк. – М.: Издательство «Правда», 1990. - 608 с.
200. Фромм, Э. Здоровое общество / Э.Фромм. – М.: АСТ-Москва: Хранитель, 2006. – 259с.
201. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М.Фуко. - СПб.: А-сad, 1994. - 406 с.
202. Фукуяма, Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие / Ф.Фукуяма. – М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – 282 с.
203. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф.Фукуяма. – М.: ООО Издательство АСТ: ЗАО НПП Ермак, 2004. – 474 с.
204. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф.Фукуяма. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – 588 с.
205. Хайдеггер, М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. Пер. с нем. М.: Республика, 1993. – 447 с.
206. Хайнц, А. Интеракция, идентификация, презентация / А.Хайнц. — СПб.: Алетейя, 2000. - 272с.
207. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С.Хантингтон. - М.: Издательство АСТ, 2016. – 571 с.
208. Хэмилтон, М. Интегральный город: Эволюционные интеллекты человеческого улья / М.Хэмилтон. - М.: ООО «Ориенталия», 2013. – 685 с.

209. Шестаков, С.А. Идеология в системе новой социальной реальности России / С.А.Шестаков // Научный вестник Тюменского юридического института МВД России. Сборник научных трудов, 2004.-С.82-85.
210. Щедровицкий, Г.П. Избранные труды /Г.П.Щедровицкий. –М., 1995. – 164с.
211. Щедровицкий, Г.П. Философия. Наука. Методология / Г.П.Щедровицкий // Ред.-составители: А.А.Пископфель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. - М.: Шк.Культ.Политики. 1997. – 656 с.
212. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А.Шюц. - М.: Росспэн, 2004. - 398с.
213. Шюц, А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. - М.: Изд-во Московского университета, 1994. - С. 480-541.
214. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф.Энгельс, К.Маркс // Избранные произведения. В 3-х т. Т.3. – М.: Политиздат, 1986. - 639 с.
215. Юм, Д. Исследования о человеческом разумении /Д.Юм. – М.: «Прогресс», 1995. – 847с.
216. Юм, Д. Трактат о человеческой природе /Д.Юм. – Мн.: ООО «Поппури», 1998. – 146с.

Статьи, периодические издания

217. Андреев, Э.М. Новая социальная реальность: методологические проблемы интегративного социально-философского и социологического анализа / Э.М.Андреев // Общество и право. -2009.-№5(27). - С.13-20.
218. Аникин, В.А. Запросы россиян на содействие государства: социальное инвестирование или социальная поддержка? / В.А. Аникин, Ю.П.Лежнина, С.В.Мареева, Е.Д. Слободенюк // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. -2019. -№ 3. -С. 345-366.

219. Аранович, Н.А. Три дискурса потребления в обществе постмодерна / Н.А.Аранович, Г.С.Пак // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2010. - №3(19). – С. 20-24.
220. Атмачев, С.В. Государственная идеология или идеология государственности / С.В.Атмачев, В.В.Зубенко // Вестник СевКавГТИ. -2015.- Т. 1.- № 3 (22).- С. 102-105.
221. Барботько, Л.М. Тотальная идеология против тоталитарного государства / Л.М.Барботько, В.А.Войтов, Э.М.Мирский // Вопросы философии. – 2000. - №11. - С.12-26.
222. Бороноев, А.О. О понятиях «общество» и «социальное» / А.О.Бороноев, П.И.Смирнов // Социологические исследования. – 2003. - №8. – С.3-11.
223. Васильева, Л.Н. Политика-философия / Л.Н.Васильева //Социально-гуманитарные знания. -2003. - №3. - С.150-163.
224. Войскунский, А.Е. Система реальностей: психология и технология / А. Е. Войскунский, М. А. Селисская // Вопросы философии. – 2005. - № 11. – С.119-130.
225. Волков, Ю.Г. Идеология для России (основные идеи гуманистической идеологии России) / Ю.Г. Волков // Безопасность Евразии. – 2004. - №2 (16). – С. 458-465.
226. Волков, Ю.К. Идея «болезней» и «смерти» общества и государства в истории философско-социологической мысли / Ю.К.Волков // Философия и общество. – 2005. -№1.- С.50.
227. Волков, Ю.К. Оппозиция «свой-чужой» на ранних стадиях антропосоциогенеза / Ю.К.Волков // Философия и общество. – 2006. -№3. – С.46-59.
228. Вольтер, О.В. Проблема соотношения национальной идеи, национальной идеологии и государственной идеологии в современной России / О.В.Вольтер // Экономика и социум. -2011.-№1 (1). - С.85-90.
229. Гайденок, П.П. Хосе Ортега-и-Гасет и его «Восстание масс» / П.П.Гайденок // Вопросы философии. – 1989. - №4. – С.155-169.

230. Гарбузов, В.Н. Консерватизм: понятие и типология: Историогр. Обзор / В.Н. Гарбузов // Полис. - 1995. - №4. - С. 60-68.
231. Гарфинкель, Г. Исследование привычных оснований повседневных действий / Г.Гарфинкель // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 1, №1. – С.26-47.
232. Гарфинкель, Г. Что такое этнометодология? / Г.Гарфинкель // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3, №4. - С.1-35.
233. Говорухина, М.Ю. Социальное конструирование реальности: правила или нормы? / М.Ю.Говорухина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. – 2007. -№32. -Т.11. С.66-70.
234. Глазерсфельд, Э. Конструктивистский подход к обучению /Э.Глазерсфельд// Философия и социальные науки: Научный журнал. -2009. -№3. –С.52-60.
235. Глазерсфельд, Э. Радикальный конструктивизм и обучение /Э.Глазерсфельд// Перспективы. — М.; Париж, 2001. — Т. 31, № 3. — С. 81—93.
236. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология (введение в феноменологическую философию) /Э.Гуссерль//Вопросы философии. -1992.- №7.- С.136-176.
237. Дахин, А.В. «Интегральный город»: критический анализ теоретических подходов / А.В.Дахин // Вестник НИУ РАНХиГС. -2019. -№ 2. -С. 18-24.
238. Дахин, А.В. Альтернативные метафоры глобализации / А.В.Дахин // Космополис. -2003.- №3.- С.148-158.
239. Дахин, А.В. Идеиная позиция государства в современном социальном контексте /А.В.Дахин, Э.А.Сергеева// Социальное время. -2019. -№ 2(18). - С.96-104.
240. Дахин, А.В. Идея социального и светского государства: феноменология конституирования в России / А.В.Дахин // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. -2019. -№ 1(45). -С.274-278.

241. Дахин, А.В. «Индустриализация власти»: российский политический транзит в социально-технологическом измерении / А.В.Дахин // Политэкс. -2019. -Том 15. № 4. - С. 461-482.
242. Дахин, А.В. К читателю с надеждой на прозрение / А.В.Дахин // Вестник НИУ. Электронный научный журнал. - 2017.- № 4(45).- С.35-37.
243. Дахин, А.В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти: перспективы философской концептуализации memory studies / А.В.Дахин // Вопросы философии. -2010.- № 8.- С. 42-44. С.43.
244. Дахин, А.В. Память, история, вселенная: на пути к новой онтологии реальности / А.В.Дахин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». Вып. 1(3). Н.Новгород: ННГУ. 2012. - С. 19-34.
245. Дахин, А.В. Парниковый эффект -2. Антропологический след рекламно-информационной мегамшины / А.В.Дахин// Свободная мысль – XXI. -2003. -№ 9. -С.70-81.
246. Дахин, А.В. Постмодернистское текстовање и проблема социальной объективности / А.В.Дахин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». Вып. 1(3). Н.Новгород: ННГУ. 2004. -С. 382-392.
247. Дахин, А.В. Правовая норма, идейная позиция государства и мировоззренческий выбор в современном социальном контексте / А.В.Дахин // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. -2018. -№ 1(41). - С.286-288.
248. Дахин, А.В. Российская политика в свете смены политических эпох / А.В.Дахин // Социальное время. - 2017.- № 3(11). - С.97-112.
249. Дахин, А. В. Россия как демократическое государство: философия, идеология, Конституция. // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. - № 1(61). - 2023. - С.165-169.
250. Дахин, А. В. Россия как правовое государство: проблема конституционной идентичности и роль коллективной памяти /А.В.Дахин // Юридическая наука

- и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. -2021. -№ 1(53). -С.218-223.
251. Дахин, А.В. Соотношение этнической и национальной идентичности. Россия, Южная Корея, Канада / А.В.Дахин // Философские науки. - 2003. - № 9.- С.5-23.
252. Дахин, А.В. Социальная стабильность, социальная активность и развитие России в свете методологии и теории деятельности / А.В.Дахин, О.В. Щетинина, Е.И.Солонченко // Вестник НИУ РАНХиГС. -2018. -№ 3. - С. 43-48.
253. Дестют де Траси, А. Элементы Идеологии / Антуан Луи Клод Дестют де Траси //Метафизические исследования.- СПбГУ, 1999.- № 11. – С.171-198.
254. Дугин, Е.Я. Власть идеологии и идеология власти / Е.Я.Дугин // Власть. - 2017. - №25. – С. 106-113.
255. Жбанков, М.Р. Изменение массового сознания как предпосылка становления науки нового времени / М.Р.Жбанков // Вестник Белорусского университета. –Сер.3. – Минск, 1985. -№2. – 80с.
256. Ильенков, Э. В. Проблема идеального / Э.В.Ильенков // Вопросы философии.- 1979. - № 6. - С. 128—140.
257. Ильенков, Э. В. Проблема идеального / Э.В.Ильенков // Вопросы философии.- 1979. - № 7. С. 145—158.
258. Кистяковский, Б.А. Общество и индивид / Б.А.Кистяковский // Социс. – 1996. - №2. – С.103-115.
259. Козловский, В.В. Государство и социология в России. Какая социология нужна современному обществу? / В.В.Козловский // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. - №1(38). – С.5-9.
260. Козырев, М.С. Понятие «идеология» в общественных науках: теоретический анализ / М.С.Козырев// Социальная политика и социология. -2013. -Том 1. -№ 2. -С. 130-143.
261. Козырев, Ю.Н. Дискурсивность социальных идентичностей / Ю.Н.Козырев, П.М. Козырева // Социологический журнал. – 1995. - №2. – С.34-41.

262. Корнев, В.В. Идеология после конца идеологии: в лабиринтах современного политического сознания / В.В.Корнев // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. -2014. - №4. – С.51-59.
263. Косич, И.В. Хана Арендт. Философия и политика / И.В.Косич, Ю.Б. Мишкин // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. - 1991. - №6. – С.79-92.
264. Косолапов, Н.А. Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов / Н.А.Косолапов // Вопросы философии. - 1994. - №1. – С.3-24.
265. Куничкина, Н.С. Концепции деидеологизации и реидеологизации общественной жизни как противоположные подходы к определению сущности роли государственной идеологии / Н.С.Куничкина // Вестник Челябинского университета. Серия: Право. -2008. -№ 31(132).- С.20-23.
266. Латур, Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки / Б.Латур // Вестник МГУ. - Серия 7. - Философия. – 2003.- № 3.- С.20-39.
267. Лекторский, В. А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? / В.А.Лекторский //Вопросы философии. – 2001. - № 2. –С.56-65.
268. Майдыков, А.Ф. Нужна ли России идеология в XXI веке? / А.Ф.Майдыков, В.Б.Коробов // Власть. -2005.-№9.-С.86.
269. Малинова, О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России / О.Ю.Малинова // Полис. Политические исследования. - 2007. – № 1.- С.6-21.
270. Малинкин, А. Н. Патриотизм и социальные общности / А.Н.Малинкин // Социологический журнал. -1999. - № 3/4. – С.70-72.
271. Малицкий, В.С. Идеология в современной России / В.С.Малицкий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2012. - №2. – С.247-251.

272. Мамардашвили, М. К. Сознание как философская проблема / М.К.Мамардашвили // Вопросы философии. - 1990. - №10. – С.3-18.
273. Мигранян, А.М. Переосмысливая консерватизм / А.М.Мигранян // Вопросы философии. -1990. -№ 11. -С.114-122.
274. Мнацаканян, М.О. Социальное поведение, социальные общности, социальная реальность / М.О.Мнацаканян // Социс. – 2003.- №2. – С.21-27.
275. Мусиенко, В.М. Освещение проблем национальной безопасности России в сферах индустриального, военного и гуманитарного образования / В.М.Мусиенко // Гуманитарный вестник. -2014. -№ 2(29). -С.214-220.
276. Муслимов, А.М. О необходимости новых интерпретаций роли Ислама в жизни башкирской нации / А.М.Муслимов // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. Ежеквартальный альманах. - Н.Новгород: Изд-во НИМ «Махинур». -2008. - №5-6.– 172 с.
277. Мухелишвили, Н. Л. Ценностная рефлексия и конфликты в разделенном обществе / Н. Л. Мухелишвили, В. М. Сергеев, Ю. А. Шрейдер // Вопросы философии. – 1996. - № 11. – С.3-22.
278. Мухетдинов, Д.В. Идеологические установки в мусульманском сообществе России / Д.В.Мухетдинов // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. Ежеквартальный альманах. - Н.Новгород: Изд-во НИМ «Махинур». -2008. - № 5-6. – 172 с.
279. Наймушин, Е.А. Социально-философские и методологические основания современного социологизма / Е.А.Наймушин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. – 2008. -№67. С.188-192.
280. Никитин, Г.М. Феноменологическая модель познания социальной реальности в неклассической социальной философии / Г.М.Никитин // Дискуссия. - 2012.-№1.-С.20-26.
281. Огурцов, А.П. От принципа к парадигме деятельности / А.П.Огурцов // Эргономика. Методологические проблемы исследования деятельности. Труды ВНИИТЭ. – М., 1976. - №10. – С.194.

282. Перевезенцев, С.В. К вопросу об идейных истоках русского консерватизма. Статья первая / С.В.Перевезенцев// Мир и политика. -2011. -№6. -С.20-28.
283. Перов, Ю. В. Историчность и историческая реальность / Ю.В.Перов // Санкт-Петербургское философское общество. Серия «Мыслители». – СПб., 2000. – Вып. 2. - С.44-59.
284. Плеханов, И.А., Дубровский, Д.И. Неоконченный спор о природе психики и идеальном / И.А. Плеханов, Д.И. Дубровский, Э.В. Ильенков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2007. - № 1 (6). - с. 153–162.
285. Рокмор, Т. Математика, фундаментализм и герменевтика /Т.Рокмор//Вопросы философии, 1997. - №2.- с.82-92.
286. Столярова, О.Е. Социальный конструктивизм: онтологический поворот (послесловие к статье Б.Латура) / О.Е.Столярова // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. - 2003. - № 3.- С.39-51.
287. Сулейманов, А.Р. Национальная идея как социально-философская категория: мифы и реальность / А.Р.Сулейманов //Евразийский юридический журнал.-2016.-№2(93).-С.401-403.
288. Тихонов, Ж.А. Социальные общности и социальный порядок: детерминизм или конструктивизм /Ж.А.Тихонов// Теория и практика общественного развития. – Краснодар.: ООО Издательский дом «ХОРС», 2010. -№2. –С. 21-26. Шифр Информрегистра 0421000093\0034.
289. Тощенко, Ж.Т. Парадигмы, структура и уровни социологического анализа / Ж.Т.Тощенко// Социологические исследования. -2007. - №9. - С.5-16.
290. Тощенко, Ж.Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности / Ж.Т.Тощенко// Социологические исследования. -2000. -№2.- С. 3-11.
291. Тощенко, Ж.Т. Социология жизни как теоретическая концепция / Ж.Т.Тощенко// Социологические исследования. -2015. -№1.- С. 106-116.

292. Чигринов, С.П. Конституционная идентичность и конституционное развитие в XXI в / С.П.Чигринов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. -2016. -№ 3. -С.32-38.
293. Шаповалов, В. Ф. «Восстание масс» по-русски / В.Ф.Шаповалов // Свободная мысль. – 1993. - №12. – С.33-34.
294. Шюц, А. Структура повседневного мышления (перевод с английского Е.Д.Руткевич) / А. Шюц //Социологические исследования. - 1988. - № 2. - С.129-137.
295. Юрченко, О.В. Что такое идеология? Роль идеологии в жизни общества / О.В.Юрченко // Аллея науки. – 2019. - №6(33). – С.306-312.

Диссертации, авторефераты диссертаций

296. Беридзе, Ю.В. Трансформация идеологии в современном российском обществе: социально-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Краснодар, 2007. - 29 с.
297. Гринь, М.В. Трансформация идеологического пространства в условиях глобализации: проблемы и перспективы: автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.11. - Краснодар, 2018. - 70 с.
298. Данилова, Т.Г. Конструирование социальной реальности в дискурсе информационного общества : коммуникативный аспект : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11. - Томск, 2011. - 135 с.
299. Дахин, А.В. Системный анализ основных типов взаимодействия в материальном мире. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук: 09.00.01.- Иваново, 1998. – 19 с.
300. Догалаков, А.Г. Массовое сознание: понятие, структура, функции: дис...канд.филос.наук. – Алма-Ата, 1987. – 109с.
301. Жилина, В.А. Идеология как атрибут социального бытия: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. - Челябинск, 2010. - 333 с.

302. Жукоцкая, А.В. Проблема идеологии: Социально-философский анализ: диссертация ... доктора философских наук : 09.00.11. - Москва, 1998. - 380 с.
303. Казаков, М.А. Постсоветский транзит региональной элиты в современном политическом процессе России / Автореф.дисс.док.полит.наук: 23.00.02. Н.Новгород, 2005. – 48с.
304. Качалкина, А.В. Социальная реальность как объект философского анализа: Вероятностный аспект: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Волгоград, 1999. - 154 с.
305. Ковалев, А.Ю. Социальные технологии как фактор рационального и эффективного управления обществом: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. – Новосибирск, 2001. – 22 с.
306. Козлов, С.В. Проблема легитимации в конституировании социальной реальности: социально-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Тверь, 2008. - 22 с.
307. Литягин, Е.В. Идеология как необходимый фактор жизни современного общества : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11. - Горно-Алтайск, 2004. - 197 с.
308. Лукичева, И.А. Проблематика искусственной общественной реальности в социальной философии нового времени. / автореферат дис. ... канд. филос. наук. – Мурманск.: МГТУ, 2001. – 25с.
309. Малицкий, В.С. Идеология: сущность, структура, исторические типы : Социально-философский анализ : диссертация ... доктора философских наук : 09.00.11. - Ростов-на-Дону, 2006. - 390 с.
310. Никитин, Г.М. Онтогносеологические модели социальной реальности в неклассической социальной философии: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Екатеринбург, 2006. - 174 с в
311. Одинцов, А.В. Сетевые технологии конструирования современных идеологий в информационном обществе: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Ставрополь, 2017. - 27 с.

312. Пак, Г.С. Многомерное время истории как человеческой деятельности / Дисс. ...доктора философских наук. – Екатеринбург, 2000. - 323с.
313. Палеев, А.В. Внутрипартийная борьба по вопросу о Брестском мире в РСДРП(б) - РКП(б) : автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. - Нижний Новгород, 1997. - 25 с.
314. Петрова, И.А. Культурно-национальная идентичность России: социально-философский анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Мытищи, 2018. - 190 с.
315. Пржиленский, В.И. Онтологический статус социальной реальности: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. - Ставрополь, 1999. - 251 с.
316. Равочкин, Н.Н. Идеология как фактор трансформации современной общественной жизни: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Красноярск, 2016. - 125 с.
317. Рачков, В.П. Предвидимое и непредвидимое в прогностических теориях. / Автореф. дисс. в форме научного доклада ... д-ра филос. наук. – М.: ИФ РАН, 1993. – 49с.
318. Савельев, А.Н. Механизмы духовно -нравственного измерения политических процессов / Савельев А.Н.: Политическая мифология : Дисс. ... доктора политол . наук . М., 2000. - 331с.
319. Сердюкова, Е.Л. Прогнозирование социальной реальности как метод философского анализа : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11. - Краснодар, 2015. - 154 с.
320. Смирнова, Е.В. Концепт идеологии в социально-философской мысли : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11. - Москва, 2016. - 147 с.
321. Соловьев, С.М. Идеология: контрверзы теоретической проблематизации в XX веке: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Москва, 2004. - 140 с.
322. Ступкина, А.В. Идеологические и прагматические детерминанты развития современного общества: философский анализ /Дисс...канд.филос.наук. –Ставрополь, 2009. -162с.

323. Терентьев, И.А. Социальная реальность как объект социально-философского анализа /Дисс....канд.филос.наук. – Краснодар, 2007. -152с.
324. Троско, Р.А. Содержание, структура и функции научной идеологии: особенности анализа в современной социальной философии: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. - Барнаул, 2006. - 175 с.
325. Ханзина, Е.Г. Проблема общественного порядка в истории философии (V в. до н.э – начало XIX в.)». Дисс. ... кандидата философских наук: 09.00.03. - Мурманск, 2019. – 211 с.
326. Шарипова, Р.Ф. Социальная реальность: философский анализ понятия: диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.01. - Уфа, 2001. - 162 с.

Электронные ресурсы

327. Абельс, Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование [Электронный ресурс] / Х.Абельс // Журнал социологии и социальной антропологии – 1998. - Т.1, вып.1. – Режим доступа: <http://www.soc.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
328. Американским школьникам разрешат менять пол и расу втайне от родителей. [Электронный ресурс] // Fox News. - 02.03.2018. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/inotv/2018-03-02/Fox-amerikanskim-shkolnikam-razreshat-menyat>. – Загл. с экрана.
329. Библия. Исход. Глава 22.18 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://bibleonline.ru/bible/rst66/exo-22>, свободный. – Загл. с экрана.
330. Дугин, А. Демократия как власть меньшинства [Электронный ресурс] / А.Дугин // МАХПЕРК. - 25.04.2012. / Режим доступа: <https://maxpark.com/user/556697085/content/1321502>. – Загл. с экрана.
331. Зиновьев, А. Хочу рассказать вам о Западе (август 1990) [Электронный ресурс]/ А.Зиновьев // Комсомольская правда. - 03.08.1990. – Режим доступа: <http://zinoviev.info/wps/archives/73>. – Загл. с экрана.

332. Зорькин, В. Буква и дух Конституции [Электронный ресурс]/ В.Зорькин // Российская газета. Федеральный выпуск № 7689(226). -09.10.2018. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html>7 – Загл. с экрана.
333. Кейси, Дуг. О глубинном государстве (Deep State) США [Электронный ресурс] / Дуг Кейси // Режим доступа: <https://marc-aureli.livejournal.com/245650.html> , свободный. – Загл. с экрана.
334. Конституция Российской Федерации / Режим доступа: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3>, свободный. – Загл. с экрана.
335. Лукша, П., Будущее образование: Глобальная повестка [Электронный ресурс] / П.Лукша, Д.Песков. -М.: Skoltech. 2013. - 208 с. Режим доступа: http://rusinfo-guard.ru/wp-content/uploads/2016/12/GEF.Agenda_ru_full.pdf. – Загл. с экрана.
336. Мамардашвили, М.К. Введение в философию [Электронный ресурс] / М.К.Мамардашвили // Режим доступа: <http://www.philosophy.ru>, свободный. – Загл. с экрана.
337. Национальная доктрина образования в Российской Федерации (Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. N 751) / Режим доступа: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html>
338. Нужна ли России национальная идея и как ее сформулировать. Режим доступа: <http://www.iarex.ru/interviews/37362>, свободный. – Загл. с экрана.
339. Основы социальной концепции РПЦ [Электронный ресурс]. – М, 2008. -Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128>, свободный. – Загл. с экрана.
340. Платон. Государство [Электронный ресурс] / Платон // Режим доступа: <http://www.http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/26gos01.htm>, свободный. – Загл. с экрана.
341. Путин В.В. Послание президента РФ Федеральному Собранию РФ от 01.03.2018 / В.В.Путин // Режим доступа:

- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/], свободный. – Загл. с экрана.
342. Путин В.В. Послание президента РФ Федеральному Собранию РФ от 03.12.2015 / В.В.Путин // Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>, свободный. – Загл. с экрана.
343. Путин В.В. Послание президента РФ Федеральному Собранию РФ от 04.12.2014 / В.В.Путин // Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>, свободный. – Загл. с экрана.
344. Путин В.В. Послание президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012 / В.В.Путин // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/, свободный. – Загл. с экрана.
345. Путин В.В. Послание президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 / В.В.Путин // Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>], свободный. – Загл. с экрана.
346. Путин, В.В. Послание президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012 / В.В.Путин // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/, свободный. – Загл. с экрана.
347. Стратегия стратегий для России. Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/336005>, свободный. – Загл. с экрана.
348. Сурков, В. Долгое государство Путина [Электронный ресурс] / В.Сурков // Новая газета. 11.02.2019. // Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html, свободный. Загл.с экрана.
349. Сурков, В. Нужна ли России национальная идея и как ее сформулировать [Электронный ресурс] / В.Сурков// Режим доступа: <http://www.iarex.ru/interviews/37362.html>, свободный. – Загл. с экрана.
350. Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных

- ценностей» от 09.11.2022 № 809 [Электронный ресурс]
<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>.
351. Указ Президента РФ "О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России" от 15.05.2003 N 549 (ред. от 08.09.2010) [Электронный ресурс]
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87873.
352. Федеральный Закон «Об образовании» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. с изменениями в п.2 от 01.09.2020 [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/, свободный. – Загл. с экрана.
353. Шренгер, Я. Молот ведьм («Nexenhammer») / Я.Шренгер, Г. Инститорис // Режим доступа: http://modernlib.net/books/institoris_genrih/molot_vedm/read/, свободный. – Загл. с экрана.

Иностранная литература

354. Bella, R. The Good Society / R.N. Bella. - N.Y., 1991. p.106.
355. Galbraith, J.K. The Good Society: The Human Agenda / J.K. Galbraith. - Boston-N.Y., 1996. – 240 p.
356. James, W. Pragmatism. Prometheus Books Buffalo / W. James. - New York, 1890. – 134 p.
357. James, W. Principles of Psychology / W. James. - N-Y, 1890. - Vol. 2. - Ch. 21. – P.283-322.
358. Ricoeur P. Lectures on Ideology and Utopia. Ed.by George H. Taylor. N.Y., 1986. – P. 21-22.
359. Schutz, A. Collected papers 1: The Problem of Social Reality / A. Schutz. - The Hague, Martinus Hijhoff, 1973. - P.5.
360. Spector, M. Constructing Social Problems / M. Spector, J. Kitsuse. - Menlo Park CA, Cummings,1977. – P.76.
361. Waller, W. Social Problem and the mores / W. Waller. – American Sociological Review, 1936.- № 1. – P. 922-934.